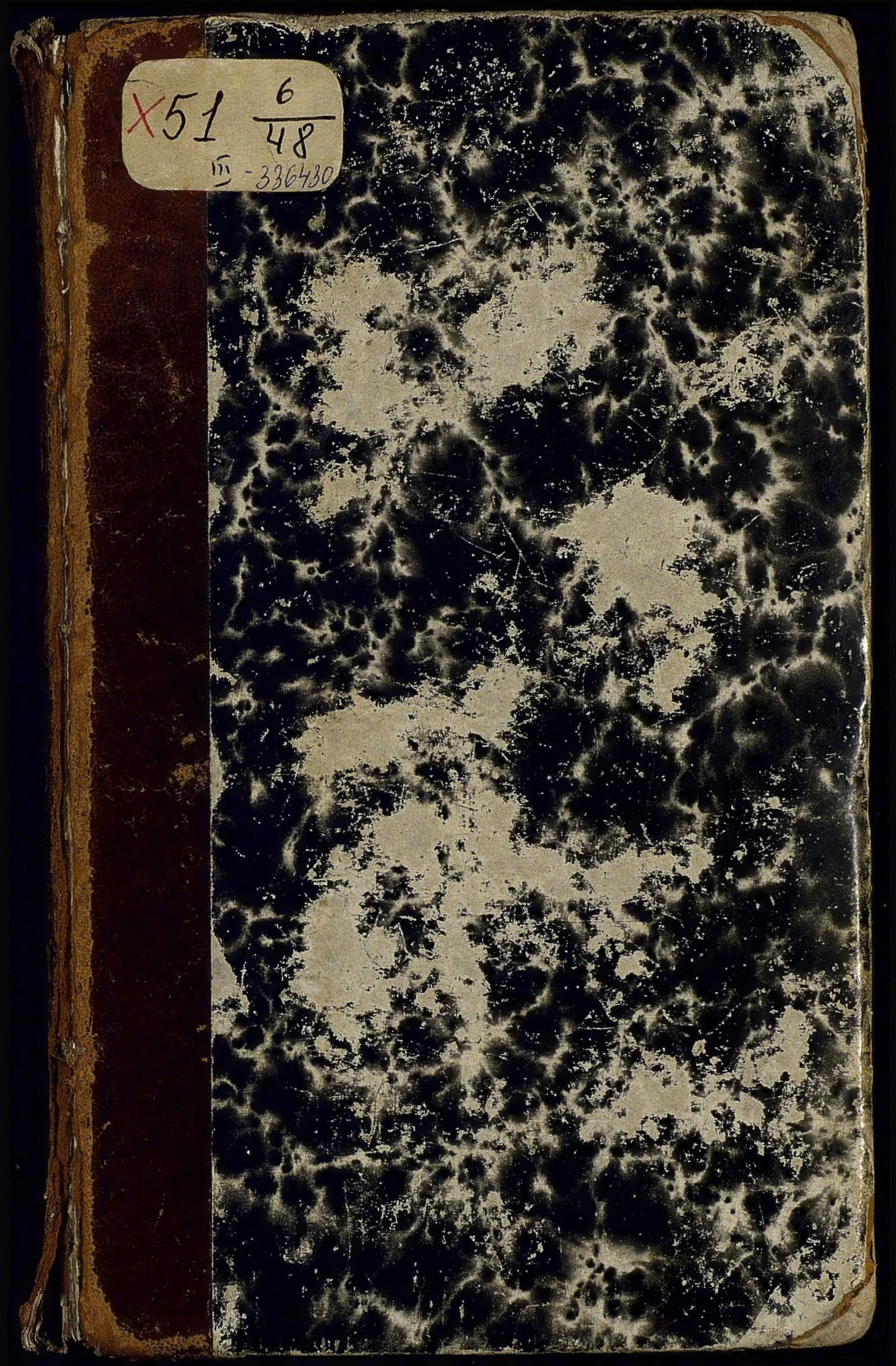

X51 6/48
III - 336430

нет стр. 55-58 [illegible]

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

и

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ III.

На нашей улицѣ праздникъ.

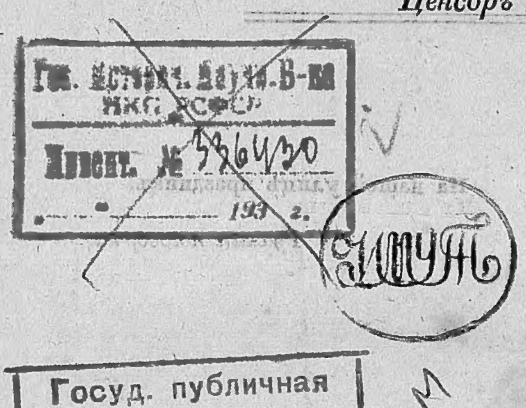
Руская поговорка.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1838 года Августа 9 го дня.

Ценсоръ В. Флеровъ.

РУСКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Издан. И. Снегирева.

I. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.
II. КРАСНАЯ ГОРКА.
III. РАДУНИЦА.
IV. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.
V. СВИСТОПЛЯСКА.
VI. ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННІЙ.
VII. ПЕРВОЕ МАЯ.
VIII. ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.
IX. СЕМИКЪ.
X. ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

I.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы отъ сна зимняго и со вступленіемъ солнца въ знакъ Овна начинаются весенніе праздники, гулянья и хороводныя игры, которыя имѣютъ отношеніе къ времени года, климату, мѣстности и связь съ житейскимъ бытомъ Рускаго народа.

Весна, подобно солнцу, называется *красною*. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ весна именуется *ярь*, gár (произн. ярь); у Скандинавовъ vár, vor, начало весны, на Исландскомъ aar значитъ годъ, весну, жатву (1). Слова сіи производствомъ и знаменованіемъ сходны съ Греческимъ ἔαρ весна, происходящимъ отъ Еолійскаго ϝῆρ, вмѣсто ἦρ, Латин. ver. *Ярб* является и олицетвореннымъ въ Славянскомъ мірѣ. Въ Далмаціи донынѣ сла-

(1) Нѣм. Jahr. Но Слав. *ярь* и Сканд. var кажутся тождественными съ Славянорускъ. *варъ* и *жаръ*. — Edda rythmica, sev antiquior, vulgo Saemundina dicta. v. III. Havniae 1828, in 4.

вяшъ *Яра* на свадебныхъ пиршествахъ (2), отъ котораго происходитъ и *яровое* и пр. Слова сіи, по видимому, однородны съ Славяно-Рускимъ *Ирђ*, которое издатели Духовной Владиміра Мономаха почитаютъ за Сарматское слово, объясняя его восходомъ солнечнымъ и теплыми мѣстами, или краями, куда около Покрова дикія птицы улетаютъ и оттуда прилетаютъ около Благовѣщенья (3). Въ Сербскомъ и Болгарскомъ нарѣчіяхъ весна называется *пролѣтъ*, въ Боснійскомъ prolitje, primaletje; а первые три весенніе мѣсяца Мартъ, Апрѣль и Май въ старомъ Рускомъ языкѣ — *пролѣтіемђ* и *пролѣтними*, какъ бы предлѣтіемъ. У Чеховъ и Словаковъ первый день Марта, или Березозоля, извѣстенъ былъ подъ именемъ Letnice, Ženské Letnickj, вѣроятно отъ Славянской Летницы, Леты, Ляцоны; въ народномъ Рускомъ языкѣ *лѣто* часто употребляется вмѣсто весны.

Чтожъ касается до слова *весна*, то оно уже встрѣчается въ Славянской Библіи, гдѣ описывается состояніе земли послѣ Потопа (4). Оно созвучно, черезъ преложеніе, съ Еврей-

(2) *Карамз.* И. Г. Р. I, 88.

(3) „И сему подивуемся, како птицы небесныя изъ *Ирья* „идутъ." см. Духовная В. К. Владиміра Мономъ. Спб. 1793, въ 4. *Лѣто* у Виндовъ — годъ.

(4) *Бытія* VIII, 22: „Лѣто и *весна* не престанутъ."

скимъ Nisan, именемъ не только Марта, но и другихъ весеннихъ мѣсяцевъ (5), изъ коихъ Апрѣль называется Iar (Йяръ). Рейфъ въ Рускомъ Словарѣ производитъ слово *весна* отъ Санскритскаго Vasantá, праздникъ *вешній*; но, кажется, оно созвучнѣе съ Инд. *Вишну*, который почитается за первое начало питательныхъ водъ, за связь всѣхъ существъ (6). Впрочемъ отъ *ясности* вешней погоды ето время года могло быть названо *ясна*, а съ прибавленіемъ губной буквы *в*, нашей дигаммы въ нѣкоторыхъ словахъ: *в=ясна!*

Етотъ мѣсяцъ, по причинѣ случающагося въ немъ весенняго равноденствія, былъ священнымъ у всѣхъ народовъ, а время непосредственно предъ вступленіемъ солнца въ знакъ Овна было у многихъ порою печали и сѣтованія. Индійцы въ началѣ Марта праздновали малый праздникъ Durga, *или* природы-богини, коей большой праздникъ совершался въ осеннее равноденствіе. Оба сіи праздники встрѣчаются съ обоими Байрамами Мусульмановъ. Около етого времени (24 Марта) въ Римѣ бывалъ Цибелинъ праздникъ Sanguen, на коемъ жрецы

---

(5) Dictionnaire historique, critique, chronologique, geogr. et liter. de la Bible, par D. A. *Calmet.* à Toulouse. t. IV. 1784, in 8.

(6) Religions de l'Antiquité, ouvrage traduit du D. Fr. *Kreuzer.* t. I. à Paris, 1825: in 8.

ея оплакивали убіеннаго Аписа — по мнѣнію Макробія — символъ солнца, возвращеніе коего на весну въ слѣдующій день встрѣчаемо было общимъ радостнымъ праздникомъ, Hilaria (7). Такъ какъ, по древнему Персидскому календарю, Мартъ былъ не Ferwerdin, но Ader, тоже что Египетскій Athyr: то надобно еще замѣтить, что въ етомъ мѣсяцѣ Египтяне вспоминали, общимъ сѣтованіемъ, погребеніе Озирида, который не что иное, какъ солнце, отсутствующее и возвращающееся на весну подъ изображеніемъ *убіеннаго владыки и гроба*. Въ мѣсяцѣ Адерѣ бывала также торжественная *ѣзда на ослѣ*, на котораго сажали, на посмѣшище народу, балагура; подобный обрядъ на Западѣ наблюдаемъ былъ въ средніе вѣки и даже въ новѣйшія времена. По свидѣтельству Плутарха (8), въ Аѳинахъ пальмовыя вѣтви носимы были по стогнамъ града въ праздникъ Вѣтвеношенія что и донынѣ совершается на всемъ Востокѣ при брачныхъ обрядахъ. Также въ Индіи, въ концѣ Марта мѣсяца, или въ началѣ слѣдующаго встрѣчаемъ былъ съ пламенниками праздникъ Darmaradscha и Drobede, въ продолженіи коего

---

(7) A. *Macrobii* viri consularis Saturnaliorum. Eucharius Cervicor. excudebat. an 1526, in. f.

(8) *Plutarchi* Theseus, c. 23. — W. Wachsmuths Hellen. Alterthumskunde. Halle. 1829. 3 Th. in 8.

посыпались главы пепломъ. Наконецъ, въ весеннее равноденствіе впадалъ одинъ изъ двухъ великихъ праздниковъ у Іудеевъ, *новый св. годъ*, у Персовъ Newruss, праздникъ новолѣтія (9).

Какъ Мартъ изкони почитался первымъ мѣсяцемъ міра: то и въ Россіи до XV вѣка признаваемъ былъ за первый мѣсяцъ гражданскаго года и сопровождался разными обрядами и играми. Къ этому давала поводъ сама обновлявшаяся природа: ибо, когда послѣ весенняго равноденствія начинаются *утренники*, подуютъ теплые вѣтры весенніе, красное солнце согрѣваетъ застылую землю, *съ горъ* текутъ вешнія *воды*; тогда поселянинъ вызывается къ дѣятельности изъ курной душной избы на проталинки, на чистыя поля и привольные луга; по мѣстамъ бываютъ торги и *ярмарки*, которыя оживляютъ народную промышленность и способствуютъ къ сближенію людей. Въ вешнюю пору, когда земледѣлецъ сбирается сѣять *яровое* и садитъ хмель *ярый*: тогда варится *Мартовское пиво*, прославляемое Рускими пословицами и играются на красную горку свадьбы: имъ предшествуютъ и за

(9) Die Feste der alten Christen, oder Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von D. J. B. Augusti. III B. Leipz. 1820, in 8.

ними послѣдуютъ хороводныя пѣсни и игры: онѣ торжествуютъ *ладъ* двухъ началъ міра, проявляемаго человѣкомъ, и обоихъ половъ, изъ которыхъ одинъ прообразуется солнцемъ, а другой луною, которая именуется у Поляковъ księżyc. Какъ простой народъ называетъ солнце *Княземъ*, а мѣсяцъ, или луну, *Княгинею*: то, вѣроятно, по етому и новобрачный величается *Княземъ*, а новобрачная *Княгинею*. Самая церковь при вѣнчаніи обручаетъ перваго сѵмволомъ солнца, золотымъ перстнемъ, а другую сѵмволомъ луны — серебрянымъ перстнемъ, въ прообразованіе подчиненія послѣдней первому, и полагаетъ на главы ихъ сѵмволъ вѣчнаго союза — *вѣнцы*, извѣстные въ древностяхъ Греческихъ и Римскихъ (10).

Главный же изъ праздниковъ весеннихъ языческаго происхожденія, знаменующій собою союзъ природы съ жизнію человѣческою — *закликаніе весны*, соединенное съ *изгнаніемъ* мертвящей *зимы*, *или смерти*; онъ извѣстенъ не только у Балтійскихъ Славянъ, но и во многихъ мѣстахъ Германіи подъ разными названіями.

У Скандинавовъ, особенно у древнихъ Шведовъ, начало весны или Höfudblôt, въ Язы-

(10) Потребникъ мірской. Москва. 1639. въ листъ.

чествѣ было главнымъ и великимъ празднествомъ, особливо въ Упсалѣ (11), которое сопровождалось торжественными жертвоприношеніями, торгами, играми, въ продолженіи цѣлой недѣли, въ концѣ Февраля, который у язычниковъ и Хрістіанъ именовался мѣсяцемъ *очистительнымъ*. У Чеховъ и отчасти у Нѣмцевъ первое число Марта почиталось за начало весны и первымъ днемъ въ мірѣ. Hie wart der erst dag in der welta, по старинному Нѣм. календарю (12). Какъ у Персовъ, такъ и у древнихъ Славянъ тогда въ Язычествѣ совершалась торжественная тризна съ жертвоприношеніями и факелами: во многихъ Славянскихъ земляхъ донынѣ, по замѣчанію Карамзина, сохранились слѣды праздника въ честь мертвыхъ, сходнаго отчасти съ Рускою Радуницею, когда, по свидѣтельству Стоглава, *творили оклички* покойникамъ. Въ началѣ Марта тамъ воспѣвалась кончина зимы и сжигалось соломенное ея чучело (13). Етотъ праздникъ у южныхъ Шведовъ и Готѳовъ, у Силезцевъ и

(11) Edda Saemundina, p. III. continens locupletissimum priscorum borealium Theosophicae Mythologiae Lexicon atque eorundem gentile Calendarium.

(12) Geschichte der Meinungen älterer u. neuerer Völker, 2 Th. Stendal. 1784, in 12.

(13) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von *Dr G. Klemm*. Dresden. 1836, in 8.

Чеховъ также извѣстенъ подъ именемъ *замореной зимы и возобновляющейся весны.* См. *Масляница.* У послѣднихъ весна, называемая *Мараною*, встрѣчается пѣснею :

Giž nesm smret ze wsy,
Nové léto do wsi.
Wjtey lèto libezné,
Obiljćko zelene!

т. е. „Уже несемъ смерть изъ веси; а новое „лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и „обиліе земное (зеленые хлѣба)!“ Около етого времени, донынѣ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ поселяне носятъ пищу на могилы родительскія.

Польскій Историкъ въ XVI вѣкѣ Мартинъ Бѣльскій говоритъ : „Мечиславъ въ „965 году отъ Р. Х. приказалъ бросить въ огонь деревянные истуканы, а каменные по„топить въ водѣ. Оттого и донынѣ (т. е. „до 1576 года) существуетъ тотъ обычай „въ великой Польшѣ и Силезіи, что седьмаго „Марта топятъ *Маржану*, нарядивъ ее женщи„ною и вышедши изъ деревни, поютъ: Смерть „вьется по заборамъ, ища себѣ поживы.“ Іоакимъ Бѣльскій въ 1597 г. подтверждаетъ свидѣтельство своего отца слѣдующими словами : „На моей еще памяти, существовалъ „у насъ етотъ обычай по деревнямъ, что „въ бѣлую недѣлю (соотвѣтствующую 5 й „недѣлѣ великаго поста, или похвальской)

„топили болвана, нарядивъ снопъ конопли „или соломы въ одежду человѣка: его про„вожала вся деревня къ ближнему [illegible] и „пруду, гдѣ снявъ съ него одежду, бросала „въ воду съ приговорами" (14). Изъ древняго обычая и свидѣтельства Бѣльскихъ видно, что Маржана была женщиною, а чучело — образомъ ея кумира, хотя Лелевель и почитаетъ Маржану за растеніе, извѣстное у насъ подъ именемъ марены, полагая, будто оно сообщило названіе народному празднику. Длугошъ (15) сравниваетъ *Маржану* съ Церерою, матерью и богинею земныхъ плодовъ, и свидѣтельствуетъ о великомъ почтеніи къ оной Поляковъ: что̀ подтверждаетъ и Нарушевичь. Такое противорѣчіе въ значеніи Маржаны, сходной съ Славянскою Сивою, Виндійскою Дзидзиліею и Чешскою Мораною, согласить можно тѣмъ, что въ матери-землѣ сочетавается смерть, рожденіе и плодотворность (16).

Слѣды этого миѳа, относящагося къ времени года и къ жизни человѣческой, встрѣчаются въ Исландской, Нѣмецкой и Славяно-

---

(14) Kronica *Marcina Bielskiego*. Warschawa, 1764. f.

(15) *Ioannis Dlugossii* historiae Polonicae libri XII, ed. Gabr. Groddeckii. Lipsiae. 1711, f.

(16) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von Anton Tkany. 2 T. Znaim. 1827, in 8,

Руской Миѳологіяхъ. У Исландцевъ Mara, или Marra, у Агличанъ Night-mare, у Вестфальцевъ Nachtmähre, у Чеховъ Morusi значитъ *кикимора*, постѣнь, о коемъ Скандинавы думали, что онъ мучитъ людей во время сна до тѣхъ поръ, пока не лишитъ жизни. Это подтверждается Исландскою поговоркой: Maren trad hann, т. е. постѣнь его давитъ, верхомъ ѣздитъ, тоже что у Нѣмцевъ: der Mahr ihn drückt. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ютландіи употребляется слово Mara вмѣсто клятвы, у Нѣмцевъ Mahr, домовой, привидѣніе. Въ Польскихъ миѳахъ Mara также значитъ призракъ, отъ коего производятъ и Marzec, какъ видно изъ слѣдующихъ словицъ:

Sen mara, Bóg wiara, т. е. сонъ мечта, а Богъ вѣра, или Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Miesiąc marzec zwykł starych straszyć marami, т. е. мѣсяцъ Мартъ привыкъ стращать стариковъ марами (призраками) (17).

Въ Малороссіи между простымъ народомъ сохранилась слѣд. брань, напоминающая Марану: *Мара свитова*, т. е. єка ты сатана! разумѣя подъ этимъ злаго, душегубнаго духа, летающаго по свѣту и сходнаго съ Рускою *Варагушею*, *Кумохою*, *Веснухою*, *Віошницею*, которая ве-

(17) Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach; opisane p. L. *Gołębiowskiego*. w Warschawie. 1831. in 8.—Замѣч. Профессора Лобойки.

сною насылаетъ лихорадку мучить людей. Въ Карпатахъ доселѣ также извѣстна брань: *Мара бы тя взяла!* Изъ этого видно, что какъ весною, при переходѣ одного времени года къ другому и взаимной борьбѣ того и другаго, сострадаетъ природа, а съ нею и человѣкъ: то сіе и олицетворено въ Марѣ (mors, моръ?). У Малороссіянъ Веснянка есть остатокъ Мараны, забытой въ Польшѣ и неизвѣстной въ Великой Россіи. Въ Харьковской Губерніи *Мареною* называется чучело изъ черноклена, одѣтое въ женское платье; вокругъ его дѣвки въ Семикъ поютъ и пляшутъ. Если имя Мараны означаетъ, что Мартъ былъ временемъ посѣва: то чтители ея должны были жить южнѣе, чѣмъ ихъ потомки, которые не могутъ сѣять яроваго прежде Апрѣля на Сѣверо-Востокѣ Россіи (19). Вѣроятно Мартъ, какъ первый мѣсяцъ первой половины года, начинающейся съ весенняго равноденствія, долженъ быть порою сѣянія у народа земледѣльческаго, покланявшагося Маранѣ, смотря по географическому его положенію, а *закликаніе весны и изгананіе зимы* — остатками празднества въ честь этого божества, въ коемъ смѣшиваются разноплеменные миѳы.

(18) Dissertations sur les antiquitès de Russie, par *M. Guthrie*, à S. P. 1795, in 8.

Въ Украйнѣ весною (такъ какъ въ Греціи *χελιδόνισμα*) дѣти нося въ рукахъ сдѣланную изъ дерева ласточку, ходятъ съ нею по домамъ славить наступленіе весны, которая именуется въ Малороссіи *Ярью* и *Зеленачкою*. Вообще тамъ, когда „раз„таетъ снѣгъ, щука разобьетъ хвостомъ „ледъ на рѣкѣ, а птичка овсянка запоетъ „свою Веснянку“: тогда дѣвушки въ первый праздникъ, собравшись на хороводы, ходятъ по улицамъ и привѣтствуютъ весну пѣснями; это называется *Веснянками*, кои тамъ поются до Троицына дня (18). Въ Черниговской Губерніи Веснянки начинаются съ Благовѣщенья. Въ Великой Россіи по мѣстамъ подъ *Веснянками* извѣстны миѳическія существа женскаго пола, кои являются только весною, такъ какъ *Зимнянки* зимою, а *Осенянки* осенью.

Встрѣча и окликаніе весны приходятся, смотря по климату и мѣстности, въ разное время, и дѣлается различнымъ образомъ.

Въ Смоленской Губерніи, по деревнямъ бабы, дѣвки и малыя ребяты взлезши на крышки свиреней (хлѣбныхъ амбаровъ), или взошедши на горы, *кличутъ весну* дважды: въ день Евдокеи *весновки* и на Сороки, припѣвая:

---

(19) Енциклоп. Лексиконъ, т. X, ст. *веснянка*.

Весна красна!
Что ты къ намъ принесла?
Красное лѣтечко.

Въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской Губ. въ великій четвергъ, рано поутру, *окликаютъ весну.* Въ XVI еще вѣкѣ, въ Великой Россіи, какъ видно изъ Стоглава, тогда „по рану солому палили и *кликали мертвыхъ.*“ Донынѣ еще во многихъ мѣстахъ, по древнему повѣрью, въ етотъ день утромъ, предъ восходомъ солнца купаются для здоровья. Около Буя и Солигалича, тогда же, при восхожденіи солнца, поселяне трижды погружаются въ воду, трижды кувыркаются по землѣ и потомъ по углу взлезаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сосновкѣ, въ великій четвергъ, при полночномъ пѣніи пѣтуха, бѣгутъ дѣвки и парни съ пѣснями на рѣчку Бахту почерпнуть воды, *пока воронъ не обмакнулъ въ нее крыла.* Етою водой они умываются. Если раскрылись воды: то Буйскія дѣвки входятъ по поясъ въ рѣку и въ водѣ схватясь руками одна съ другою, припѣваютъ: *Весна, весна красная, приди, весна съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!* Еслижь не раскрылись воды: то дѣвки схватясь за руки, вертятся вокругъ проруби съ тѣми же припѣвами. Въ Петрозаводскѣ встрѣчаютъ

весну первое Мая съ соломеннымъ чучеломъ, которое поднявъ на шестъ, ставятъ на горкѣ, потомъ садятся вокругъ него пировать и, по окончаніи пиршества, сжигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ Тульской Губерніи, съ Ѳоминой недѣли *закликаютъ*, а въ Калужской *зазываютъ* на горкахъ *весну* хороводными пѣснями съ припѣвами: *ой Дидъ*, *ой Ладо!* кои вездѣ повторяются въ это время и напоминаютъ Литовскаго *Дидисъ-Ладо*, т. е. великаго Ладо, какъ фактъ историческій о вліяніи Литовской Ѳеократіи на Славянскія поколѣнія древняго Сѣвера, или, можетъ статься, наоборотъ (20). Въ Тульской же Г. передъ захожденіемъ солнца поселяне обоего пола сбираются на ближній холмъ или пригорокъ; съ лицемъ, обращеннымъ на востокъ, проговоривъ молитву, становятся въ хороводъ. Запѣвальщица съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яицемъ въ другой начинаетъ слѣдующую пѣсню:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.

---

(20) Сѣверная Пчела, 1835 г. — Dzieje starozytne narodu Litewskiego p. *T. Narbutta.* t. I. Mitologia Litewska. Wilno. 1835, in 8.

Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой;
Одной дѣвки нѣтъ:
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду везетъ тесменную.
Ахъ! горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому.

Во многихъ мѣстахъ Россіи игры хороводныя, начинаясь отъ Красной горки, продолжаются до Ярилы, или до Всесвятскаго заговѣнья, въ которое *провожается весна* по закатѣ солнца. Въ играхъ сихъ содержатся мимическія представленія изъ народнаго быта, коихъ содержаніе выражается относящимися къ нимъ пѣснями; онѣ соединяются съ качаньемъ на качеляхъ и скаканьемъ на доскахъ. Первый весенній дожжикъ встрѣчается пѣснею, которую такъ поютъ въ Костромской Губ. въ Нерехотскомъ уѣздѣ:

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ.

У Рускихъ есть общее съ Исландцами повѣрье, что весною, особенно въ первый

день Пасхи, *солнце играетъ* (21). У первыхъ крестьянскія дѣти поютъ солнцу:

Солнышко, вёдрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ,
Сыръ колупаютъ,
Собакамъ бросаютъ;
Собаки-то не ѣдятъ,
А куры-то не клюютъ.

При первомъ громѣ обыкновенно поселяне умываются съ золота, серебра и съ куринаго яица; изъ естественныхъ явленій выводятъ разныя примѣты о погодѣ и урожаѣ хлѣба.

Какъ первый весенній праздникъ изгнанія зимы проявляетъ побѣду жизни надъ смертію, такъ окликаніе весны и усопшихъ знаменуетъ *ладъ* человѣка съ природой, которая возобновленіемъ своимъ призываетъ его къ очищенію, напоминая смерть и воскресеніе. Съ етимъ празднествомъ языческаго происхожденія соединяются и за нимъ послѣдуютъ другіе народные праздники и гулянья весеннія, о коихъ мы скажемъ особенно, какъ-то: *Красная горка*, *Вьюнецъ*, или *Вьюнитство*, *Радуница*, *первое Апрѣля* и *первое Мая*, *Юрьевъ день*, *Свистопляска*, *Семикъ* и пр.

---

(21) Edda Saemundina, t. III.

II.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Въ Великой Россіи почти вездѣ народъ подъ именемъ *Красной горки* разумѣетъ время, мѣсто и дѣйствіе, которыя сливаются въ этомъ народномъ названіи.

Красная горка обыкновенно начинается съ Ѳомина Воскресенья, которое въ Восточной церкви называется *'Αντίπασχα, κυριακὴ τοῦ Θωμᾶ, καινὴ κυριακὴ*, новое Воскресенье, въ Западной церкви Dominica alba, или in albis, бѣлое Воскресенье, der weiße Sonntag. С. Григорій Назіанзинъ къ этому времени относитъ праздникъ весны (1). Наименованіе недѣльнаго дни *бѣлымъ* объясняется изъ обычаевъ первенствующей церкви облекать новокрещенныхъ въ бѣлую одежду, которую они носили во всю Св. недѣлю и слагали въ бѣлое Воскресенье; а наименованіе *Красною горкою* ведетъ

(1) *Gregorii Naz. or.* 42. —

свое начало отъ древняго вѣрованія и житейскаго быта Рускаго народа. Не останавливаясь на христіанскомъ обычаѣ, совершенно противоположномъ по существу своему народному, перейдемъ къ послѣднему, какъ предмету нашего изслѣдованія.

Красная горка одинъ изъ народныхъ праздниковъ *красной весны;* съ него начинаются хороводныя игры на горахъ и долинахъ, играются свадьбы, по Рускому выраженію, *на красную горку.*

Какъ етотъ праздникъ народный состоитъ въ тѣсной связи съ временемъ года, природою, мѣстностью, бытомъ житейскимъ и съ древними повѣрьями: то разсматривая его въ такихъ отношеніяхъ, обратимъ вниманіе на самое значеніе словъ *Красная горка.*

Изкони горы, какъ колыбели человѣчества, родина и обитель боговъ и естественные предѣлы владѣній (ὄροι горы, ὅροι предѣлы) почитались священными и служили требищами для языческихъ племенъ древняго міра, которыя, по словамъ С. Писанія, *сградиша сіи себѣ высокая и столпы и капища на всякомъ холмѣ высоцѣмъ* (2). Кромѣ другихъ народовъ, также у Нѣмцевъ, Сла-

(2) III *Царствъ*, гл. XIV. На Еврейск. *гора* har.

вянъ и Литовцевъ *горы, горки, горицы, крутицы* (Góry święte, Kałnas) бывали мѣстами богослуженій и мольбищъ, гдѣ стояли у нихъ истуканы, приносились жертвы, погребались умершіе, горѣли огни, необходимые для пировъ жертвенныхъ, совершались разные обряды и игры. На горахъ отправляемы были судъ и расправа; у Франковъ и Сѣверныхъ народовъ находились горы суда (Malloberg, Lögberg) (3). Въ Кіевѣ, по сказанію Нестора, на *холмѣ, оскверненномъ кровли*, сооружена была церковь С. Василія. Объ етомъ свидѣтельствуютъ самыя названія многихъ горъ въ Германіи, Польшѣ, Литвѣ и Россіи, гдѣ замѣчается особенное въ Древности горопоклоненіе. Если принять справедливымъ мнѣніе тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что Руские Славяне не имѣли храмовъ и отправляли богослужебные свои обряды на открытыхъ мѣстахъ: то съ нѣкоторою вѣроятностію можно полагать, что холмы и горы замѣняли у нихъ капища и требища. Таковы должны быть *горы святыя, поклонныя, лысыя, красныя, русыя, черминыя*,

---

(3) Deutsche Rechts-Alterthümer von Iac. *Grimm*. Götting. 1828, in 8. — Origines du droit français, cherchès dans les symboles et formules du droit universel, par *M. Michelet*. Paris. 1837, in 8.

червонныя, *черныя*, *гремячія* и т. д. По древнему повѣрью, существующему въ Польшѣ и Силезіи, на красныя горки сбираются духи мужескаго пола, а на лысыя женскаго. Наши миѳическія *Горыни* тоже, что Греческія Ореады. Въ Пруссіи долго вѣрили простолюдины, что сиреневое дерево служитъ пріютомъ дьяволовъ, которыхъ называли *красными людьми*. Въ Моравіи близъ Брюнна, есть Spielberg, игорная горка, гдѣ стоялъ Перуновъ храмъ между двумя священными дубами: истуканъ его держалъ въ правой рукѣ красный сошникъ, а въ лѣвой копье съ бѣлымъ знаменемъ. Отъ игръ, отправлявшихся въ честь Перуна, гора сія названа *игорною* (4). Въ Германіи встрѣчаются урочища подъ именемъ *Красныхъ горъ*, кои на Нѣмецкомъ именуются красивыми, Schönberge. Такъ въ Богемскомъ городѣ Берунскѣ (не отъ Перуна ли?) krásná hora, а въ Венгріи мѣстечко и городъ krásna horká, по переводу Нѣмцевъ, Schönberg. Въ Польшѣ, Силезіи и Черной Руси есть горы, извѣстныя также подъ именемъ *червонныхъ* (czerwona górka). Въ великой и малой Россіи встрѣчаемъ много старинныхъ урочищъ подъ названіемъ *красныхъ горъ*, *горокъ*, *холмовъ* и *красницъ*, на

(4) Mythologie der alten Teutschen u. Slawen; von A. Tkáni. 2 Th. Znaim. 1827, in 8.

коихъ иногда попадаются и *городища.* Въ самой Москвѣ есть на Неглинной церковь С. Георгія Побѣдоносца *на красной горкѣ.* Одинъ изъ пригорковъ маковицы С. Троицкой Лавры слыветъ *красною горкою*, отъ коей верстахъ въ десяти, среди Бѣлухинской рощи и Воздвиженскаго есть мѣсто, называемое *Бѣлые боги.* Въ Старицкомъ уѣздѣ на *Красныхъ горахъ* былъ упраздненный *Красногорскій* Никольскій монастырь. Въ Новгородѣ 1415 г. сооружена была у Плотническаго конца церковь Воскресеніе *на Красной горкѣ* (5). Во Владимірской Губ. находится *Красногорская* Болдырева пустынь, нынѣ обращенная въ приходскую церковь, въ Тамбовской Г. *Красногорская* жъ Лебедянская и *Красногорская Романовская*, въ Полтавской Г. *Красногорская Чернуская* пустыни. Въ Черниговской Губерніи, въ двухъ верстахъ отъ Гадяча внизъ по теченію Псіола, *на Красной горѣ* стоитъ *Красногорскій* Николаевскій монастырь, основанный въ XV вѣкѣ, а близъ города Золотоноши *Красногорскій* Золотоношскій монастырь (6).

Не доѣзжая Архангельска, на берегу Пинеги, находится на гористомъ мѣстѣ

---

(5) *Карамз.* И. Г. Р. т. V, прим. 254.

(6) Исторія Россійской Іерархіи, ч. IV, М. 1812, чъ 8.

Красногорскій монастырь, который издревле, по окружавшимъ его мрачнымъ лѣсамъ, назывался *Черногорскимъ*, а потомъ, по очисткѣ лѣсовъ, по причинѣ красиваго положенія, переименованъ *Красногорскимъ*. Въ Ялуторовскомъ уѣздѣ Тобольской Г. острогъ называется *Красногорскимъ*; а въ Оренбургской Губерніи есть *Красногорская крѣпость*, получившая свое имя отъ красноватаго ила, смѣшаннаго съ пескомъ, коимъ покрыта вся эта гора подлѣ самаго Урала (7). На полуостровѣ Камчаткѣ сопка, а въ Финскомъ заливѣ мѣстечко называются *красными горками*. *Красные холмы* въ Москвѣ урочища (8), а въ Тверской Губерніи два бывшіе города, нынѣ одинъ слобода, другой безъуѣздный городъ. Въ Галичѣ Всесвятская гулянка бываетъ при холмѣ *Красница*. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ торговъ или ярмарокъ бываютъ и слывутъ *на красную горку*. Въ Козельцѣ торги называются *красными*, изъ коихъ одинъ бываетъ на Красную горку, въ концѣ Св. недѣли (9); въ *Красномъ-Колядинѣ*, мѣ-

---

(7) Словарь географическій Россійскаго Государства, собран. *А. Щекатовымъ*. Москва, ч. 3. 1804, въ 4.

(8) *Красный холмъ*, или *пупъ*; отсюда и *Пупыши*, на коихъ и церковь Св. Николая Чудотворца.

(9) Академическія извѣстія на 1780 г. ч. IV и V. Спб. въ 8.

стечкѣ Прилуцкомъ сбираются три ярмарки въ году. По замѣчанію Гг. Норова и Чертькова, *Красныя горы* (monti rossi) находятся и въ Сициліи.

Изъ приведенныхъ здѣсь топографическихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что прозваніе *горъ* и *холмовъ красными*, происходя отъ разныхъ причинъ, имѣетъ различное знаменованіе; но бо́льшая часть прозваній основана на сходствѣ идей и вѣрованій древняго быта народнаго въ Славяно-Рускомъ мірѣ, гдѣ слово *красный* играетъ важную роль.

Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ *красный* (krasni) принимается въ смыслѣ красивый, цвѣтущій, веселый, отрадный, отличаясь отъ *черминаго, червоннаго*, алаго, багрянаго (russus) цвѣта, столь любимаго Рускими, у которыхъ красный принимается въ послѣднемъ смыслѣ. Въ Славянорускихъ церковныхъ книгахъ *красный* выражаетъ то же, что Греческія слова: *ὡραῖος* цвѣтущій, веселый, *ἔυμορφος* благообразный, *ἐυειδής* миловидный, *περίβλεπτος* пресловутый, *ἐυπρεπής* (10) благолѣпный, *τερπνός* усладительный, отрадный. Самый *звонъ* отъ Ѳоминой недѣли до недѣли всѣхъ Святыхъ по церквамъ (во всѣ

(10) Лексіконъ трехъязычный, сирѣчь реченій Славенскихъ, Еллиногреческихъ и Латінскихъ сокровище. Москва. 1704, въ 4. Псл. 44, 3. Красенъ добротою, *ὡραῖος κάλλει*.

колокола безъ большаго) въ церковномъ уставѣ названъ *краснымъ*; церковь въ Московскомъ Китаѣ С. Николая Чудотворца слыветъ *красный звонъ*. Даже въ народномъ языкѣ *красный*, отъ *красы*, означаетъ свойства предметовъ неодушевленныхъ и одушевленныхъ, чувственныхъ и отвлеченныхъ, вмѣсто красивый, хорошій, цвѣтущій, пригожій, изящный, а *прекрасный* есть превосходная степень. Рускій называетъ *поля*, *холмы*, *пруды*, *села*, *дворы*, *ворота*, *окна красными*, даже первыхъ *дѣтей*, *дѣвицъ*, *день*, *жизнь*, *смерть*, *рѣчь* (краснорѣчіе), *бесѣду красными*; что видно изъ его пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ. Самая *весна* и *лѣто* именуются *красными* по ясности погоды и пріятности обоихъ временъ года, когда природа является намъ во всей *красѣ* и лѣпотѣ своей. Нынѣ въ употребительномъ языкѣ *красный* болѣе означаетъ одинъ изъ простыхъ цвѣтовъ, меньше прочихъ подверженный преломленію солнечныхъ лучей, и похожій на кровь и огонь.

По таковому соображенію, *Красная горка* значитъ красивая по мѣстоположенію и увеселительная по играмъ, какія обыкновенно бывали и доселѣ бываютъ. Руская народная игра *горѣлки*, начинающаяся съ Красной горки, есть родъ *хоровода*, *жированья* и едвали не происходитъ отъ Греческ. γῦρος кругъ и

дугаге кружиться. Вѣроятно горѣлки сопровождались въ языческой древности у Славяно-Руссовъ *горѣніемъ огней* и завѣтными обрядами особенно на горахъ потому, что играть въ *хороводы на красную горку*, по большей части, сбираются на высокія мѣста, холмы и пригорки, тогда особенно, когда начнутъ распускаться деревья. Въ Вязьмѣ, при началѣ весны, сходятся невѣсты и женихи, въ праздничныхъ нарядахъ, на возвышенное мѣсто, которое тамъ слыветъ *Красною горкою*. Тоже встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ вообще подъ етимъ именемъ разумѣется и пора, благопріятствующая свадьбамъ и мѣста весеннихъ игрищъ, упоминаемыхъ лѣтописцемъ нашимъ. см. ниже.

Когда теряется коренная идея предмета: тогда обыкновенно прививаются къ нему другія, выводимыя изъ ближайшихъ къ народу отношеній мѣстности, вѣрованій, обычаевъ народнаго быта. Такъ и значеніе Красной горки производимо было отъ первой муравы красноватаго цвѣта послѣ снѣгу, отъ лубка, на коемъ катаютъ яицы красныя, отъ родительскихъ могилъ, на кои о Святой и Ѳоминой недѣляхъ кладутъ также яица, отъ Венериной горки (mons Veneris) въ женскомъ тѣлѣ, отъ красной или алой наволоки на брачной постелѣ и т. д. Но

подобные предметы едва ли могли сообщить названія столь многимъ урочищамъ въ Славяно-Рускомъ мірѣ, кои свидѣтельствуютъ намъ о памятникахъ древняго вѣрованія народа, о переходѣ онаго въ повѣрье и обычай, тѣмъ вѣроятнѣе, что большею частію на Красныхъ горкахъ стоятъ св. храмы, заступавшіе, при переходѣ отъ Язычества къ Христіанству, мѣста языческихъ требищь и мольбищь. Притомъ, не вездѣ *красныя горы* стоятъ на красивомъ мѣстоположеніи.

По общему употребленію и по отношенію къ повѣрьямъ древняго быта народнаго, *Красныя горки* издревле должны быть мѣстами игрищь, какими начинается красная весна — пора брачныхъ союзовъ. Доселѣ во многихъ селеніяхъ Тульской и другихъ Губерній горки или пригорки, на кои сбираются поселяне весною, слывутъ *красными горками.* Какъ въ етомъ празднествѣ природы и человѣка смѣшивается время съ мѣстомъ: то и *Красная горка* принимается за то и другое въ народномъ быту и языкѣ; впрочемъ названіе перенесено ко времени отъ мѣста, хотя первымъ украшается послѣднее. Сама природа открываетъ человѣку ощутительное сходство юности возраста человѣческаго съ весною, и какъ обновленіе естества начинается съ весны, такъ и юношество всту-

пая въ брачный союзъ, *идетъ на гору;* самая беременность называется *горкою.*

Въ пѣсняхъ Красной горки повторяется *Ладо* или *Лада*, такъ какъ у Поляковъ *Дана, Дада.* Ладу Литовцы величали *золотою;* она вѣроятно была то же, что у Обдорцевъ *Золотая баба.* Около Межибожья въ Подольской Губерніи поселяне на играхъ въ дни Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Брестьемъ Литовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ.* У Друидовъ находилась на одномъ островѣ богиня Llad (11). Ладъ или Ладо, обоихъ половъ въ природѣ была любовь, а въ баснословіи богиня красоты и любви то же почти, что Римская Suada, Свада, покровительница *свадебъ.* Ладѣ вѣроятно посвященъ былъ весенній праздникъ Красной горки; по сему *ладъ* значитъ и супружеское согласіе, а *ладиться* въ областномъ нарѣчіи— жениться. Дидъ или Дидисъ Литовское слово—великій, если не Греческое δείδω боюсь. Ладъ или Лада могли быть великими, страшными и таинственными, какъ судьба. Какъ извѣстная игра и пѣсня *прососѣяніе* на Красную горку доселѣ существуетъ въ Красной Руси: то съ вѣроятностію можно заключать, что онѣ перешли на Сѣверо-Востокъ

---

(11) On Anglo-Saxon laws and customs, in t. Gentleman magazine. Aug. 1825. in 8.

Россіи отъ Юго-Запада съ прочими повѣрьями и обычаями и тамъ обрусѣли.

Празднованіе Красной горки въ разныхъ мѣстахъ Россіи сопровождается разными обрядами. Въ слободахъ Переславля-Залѣскаго, ежегодно собирались въ Ѳомино воскресенье, послѣ обѣда, и толпою хаживали по тѣмъ домамъ, въ коихъ бывали того года свадьбы, съ приговорами: *Вьюнъ вьюница, отдай наши яицы!* Молодые должны не только давать яицы и куличи, но даже поить ихъ виномъ и пивомъ (12). Такое жь хожденіе бываетъ и въ Нерехотской округѣ, гдѣ ребяты ходятъ бесѣдою къ каждому дому и подъ окномъ поютъ: *Вьюнъ да вьюница, давай, яицо; а не дашь яица, придетъ вѣтрица.* Тогда изъ каждаго дома даютъ окликальщикамъ по нѣскольку яицъ. Гдѣ же находятся новобрачные, тамъ угощаютъ ихъ пивомъ и виномъ. Такихъ бесѣдъ иногда въ одномъ селеніи ходитъ до восьми и девяти, даже окликаютъ мальчики лѣтъ пяти своею бесѣдою. Собравъ яица съ селенія и сдѣлавъ яишницы, они пируютъ. Это обыкновеніе называется *Вьюнитствомъ*, вѣроятно, отъ слова *юный*. Въ Галичѣ, въ Ѳомину недѣлю, слывущую у простолюдиновъ *Радоницами*, гуляетъ народъ послѣ по-

---

(12) Историч. географ. и топограф. описаніе Переяславля-Залѣскаго, сочин. *И. Плѣшкина*, Москва, 1802, въ 12.

луночи и до свѣту, распѣвая подъ окномъ: *Юница, молодица, подай яицо въ перепечу!* Тогда молодые подчуютъ ребятъ водкой и пивомъ, ладышками, казанками, а дѣвицъ пряниками и красными яицами.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ Ѳомино Воскресенье дѣвки и женщины въ траурномъ платьѣ (черномъ и бѣломъ) идутъ послѣ обѣдни на кладбище съ разнымъ кушаньемъ и питьемъ кланяться покойнымъ родственникамъ, плачутъ съ причитаніями, катаютъ яицы на ихъ могилахъ и потомъ ѣдятъ и пьютъ, выливая остатки вина на могилы. Послѣ переодѣвшись дома въ праздничное платье, идутъ играть на *красную горку*.

Изъ хороводныхъ игръ Красной горки извѣстно во всей Россіи *Сѣяніе проса*. Это драматическое представленіе проистекло изъ быта земледѣльческаго Славяно-Руссовъ, питавшихся, по свидѣтельству Маврикія, еще въ VI вѣкѣ етимъ житомъ (13). На игрище сбираются въ деревняхъ подъ вечерокъ красныя дѣвицы и добрые молодцы на лугъ или на улицу, сначала отдѣльно одни отъ другихъ, потомъ соединяются въ одну кучу; тогда является *хороводница*, или всеобщая

(13) *Карамз.* И. Г. Р. т. I, прим. 8, 145, 159.

кума [какъ у древнихъ Грековъ и Евреевъ ликоначальница], безъ которой ничего не дѣлается въ играхъ, и запѣваетъ:

Какъ на улицѣ дожжикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ вы, холостые, не глядите!
Вамъ гляденьицемъ дѣвушекъ не взяти,
Ужъ какъ взять ли, не взять ли по любови,
Что по батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью.

Играющіе расходятся на двѣ стороны, одна противъ другой; хороводница стоитъ впереди первой половины:

1 *половина:* А мы просо сѣяли,
Ой Дидъ-Ладо сѣяли.
2 *половина:* А мы просо вытопчемъ,
Ой Дидъ-Ладо вытопчемъ.
1 *половина:* А чѣмъ же вамъ вытоптать?
Ой Дидъ-Ладо, вытоптать?
2 *половина:* А мы коней выпустимъ,
Ой Дидъ-Ладо, выпустимъ.
1 *половина:* А мы коней переймемъ,
Ой Дидъ-Ладо, переймемъ.
2 *половина:* А чѣмъ же вамъ перенять?
Ой Дидъ-Ладо перенять?
1 *половина:* Шелковымъ мы поводомъ,
Ой Дидъ-Ладо, поводомъ.

2 половина: А мы коней выкупимъ,
Ой Дидъ-Ладо, выкупимъ.

1 половина: А чѣмъ же вамъ выкупить?
Ой Дидъ-Ладо выкупить.

2 половина: А мы дадимъ сто рублей,
Ой Дидъ-Ладо сто рублей.

1 половина: Не надо намъ тысячи (14),
Ой Дидъ-Ладо, тысячи.

2 половина: А что же вамъ надобно?
Ой Дидъ-Ладо, надобно.

1 половина: Намъ надобно дѣвицу.
Ой Дидъ-Ладо, дѣвицу.

Въ это время изъ второй половины переходитъ дѣвушка въ первую.

2 половина: Нашего полку убыло,
Ой Дидъ-Ладо, убыло.

1 половина: Нашего полку прибыло,
Ой Дидъ-Ладо прибыло.

Пѣсню начинаютъ опять пѣть, продолжая до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣвушки изъ

---

(14) Прежде пѣвали въ Московскомъ округѣ:

2. А мы дадимъ денежку.
1. Не надо намъ денежки.
2. А мы дадимъ дѣвушку.

Рубли и *деньги* могли быть позднѣйшими вставками въ древнюю пѣсню.

второй половины перейдутъ въ первую. Въ Серпуховскомъ, Мещовскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, вмѣсто припѣва *Ой Дидъ Ладо*, поютъ:

Ой Диди калинка моя,
Ой Ладо малинка моя!

какъ бы означая калиною горечь перваго, а малиною сладость другаго (15). Въ Дмитровскомъ уѣздѣ начинали эту пѣсню:

А мы копань копали.
Зеленая травушка, алой цвѣтъ (16).

Въ Харьковской Губерніи такъ поютъ эту пѣсню:

1. А ми нивку орали, 2
Та владу ладомъ орали.
2. А ми просо сияли, 2
Та владу ладомъ сияли.
1. А ми стадо запустимъ, 2
Та владу ладомъ запустимъ.
2. А ми стадо займемо, 2
Та владу ладомъ займемо.
1. А ми стадо выкупимъ, 2
Та владу ладомъ выкупимъ.

---

(15) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. *И. Иванчина-Писарева.* Москва. 1837, въ 12.

(16) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, изд. *И. Сахаровымъ.* Спб. ч. 2, 1837, въ 8.

2. А что дасте выкупки, 3
Та владу ладомъ, выкупки.
1. А ми дали сто рублей, 2
Та владу ладомъ, сто рублей.
2. А ми тысячи ни беремъ, 2
Та владу ладомъ, не беремъ.
1. Ми дивичку придамо, 2
Та владу ладомъ, придамо.
2. Ми дивочку примемо, 2
Та владу ладомъ, примемо.
1. А у насъ стадо прибыло, 2
Та владу ладомъ, прибыло.
2. А у насъ стадо отбыло, 2
Та владу ладомъ, отбыло.

Ета Великоруская игра и пѣсня существуютъ и въ Красной Руси (17), гдѣ поютъ ее такъ:

A my proso sijaly, sijaly,
Oj Did, Lada, sijaly, sijaly!
A my proso wydopczem, wydopczem,
Oj Did, Lada, wydopczem, wydopczem!
Ta czymże wam wydoptat', wydoptat'?
Oj Did, Lada, wydoptat', wydoptat'?
A my koni wypustym, wypustym,
Oj Did, Lada, wypustym, wypustym!

---

(17) Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyiskiego, zebrał wydal *Wazlaw Oleska*. we Lwowi. 1833, in 8.

A my koni perejmem, perejmem,
Oj Did, Lada, perejmem, perejmem!
Ta czymże wam perejniat', perejniat'?
Oj Did, Lada, perejniat', perejniat'!
Oj szelkowym newodom, newodom,
Oj Did, Lada, newodom, newodom.
A my koni wykupym, wykupym,
Oj Did, Lada, wykupym, wykupym
Ta czymże wam wykupyt', wykupyt',
Oj Did, Lada, wykupyt', wykupyt',
A my damo sto rubli, sto rubli,
Oj Did, Lada, sto rubli, sto rubli!
Ne nado nam tysiaczy, tysiaczy,
Oj Did, Lada, tysiaczy, tysiaczy!
A my damo diwyciu, diwyciu,
Oj Did, Lada, diwyciu, diwyciu!,
Oj toto nam nadobno, nadobno,
Oj Did, Lado, nadobno, nadobno!

Хоровая и антифоническая сія пѣсня похожа на древнія Греческія, сопровождавшія *χόροι κύκλιοι*. Игра ета поэтическая и вмѣстѣ воинственная, мимическое представленіе изъ жизни народа земледѣльческаго и воинственнаго — набѣга, похищенія и выкупа невѣстъ. Она сходствуетъ съ Сербскою *отмицею* и съ древнимъ сказаніемъ нашего Лѣтописца, который повѣствуетъ, что у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, обитателей нашего Сѣвера, въ Язычествѣ „брацы не бываху въ

„нихъ, но игрища, межи сѣлъ и ту слѣгахуся „рищуще на плясанія и на вся бѣсовскія пѣ„сни, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же „кто преже свѣщевашесь (18).“ Самые припѣвы *Дидъ*, *Ладо*, *Леля*, наводятъ насъ на слѣды Славянскихъ миѳовъ. У древнихъ Грековъ также, при хоровождении въ празднества вокругъ алтарей, были припѣвы: *αἰ*, *αἰ ἐλελεῦ*, *ἀλαλά* (19), похожія на наши *ай люли*.

Въ Нерехотской округѣ, изъ пѣсенъ, сопровождаемыхъ разными мимическими представленіями, кромѣ *сѣянія проса* употребительны слѣдующія:

1. Перевейся, ярый хмель, на нашу сторонку и пр.
2. Сидитъ дрема подъ окошкомъ,
   Прядетъ дрема шелковъ кужель;
   Полно, дремушка, дремати,
   Шелковъ кужель драти и пр.

Одна дѣвка сидитъ въ кругу, представляя сонливую, лѣнивую, а прочія ходятъ вокругъ нея и поютъ пѣсню:

3. Ой! старой, старой,
   Кручина велика и проч.

---

(18) W. Wachsmuth's Hellen. Alterthumskunde. Halle. 1829. 3 Th. in 8.

(19) Супрасльская рукопись, изд. *Княземъ М. Оболенскимъ*. М. 1836, въ 4.

Поютъ всѣ, стоя на одномъ мѣстѣ; двѣ дѣвки ходятъ въ хороводѣ; одна пригорюнясь, представляетъ лице жены, а другая мужа старика. Когда запоютъ: „охъ! „какъ мнѣ стараго цѣловать будетъ“? тогда жена цѣлуетъ съ негодованіемъ и плюетъ на старика. Когда запоютъ: „охъ! какъ мнѣ „стараго на постелю класть?“ жена молкаетъ. При словахъ пѣсни: „охъ? какъ мнѣ стараго трепать“; жена бьетъ его.

4. Посѣяла дѣвка ленъ,
Посѣявши, полола и пр.

Дѣвка съ платкомъ въ рукѣ ходитъ въ кругу, дѣлая видъ, что сѣетъ, а прочія поютъ, стоя на одномъ мѣстѣ:

5. Заинька, бѣлинькой!
Я хожу, хожу
Вкругъ Кіева города,
Ищу тестя богатаго и пр.

Тогда дѣвки стоя поютъ, одна изъ нихъ ходитъ въ хороводѣ, какъ будто ищетъ тестя и тещи и пр. Когдажъ найдетъ себѣ всѣхъ сродниковъ и когда запоютъ: *я пропивши пиво, тестя въ рыло;* тогда она слегка бьетъ одну дѣвку въ видѣ тестя, а въ лицѣ тещи бьетъ другую по шеѣ, если запоютъ: *проѣвши пироги, тещу по шеѣ* и т. д.

6. Пава по лугу гуляла,
Пава гусей загоняла,
Тига, гуси, домой,
Тига, сѣрые, домой и т. д.

Двѣ дѣвки станутъ въ довольномъ разстояніи одна отъ другой, держа высоко платокъ въ рукахъ, а прочія подъ платкомъ проходятъ поодиначкѣ.

7. Какъ утіона чрезъ море летала,

Одна дѣвка, дѣлая разныя тѣлодвиженія, идетъ предъ хороводомъ, а прочія за нею слѣдуютъ.

8. Подъ лѣсомъ, подъ темныемъ
Шелкова трава;
Ходилъ, гулялъ Донской козакъ,
Глядѣлъ, смотрѣлъ невѣстъ себѣ и пр.

или

Пошелъ молодецъ на гулянье,
На веселое на свиданье и т. д.

Дѣвка съ разными тѣлодвиженіями пляшетъ съ мущиною, а прочія стоя на одномъ мѣстѣ, поютъ.

Сходбище — сельская хороводная игра разыгрывается въ началѣ весны, когда изъ городовъ возвращаются молодые люди для

рабочей поры. Дѣвушки выходятъ на лугъ, къ нимъ сбираются *прибылые*, и начинаютъ игру Сходбище. Въ средину круга становятся молодецъ и дѣвица. Игроки ходятъ кругомъ ихъ и поютъ:

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица,
Поблизехоньку сходилися,
Понизехоньку поклонилися.
Да что возговоритъ доброй молодецъ:
Ты здорово-ль живешь, красная дѣвица?
Я здорова живу, милъ сердечной другъ;
Каково ты жилъ безъ меня одинъ?
Мы давно съ тобой не видалися,
Говоритъ дѣвка улыбаючись,
Что съ той поры, какъ разсталися.
Говоритъ ей доброй молодецъ:
Мы пойдемъ гулять на царевъ кабакъ,
Мы за рубль возьмемъ зелена вина,
За другой возьмемъ меду сладкова,
А за третей возьмемъ пива пьянова,
За двѣ гривенки сладкихъ пряничковъ.
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
Я нейду гулять на царевъ кабакъ:
Я боюсь, боюсь роднова батюшки,
Я боюсь родной матушки.
Тутъ разсталися и прощалися,
Промежду себя цѣловалися.
Ты прости, прости доброй молодецъ,

Ты прости, милъ сердечной другъ!
Да что возговоритъ доброй молодецъ:
Ты прости, прости, моя матушка,
Ты прости, радость красна дѣвица! —

Въ игрѣ *Плетень* молодицы, дѣвушки и мужчины становятся попарно, и, сомкнувшись руками въ видѣ плетня, вытягиваются въ линію. Хороводница запѣваетъ:

Заплетися, плетень, заплетися!
Ты завейся, труба золотая!
Завернися, камка кружчатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла.
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ
И въ меду и въ сахарѣ
И въ яствѣ сахорномъ.
Я старымъ старикамъ
Киселя съ молокомъ;
Молодымъ молодкамъ
Шелковую плетку,
А краснымъ дѣвицамъ
Бѣлилъ да румянъ.

Хоръ окончился. Первая пара поднимаетъ вверхъ соединенныя руки, подъ эту арку начинаютъ проходить игроки. Хоръ поетъ:

Расплетися, плетень, расплетися;
Ты развейся труба золотая;
Ты развернися, камка кружчатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла.
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ,
Изъ меду, изъ сахару,
Изъ яствъ сахорныхъ.

Игра *Донъ Ивановичъ* есть мимическое представленіе, припоминающее намъ слѣды древности и извѣстное миѳическое сказаніе народа, который почитаетъ Донъ и Шатъ дѣтьми Ивана-Озера. Донъ, имѣя свою народную Исторію, свое родство съ сестрою Волгою — по повѣрьямъ Велико-Рускимъ —(20) выразился еще одною игрою въ хороводной пѣсни. Вечеромъ игроки сходятся вмѣстѣ

(20) см. Сказаній Р. Н. ч. 6, Думу Иванъ-Озеро. Въ другихъ странахъ, вмѣсто *Донъ*, поютъ — *Дунай*.

и становятся въ кружокъ, а хороводникъ въ срединѣ, изображая собою Дона Ивановича, дѣлаетъ разныя движенія, сообразныя содержанію пѣсни:

Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Ахъ! какъ звали молодца,
Позывали удальца.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ во пиръ пировать:
Во бѣсѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Ужъ какъ мнѣ ли молодцу
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду молодецъ
На свой новой на крылецъ,
Закричу я молодецъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ! какъ естьли-ли у меня
Слуги вѣрные мои!
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки.

Вынимайте кафтанъ,
Рудожелтъ камчатъ,
Вынимайте шапку,
Черную мурмашку (21);
Вы подайте гусли,
Звончатые мои.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко вдовушкѣ на конецъ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ.

Въ сто время игроки останавливаются, хороводникъ садится съ балалайкою въ рукахъ. Игроки стоятъ противъ него и поютъ:

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Уронилъ шляпу долой,

(21) *Мурмане*—Норвежцы. — Въ Москвѣ сту пѣсню поютъ сокращенно, и такъ она печатана въ такъ называемыхъ пѣсенникахъ. Исключеніе начинается съ стиха: „Ужъ какъ „мнѣ ли молодцу" и продолжаетъ до „Звончатые мои."

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!

Хороводникъ въ ето время кланяется, съ него спадаетъ шляпа, а игроки поютъ:

Ужъ ты, вдовушка моя,
Молодая вдова,
Подними шапку мурмашку!
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Сынъ Ивановичь Донъ!
Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!

Хороводникъ встаетъ, надѣваетъ шляпу, а игроки, ходя кругомъ его, поютъ:

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ.
Ахъ! какъ звали молодца,
Позывали удальца,
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ.
Какъ во пиръ пировать,
Во бѣсѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Къ дѣвушкѣ на конецъ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ садился молодецъ;
Какъ садился удалецъ
Противъ дѣвушки на скамьѣ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!

Въ ето время игроки останавливаются, хороводникъ садится. Игроки стоятъ противъ него и поютъ:

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Ужъ ты, дѣвушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурмашку.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!

Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ.

Въ ето время выходитъ дѣвушка изъ круга, поднимаетъ шляпу. Хороводникъ, принимая изъ ея руки шляпу, благодаритъ дѣвушку поцѣлуемъ.

Начиная съ середы или четверга Святой недѣли и до Троицы въ Бузулукѣ, уѣздн. городѣ Оренб. Г. продолжаются каждый вечеръ хороводы: дѣвки и молодыя женщины поютъ пѣсни, а молодцы подъигрываютъ на дудкахъ, на рожкѣ, забавляютъ красавицъ своими шутками. Тогда особенно поютъ одну изъ весеннихъ пѣсенъ, носящую на себѣ явный отпечатокъ древности:

Подойду, подойду,
Подъ Царь-городъ подойду,
Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну, вышибу!
Выкачу, выкачу,
Съ казной бочку, выкачу!
Подарю, подарю,
Люту-свекру батюшкѣ!
Будь добрѣ, будь добрѣ —

Какъ родимый батюшка!
Подойду, подойду
Подъ Царь-городъ, подойду!
Вышибу, вышибу
Копьемъ стѣну, вышибу!
Вынесу, вынесу,
Лисью шубу, вынесу!
Подарю, подарю
Люту-свекровь матушку!
Будь добра, будь добра —
Какъ родима матушка (22)!

Такими-то играми и пѣснями начинается и сопровождается Красная горка послѣ Святой недѣли, во время коей издревле запрещались Церковію всѣ бывшія изъ Языческаго міра игры, потѣхи и позорища (risus Paschales) для того, чтобы въ святые дни умы Христіанъ занимались однимъ Богомысліемъ, а сердцà исполнены были духовною радостію.

(22) см. М. В. 1830, No 37. Надобно предполагать, что нѣкоторыя словà уже измѣнены; но пѣсня не могла быть сочинена позже XI-го или XII-го столѣтія, слогомъ того времени, когда у народа были еще въ свѣжей памяти прогулки нашихъ предковъ къ Константинополю. Голосъ отличается какимъ-то заунывнымъ, особеннымъ напѣвомъ. — Константинополь, или Византію, *Царьградомъ*, а не *Царевымъ градомъ*, по превосходству сего города надъ всѣми прочими, прозвали Варяго-Руссы или Славяне. Zaargardia есть городъ въ Месопотаміи.

III.

РАДУНИЦА.

Радуница, или Радунецъ, или Радавница есть собственно отрадный праздникъ заупокойный, который совершается на могилахъ; онъ издревле извѣстенъ на Руси и приходится не всегда въ одинакое время. Въ Костромской Губ. Ѳомино Воскресенье слыветъ *Радоницею*, въ другихъ мѣстахъ Ѳоминъ понедѣльникъ, а болѣе вторникъ, извѣстный въ Рязанской Губ. подъ именемъ *Наской* (Навской?) и *Навій день*: что значитъ мертвый; ибо въ старинномъ Рускомъ языкѣ *навей*, а въ Литовскомъ navie — мертвецъ (1). Въ Малороссіи Ѳоминъ понедѣльникъ именуется *Могилками, Гробками, Проводими*, а въ Махновскомъ повѣтѣ Кіевской Г. *Бабскимъ праздникомъ*, вѣроятно по тому, что на немъ бываютъ однѣ женщины.

---

(1) Въ просторѣчіи человѣческая кость, на коей образуется наростъ, или бугоръ, назыв: *навья*. На Болгарскомъ *навивалъ* знач. побѣдилъ, умертвилъ. — ср. *Карамз.* И. Г. Р. ч. II, стр. 179.

По етому она отчасти сходствуетъ съ *Тризною* и *Стравою* Славянъ-Рускихъ и *Божіими днями* Естовъ. Радуница въ Великой Россіи посвящена поминовенію родителей; ибо, по мнѣнію народному, они радуются, если ихъ поминаютъ и приходятъ съ ними хрістосоваться. „Радуницею — замѣчаетъ Карамзинъ—назывался какой-нибудь праздникъ у нашихъ древнихъ Славянъ (2).“ Нынѣ извѣстна она болѣе подъ именемъ *родительской*. „Въ „прежнія времена — свидѣтельствуетъ со-„чинитель Церковнаго Словаря въ 1773 году— „въ Радуницы бывало между простонародіемъ „обыкновеніе поминать умершихъ сродниковъ, „съ языческими обрядами, и поминавшій при-„носилъ на ихъ могилу вино, сыченое пиво, „пироги, блины, и по отправленіи священни-„комъ литіи, взявъ чарку съ виномъ, или „стаканъ съ пивомъ, отливалъ часть на его „могилу, а остатки самъ допивалъ; женщи-„ны въ ето время плачевнымъ голосомъ при-„читали добродѣтели покойника. Въ такой „же силѣ, по увѣренію бывшихъ въ отдален-„ныхъ мѣстахъ, было въ обыкновеніи у про-„столюдиновъ суевѣрное хрістосованье съ „покойниками въ Свѣтлую седмицу, т. е. му-„щина или женщина приходили на могилу

---

(2) *Карамз.* И. Г. Р. ч. V, прим. 25.

IV.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Извѣстный обычай *обманывать* **въ** *первое Апрѣля* существуетъ не только во всей почти Европѣ, но и на Востокѣ. Онъ, какъ увидимъ, происходилъ отъ разныхъ началъ, которыхъ слѣдствія приводятъ къ одному дѣйствію въ одинакое время — вездѣ давалъ поводъ къ шуткамъ невиннымъ и болѣе или менѣе остроумнымъ; онѣ обыкновенно оканчивались етимъ обманчивымъ днемъ, оправдываясь, или извиняясь давностію обычая. Сколько время и просвѣщеніе ни изглаживали етотъ обычай, прежде бывшій въ общемъ употребленіи и, по существу своему, противный нравственности, а по происхожденію — и св. вѣрѣ; но воспоминаніе объ немъ пережило многія столѣтія, усвоилось жизни народа и языку, сдѣлалось *притчею во языцѣхъ.*

Начало обычая обманывать въ первое Апрѣля, подобно многимъ другимъ, теряется во тьмѣ древности; впрочемъ онъ находится у древ-

нихъ племенъ міра, отъ коихъ перешелъ и къ новѣйшимъ съ мѣстными особенностями.

Индійцы около весенняго равноденствія, по древнему лѣтосчисленію Ведъ, который приходится въ Апрѣлѣ, первомъ мѣсяцѣ ихъ года, празднуютъ рожденіе богини Ситы, или Шивы. На етомъ праздникѣ, извѣстномъ у нихъ подъ именемъ *Гули* или *Гулака*, бывали сценическія представленія, среди коихъ они обманывая другъ друга подъ видомъ шутокъ, думали тѣмъ самымъ умилостивить свое божество (1).

У Іудеевъ источникомъ етого обычая полагается лживая молва, распущенная по воскресеніи Христовомъ, будто тѣло Искупителя ночью похищено было изъ гроба учениками Его, какъ свидѣтельствуетъ *Матѳ.* XXVIII, 13. „Тогда Евреи, замѣчаетъ сочинитель Церковнаго Словаря, научили народъ и воиновъ обманывать въ шутку, говоря одинъ: *Христосъ воскресе*, а другой въ отвѣтъ: *первое Апрѣля*, т. е. неправда" (2). Можетъ статься, первое Апрѣля потому избрано для такой нечестивой шутки, что въ етомъ мѣсяцѣ праздникъ Пасхи приходится въ теченіи каждыхъ 25 лѣтъ, и что воспоминаніе

(1) Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, par I. *A. Dubois*. 2 t. à Paris. 1825, in 8.

(2) Церковный Словарь *П. Алексѣева*. ч. 3. М. 1816, въ 8.

„умершаго, и покатя по оной краснымъ яицомъ, „говорили: *Хрістосъ воскресе*, думая, что усоп-„шій отвѣчаетъ ему въ могилѣ: *Воистинну „воскресе* (3).“ Въ Патерикѣ Печерскомъ описывается, какъ въ 1463 г. тѣлеса усопшихъ святыхъ отвѣтствовали на возгласъ священноинока въ Великъ день.

Воспоминаніе объ етомъ заупокойномъ праздникѣ сохранилось не только въ народныхъ преданіяхъ и удержалось въ обычаяхъ, но и въ лѣтописяхъ, церковныхъ книгахъ, въ пословицахъ, пѣсняхъ и въ названіяхъ урочищь.

Въ Троицкой лѣтописи подъ 1372 г. упоминается, что „Литва и Ляхи и Жемоть придоша изгономъ (къ Переславлю) по Велицѣ дни на другой недѣлѣ во вторникъ, на заутріе по *Радоницѣ*.“ Въ Кіевской Л. подъ 1493 г. „Тояже весны на Радуницу, Апрѣля 16го, погорѣ Москва нутръ весь и казна у Чуда въ монастырѣ.“ Въ 1493 г. Пасха была Апрѣля 7 го, слѣдственно 16го числа тогожъ мѣсяца пришлось во *вторникъ* на Ѳоминой недѣлѣ (4). Въ Стоглавѣ осуждаются тѣ, которые по Велицѣ дни, т. е. по Пасхѣ,

---

(3) Новое прибавленіе къ Словарю церковному, сочин. *П. Алексѣевымъ*. ч. 5. СПБ. 1818, въ 8.

(4) *Карамз.* И. Г. Р. ч. V, прим. 25, 254. и часть IX, прим. 830.

оклички на Радуницы творятъ — и *вьюнецъ*. Въ простонародной пѣснѣ говорится о Радуницѣ и заупокойномъ напиткѣ слѣдующее:

Зять ли про тещу пивца варилъ,
Пива наварилъ, да ко Масляницѣ;
Звалъ ли тещу ко *Радуницѣ*,
А теща пришла на канунѣ Рождества. —

и наконецъ въ старинной поговоркѣ: *Выпили пиво объ Масляницѣ, а съ похмѣлья ломало послѣ Радуницы.*

О Радуницѣ напоминаютъ на Троицкой дорогѣ бывшій городокъ *Радонецъ*, или *Радонежъ*, отъ коего и Преподобный Сергій получилъ прозваніе *Радонежскаго*; въ Егорьевскомъ уѣздѣ озеро *Радовица*, отъ коего заимствовалъ свое названіе *Радовицкій* монастырь. Въ Бѣжецкой пятинѣ было урочище *Радуница*, и Radonice въ Варшавскомъ округѣ, и т. д.

Въ разныхъ краяхъ великой, малой и бѣлой Россіи донынѣ сохраняется обычай поминать родителей на Ѳоминой недѣлѣ, на кладбищахъ, а кой гдѣ и самое названіе. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ.

Въ Устюгѣ Великомъ, съ 1445 г. въ Радуницу бываетъ крестное хожденіе на убогій домъ при Іоанно-Предтечевскомъ монастырѣ, а по совершеніи панихиды, гулянье

въ сосновой рощѣ, выросшей на тамошнемъ кладбищѣ (5). Въ Иркутскѣ, въ это же время множество народа сбирается на общее кладбище, что на *Крестовой горѣ*, и тамъ такъ же сперва поминаютъ усопшихъ, а потомъ гуляютъ и пируютъ (6). Въ Шенкурской и Вельской округахъ, на второй день Пасхи послѣ вечерни идутъ прихожане *на горы*, на коихъ тамъ стоятъ кладбищенскія церкви: *похрістосоваться со своими* и *погорѣвать*. Въ Кіевѣ извѣстна Радуница подъ именемъ *Проводовъ*, которые, по народному преданію, дѣлаются въ воспоминаніе Евангельскаго событія: „Когда при распятіи Господнемъ тѣ„леса многихъ святыхъ восташа и, по вос„кресеніи Его, внидоша во святый градъ: „тогда сихъ-то святыхъ яко бы опять послѣ „праздника сопровождали до гробовъ граж„дане.“ Но установленіе сіе, по мнѣнію Г. Берлинскаго, въ Кіевѣ относить можно не далѣе времень Петра Могилы: когда нѣкоторые церковные обряды заведены были изъ подражанія Польскимъ. За полвѣка назадъ тому на Скавицу (или гору Щекавицу) сбирались для поминовенія родителей почетнѣйшіе Кіе-

(5) Сѣверный Архивъ, 1824, No 17.

(6) Новѣйшее повѣствованіе о Восточной Сибири, СПБ. 1817, въ 8.

воподольскіе граждане. Панихидныя литіи оттравляемы были священниками надъ каждою могилой, потомъ каждое семейство садилось въ круговенькѣ около своихъ покойниковъ и поминало ихъ тѣмъ кушаньемъ и питьемъ, какое съ собою приносило. Между тѣмъ школьники напѣвали имъ духовныя пѣсни (псалмы), иногда скрипичники наигрывали печально. При томъ угощаемы были и нищіе. — Бѣлорускіе поселяне сбираются во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, часа въ 2 пополудни, на кладбища, гдѣ они катаютъ красныя яица на могилкахъ у родныхъ и потомъ отдаютъ ихъ нищимъ, которые туда сходятся во множествѣ. Напослѣдокъ, родительская могила, политая медомъ и горѣлкою, накрывается бѣлымъ столешникомъ — ставится кушанье нечетное и нежидкое; ибо етотъ *вторникъ* слыветъ *сухимъ*. Ктожъ не въ состояніи почтить памяти родителей своихъ задушевною трапезой, тому при семъ случаѣ помогаютъ богатые. Сдѣлавъ къ покойникамъ слѣдующее привѣтствіе: *Святые родзицели, ходзице къ намъ хлѣба-соли кушаць!* старые и малые садятся на могилахъ за трапезу. По окончаніи пиршества, опять обращаются къ усопшимъ съ такими словами: *Мои родзицели, выбачайте, не дзивицесь, чѣмъ хата богата, тѣмъ и рада!* —

Послѣ етого, поминальщики раздаютъ остатки кушанья нищимъ, идутъ въ корчму, гдѣ пьютъ и пляшутъ, оправдывая старинную пословицу: *начинаютъ за упокой, а сведутъ за здравіе* (7). Въ Болгаріи Радуница также состоитъ въ причитаніи на могилахъ родительскихъ, въ пиршествѣ и катаніи красныхъ яицъ. Въ Великой Россіи ведется почти повсемѣстный обычай между простолюдинами, сбираться во вторникъ Ѳоминой недѣли для поминовенія на могилы родительскія и привѣтствовать усопшихъ отраднымъ гласомъ воскресенія Спасителя міра. Въ ето жь время, извѣстное подъ именемъ *Красной горки*, женихи, особенно невѣсты, доселѣ ходятъ на кладбища просить совѣта и благословенія у своихъ покойныхъ родителей на брачный союзъ, кладутъ на ихъ могилы яицы, кои возлагались на гробницахъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ, какъ умилостивительныя жертвы объ усопшихъ (8). Сіи мѣста вѣчнаго покоя, священныя для сердца человѣческаго, обращаются въ жертвенники благоговѣнія къ мертвымъ и благотворенія живымъ.

---

(7) Lud Polski p. *L. Gołębiowskiego*. Warsch. 1830, in 8.

(8) *Luciani* dialogi mort. I. 1. — *Iuvenal.* sat. V. v. 84.

Происхожденія сего торжественнаго и древняго обычая должно искать въ колыбели Хрістіанства на Руси, когда послѣднее начинало преобладать надъ народнымъ Язычествомъ и противопоставляло обрядамъ его и обычаямъ благочестивыя свои установленія, кои принимая народъ, не могъ не примѣшать къ нимъ первыхъ. Радуница упоминаемая въ письменныхъ памятникахъ, не ранѣе XIV вѣка, есть остатокъ *тризны*, о какой такъ упоминаетъ и Левъ Калойскій: „Руские, слѣдуя языческимъ обрядамъ Грековъ, „совершали жертвы и возліянія въ честь усоп-„шихъ." Самое названіе Радуницы есть народное, а не церковное, хотя, по существу своему, она, подобно Семицкому четвертку и Троицкой субботѣ, принадлежитъ къ хрістіанскимъ обрядамъ. Чтожъ касается до осуждаемыхъ Стоглавомъ *окличекъ на Радуницы*: то онѣ не что иное должны быть, какъ *причитанья*, кои встрѣчались съ *закликаніемъ весны* и съ *горѣлками*, слѣдовавшими за радуницкимъ *гореваньемъ*.

Хріста, который приводимъ былъ отъ Каіафы къ Пілату, а отъ Пілата къ Ироду; что дало поводъ къ извѣстнымъ Нѣмецкой и Французской поговоркамъ: jemanden vom Pilatus zum Herodes schicken, renvoyer d'Herode à Pilate, посылать кого понапрасну (6).

Этого обыкновенія доселѣ держатся почти всѣ народы Славянскаго племени; у Чеховъ и Словаковъ говорятъ также poslati koho s Aprilem. Оно извѣстно въ Польшѣ и Литвѣ подъ именемъ Primaprilis, намекающее намъ о Римскомъ его происхожденіи; ибо Апрѣль у первыхъ, судя по климату, называется то *Березозолемъ*, то *Цвѣтенемъ*, то Duben. Это даетъ поводъ думать, что повѣрье сіе перешло въ Европу отъ Римлянъ съ самымъ названіемъ мѣсяца, или другимъ путемъ вмѣстѣ съ народами Востока, и что оно составляло часть языческаго празднества (7). Впрочемъ, еслибъ мы имѣли точнѣйшія свѣденія о религіозныхъ обрядахъ у Славянъ до введенія вѣры Хрістіанской: конечно, при разысканіи оныхъ, намъ открылось бы обширнѣйшее поле и возможность найти истин-

(6) Conversations-Lexicon. Neue Folge. I. Abth. Leipz. 1822, in 12.

(7) Gry i zabawy rożnich stanow etc. p. *L. Gołębiowskiego*. w Warchawie. 1831, in 8.

ну, къ какимъ временамъ относится это обыкновеніе. Какъ начала первоапрѣльской шутки должно болѣе искать въ языческихъ суевѣріяхъ, нами упомянутыхъ: то едва ли можно предполагать для него новое основаніе въ Христіанскихъ воспоминаніяхъ.

Апрѣльскій обманъ въ Россіи становится исторически извѣстнымъ со временъ Петра I, и, по всему вѣроятію, введенъ Нѣмцами, жившими въ Россіи, между которыми должно предполагать и прежде еще существованіе этого народнаго обычая. Въ 1700 г. содержатель труппы Нѣмецкихъ комедіантовъ въ Москвѣ объявилъ, что въ день самаго представленія влезетъ въ обыкновенную столовую бутылку. На сценѣ явилась бутылка съ надписью: *Первое Апрѣля* (8). Первоапрѣльскія шутки сперва распространились въ знатномъ кругу, а потомъ уже въ нижнихъ слояхъ общества; но въ крестьянскомъ быту, вдали отъ столицъ онѣ не извѣстны. Преданіе старожиловъ свидѣтельствуетъ намъ, что Нѣмецкіе фигляры и гаеры о Святой недѣлѣ на *Куковинкѣ* (такъ слыло мѣсто Новинскаго гулянья) показывали народу за деньги райки и выкидывали перво-

(8) Дѣянія Петра Великаго, т. 1—4. изд. 2. Москва, 1837, въ 8.

апрѣльскія штуки, приглашая смотрѣть словомъ Kucken, отъ коего произошло и самое названіе мѣста: о чемъ напоминаетъ донынѣ существующій тамъ кабакъ *Куковинка*. Извѣстно также, что въ первое Апрѣля позволялись шутки при Дворѣ Императрицъ Анны Ивановны и Елисаветы Петровны.

Такъ етотъ обычай, родившійся на чужой почвѣ, привился, подобно другимъ, къ отечественнымъ обычаямъ, кои вошли въ составъ жизни народной.

Обманчивая, непостоянная *погода* въ Апрѣлѣ, у Руских въ обыкновенномъ языкѣ называется *Апрѣльскою*, такъ какъ у Нѣмцевъ Aprilwetter, а Aprilglück, перемѣнчивое счастье. На Сѣверѣ и погода могла давать поводъ къ объясненію и къ введенію чужеземнаго обычая обманывать въ первый день Апрѣля, и веселыми шутками встрѣчать возвращающуюся весну.

V.

СВИСТОПЛЯСКА.

Свистопляску Вятчане ежегодно празднуютъ въ четвертую субботу по Пасхѣ: тогда сбирается множество народа, по большей части, простаго, на то самое мѣсто, гдѣ они, въ 1480 году (1), подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, или, по Софійскому временнику, Росхохина, сражаясь ночью, по невѣденію, съ Устюжанами, пришедшими къ нимъ на помощь противъ Татаръ, побили союзниковъ девять тысячь подъ предводительствомъ Новгородскаго выходца Анфала, или Аноала, и сына его Нестора. На разсвѣтѣ только дня Вятчане узнали свою ошибку. По етому случаю сосѣди прозвали ихъ *слѣпородами*, что

(1) Такъ въ Вятскомъ рукоп. лѣтописцѣ, по свидѣтельству Преосв. К. Но въ Софійскомъ временникѣ, т. I. стр. 452. означенъ 1418 годъ сего событія.

они своихъ не разглядѣли. Мѣсто погребенія убіенныхъ обратилось въ гульбище: оно находится на горѣ Раздерихѣ, близъ присутственныхъ мѣстъ, надъ рвомъ рѣки Вятки. Тамъ въ воспоминаніе гибельной битвы Вятчане соорудили деревянную часовню; въ самый день Свистопляски, послѣ обѣдни, поются общія панихиды по убіенныхъ Устюжанахъ, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти: „Анѳалу, предводителю Устюжскому, Не„стору сыну его, Стефану, Ѳедору, двумъ „Матѳіямъ, двумъ Григоріямъ, Іоанну, Пан„кратію, Исааку.“ Въ етой часовнѣ стоитъ большой деревянный крестъ, поставленный, неизвѣстно по какому случаю, какъ показываетъ вырѣзанная на немъ надпись: *Во второй день Мая 1593 года, при Благовѣрномъ Царѣ Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и при Благовѣрной Царицѣ, Великой Княгинѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ Годуновой и при Московскомъ и Всероссійскомъ Патріархѣ Іовѣ* (2).

Во время Свистопляски, около надгробной часовни, по праздничному обычаю, разставляются шатры, продаются особенныя, дѣлаемыя къ етому дню и случаю, глиняныя

---

(2) Сравни ст. XX въ III части кн. I. Трудовъ и Записокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. М. 1826, въ 8.

лошадки, свистки съ погремушками, шарики и разныя лакомства. Тамъ тогда ребятишки играютъ въ куклы, безпрестанно свистятъ, приплясывая, или становясь по обѣ стороны рва, какъ бы въ наступательномъ положеніи, бросаютъ другъ въ друга глиняными шариками, будто въ напоминаніе воинской ошибки предковъ; свистъ же есть простонародное выраженіе промаха. Между тѣмъ вплоть до вечера продолжается гулянье Вятчанъ; тамъ поютъ пѣсни подъ звукъ скрипокъ и балалаекъ.

объ етомъ состоитъ въ связи съ событіями изъ земной жизни Искупителя міра.

Толкователь Л. Апулея Бероалдъ производитъ первоапрѣльскій обманъ отъ Римскаго праздника въ честь божества Смѣха (Risus); ето торжество, совершавшееся тогда, когда дни становились длиннѣе, сопровождалось разными смѣхотворными обманами. „Игры сіи — говоритъ Апулей — ежегодно нами отправляемыя въ честь Смѣха, всегда отличаются какими нибудь новыми выдумками. Мы одни изъ всѣхъ народовъ умилостивляемъ забавами, весельями и шутками божество, именуемое Смѣхомъ“ (3).

Исландскія саги гласятъ, что обычай обманывать въ первое Апрѣля введенъ самыми Азами, т. е. богами, въ память Скадеи, дочери Тіасса. Онъ доселѣ существуетъ въ Даніи, Швеціи и Норвегіи (4).

У Англичанъ первое Апрѣля слыветъ all fools day (днемъ всѣхъ дураковъ), обманутый въ етотъ день — Aprilfool, а у Шотландцевъ hunting the gowk.

У Французовъ первоапрѣльская шутка называется *Апрѣльскою рыбою* (poisson d'Avril),

---

(3) L. *Apuleii* Metamorphoseon. rec. Fr. Oudendorp. Lugd. Bat. 1786—1822. 3 t. in 4.

(4) Edda Saemundina t. III.

что̀ въ переносномъ смыслѣ значитъ невинный обманъ въ первое Апрѣля. Въ етотъ же самый день ускользнулъ изъ темницъ Людовика XIII въ Нанси Лотарингскій принцъ Францискъ, который перерядясь крестьяниномъ, переплылъ рѣку *какъ рыбка* и ускользнулъ изъ неволи. Счастливаго бѣглеца иносказательно прозвали *Апрѣльскою рыбою*. Но сей обычай долженъ быть древнѣе. Другіе писатели почитаютъ слово poisson испорченнымъ изъ passion страданіе; что̀ будто относится къ страданіямъ І. Хріста (5).

У Нѣмцевъ издревле ведется обычай первое Апрѣля посылать мальчика или другаго кого съ тѣмъ, чтобы попросить или посмотрѣть что либо такое, чего нельзя получить или видѣть; ето называется у нихъ: in den April schicken, послать кого въ Апрѣль, т. е. сыграть надъ кѣмъ шутку, провести кого, а проведенный такимъ образомъ въ етотъ день именуется Aprilnarr. Въ средніе вѣки, въ Европѣ допускалось сценическое представленіе различныхъ произшествій изъ Св. Писанія; по сему и кажется вѣроподобнымъ мнѣніе тѣхъ, которые почитаютъ ету шутку нелѣпымъ подражаніемъ событію, случившемуся при допросѣ І.

(5) Encyclopedie des gens du monde, t. I. à Paris. 1833, in 8.

VI.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННІЙ.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день есть праздникъ земледѣльцевъ и пастуховъ, у Рускихъ, Славянъ и другихъ племенъ. С. великомученикъ Георгій, родомъ Каппадокіанинъ, современникъ Діоклитіана, почитается покровителемъ земледѣлія, стадъ и пастуховъ, по самому значенію его имени и потому, что онъ являлся на конѣ и въ одно изъ такихъ явленій исцѣлилъ пастуха, обличивъ его въ похищеніи овцы (1). Онъ славенъ также низложеніемъ, въ Ливійскихъ странахъ, ужаснаго дракона и спасеніемъ отъ него дѣвицы, обреченной ему на жертву. Подобное чудо приписывается и въ другихъ странахъ другимъ святымъ. Бароній въ своихъ церковныхъ лѣтописяхъ упоминаетъ, что въ IV вѣкѣ по Р. Х. чумоносный драконъ, поселясь у скалы Тарпейской, заразительнымъ дыханіемъ и опустошеніемъ окрест-

---

(1) Дни богослужебные православной Греко-Росс. Церкви, соч. М. *Деболъскаго*. Спб. 1837, въ 8.

ностей приводилъ въ ужасъ тамошнихъ жителей. Папа Сильвестръ осѣнивъ это чудовище крестомъ, низложилъ его. Въ память такого событія, въ VI вѣкѣ, учреждено Григоріемъ великимъ крестное хожденіе, ежегодно, для напоминанія чудесной побѣды, одержанной Римскимъ Первосвященникомъ. Между тѣмъ, въ 628 году, распространилось во Франціи вѣрованіе, что Св. Романъ освободилъ городъ Руанъ отъ чудовищнаго дракона; что С. Юліанъ, первый Епископъ Манскій, сокрушилъ въ селѣ Арленсѣ губительнаго дракона, который гнѣздился въ стѣнахъ одного древняго языческаго храма. По преданію, въ округѣ Тейля, С. Арнелій притащивъ на епитрахили своей подобное чудовище, бросилъ его съ горы въ воды Сеиха. По сказанію Григорія Турскаго, С. Марцельмомъ освобожденъ былъ Парижъ отъ дракона; а въ Генуѣ недавно еще на площади храма Сан-Сиро, показывался древній колодезь, гдѣ сокрытъ былъ змѣй, пораженный сверхъестественною силою. Во Франціи, въ V вѣкѣ по Р. Х. учреждены процессіи, въ коихъ по три дни носимо было изображеніе дракона на шестѣ (2).

Между старинными рыцарскими пѣснями у Нѣмцевъ встрѣчается пѣснь о *сраже-*

---

(2) Antichità Romanticha d'Italia: sulle feste. Milano. 1829, in 8.

нїи Дидриха съ дракономъ (Dieterichs Drachenkampf): она содержитъ въ себѣ описанїе битвы Бернскаго Дидриха съ дракономъ, котораго онъ убиваетъ для спасенїя дѣвицы. Колларъ, въ собранїи Чермнорускихъ пѣсенъ, приводитъ Старославенскую легенду о Swatém Giřj, гдѣ также воспѣвается побѣда его надъ змїемъ и освобожденїе дѣвицы; она оканчивается слѣдующими стихами:

Swaty Girj znamena Krista spasitele,
A drak satana, zleho nepritele,
Panna cirkew swatů znamena,
Ktera gest krwi Kristowu wykupéna.

Такое преданїе, укоренившееся у столь многихъ народовъ Европы, побуждаетъ насъ искать общаго начáла сему вѣрованїю. Словà С. Евсевїя, согласныя съ словами легенды, представляютъ намъ объясненїе. Въ письмѣ своемъ къ Константину онъ изъявляетъ совершенную радость объ истребленїи Язычества въ слѣдующихъ выраженїяхъ: „Теперь воз„становлена свобода, и промысломъ всемо„гущаго и всеблагаго Бога сокрушенъ дра„конъ (3).“ Драконъ означаетъ генїй Язычества: отсюда и сокрушенїе такого страш-

(3) Nunc vero, cum libertas restituta sit, et Draco ille providentia quidem Dei Optimi maximi submotus est.

наго звѣря аллегорически представляло Хрістіанамъ положеніе перваго камня новой Церкви на развалинахъ языческаго служенія, или, другими словами, торжество Откровенія надъ духомъ мрака. Столь обширное значеніе дано подвигу С. Георгія!

Благоговѣніе къ Св. Побѣдоносцу распространилось во всемъ Хрістіанскомъ мірѣ: у Грузиновъ, Грековъ, Генуезцевъ, Италіанцевъ, Французовъ, Англичанъ и Рускихъ. Имя его служило девизомъ, паролемъ и клятвою у Франковъ при судебныхъ поединкахъ и въ битвахъ; ликъ его изображался на гербахъ и на монетахъ Генуезскихъ, Англинскихъ и Рускихъ; Грузія, многіе города и урочища, особливо горы въ Нѣмецкомъ, Славянскомъ и Рускомъ мірѣ ознаменованы его именемъ, на пр: въ Верхней Венгріи при рѣкѣ Прадѣ S. Georgenberg, по Славянски Sobotir; въ Краинскомъ Герцогствѣ S. Georgenberg, или Jörgenberg, по Краинской Jurvava gora, помѣстье и замокъ; въ Тиролѣ Jergenberg; подлѣ рѣки Тунеги *Юрьева гора.* Въ Нерехтѣ ведется поговорка о богатомъ и зажиточномъ человѣкѣ, заимствованная отъ Егорьевской горы близъ города: *Онъ сытъ какъ Егорьева гора.* см. выше *Красная горка.*

Имя Георгій, отъ Греч. γεωργός и γεώργιος, земледѣлецъ, селянинъ, въ Даніи и Швеціи

Jörgen, Iöran, Göran, у Нѣмцевъ въ простонародномъ языкѣ Iürgen, котораго они нѣкогда почитали за нѣкое древнее божество своего Язычества. У Рускихъ издревле, вмѣсто *Георгій*, употреблялось *Юрій*, *Гюргій* и *Гюрги*, вѣроятно отъ Греческаго народнаго *Γοῦργος* и *Γιουργάτη*, или отъ Нѣмецкаго Jürgen. У Малороссіянъ это имя выражается по просторѣчію *Юрко*.

Егорьевъ день есть не только церковный, но и народный праздникъ, который сопровождается у Грековъ, Скандинавовъ, Нѣмцевъ и Славянъ разными примѣтами, обрядами и весельями. Этотъ святый витязь являясь облеченнымъ миѳами народными, принимался у Нѣмецкихъ Славянъ за Святовида, которому посвященъ былъ бѣлый конь; у Греко-Римлянъ, обратившихся къ Хрістіанству, нерѣдко смѣшивался съ Аполлономъ, Тезеемъ и другими героями Язычества. Суевѣріе жителей Скандинавіи приписало С. Георгію такія качества и подвиги, какіе придавало Тору или Одину (4).

Сама древность Хрістіанская, по свидѣтельству С. Григорія Назіанзина, приписывала св. мученикамъ вліяніе на погоду и

---

(4) Edda Saemundina. t. III.

на плодоносіе земли: отъ етого встрѣчается у разныхъ народовъ множество повѣрьевъ и обычаевъ сельскихъ въ календарѣ погоды, ознаменованныхъ именемъ С. Георгія.

Въ Греціи С. Георгій, почитаемый покровителемъ земледѣльцевъ и пастуховъ, открываетъ пастушескій годъ и празднуется семейнымъ пиршествомъ, на коемъ обыкновенно съѣдается первенецъ стадъ. Сами Турки имѣютъ глубокое уваженіе къ сему святому, котораго называютъ Djirjis; Султанскимъ указомъ строго запрещено употреблять въ пищу ягнятъ прежде Юрьева дни (5).

Весенній праздникъ С. Георгія приходится въ то самое время, когда у многихъ изъ сѣверныхъ народовъ вошло въ обыкновеніе торжествовать наступленіе лѣтняго періода, или весны; и донынѣ въ Исландіи и Финляндіи простолюдины почитаютъ етотъ день за великое празднество, отправляемое у нихъ съ чрезвычайною радостью и съ различными языческими обрядами. Въ ето время мущины, предаваясь пьянству, поютъ пѣсни, а женщины дѣлаютъ возліянія молокомъ у нѣкоторыхъ священныхъ деревъ. Въ Скандинавіи часто встрѣчается живописное

---

(5) *Pouqueville* voyage dans la Grèce. V tomes. à Paris, 1820, in 8.

и ваятельное изображенiе С. Георгiя, поражающаго копьемъ дракона, и доселѣ въ народѣ повторяется сказанiе о его подвигѣ. На островѣ Фioнiи, близъ Свенбурга, указывается мѣсто, гдѣ, по преданiю, С. Побѣдоносецъ сражался съ дракономъ и гдѣ поле, обагренное кровью чудовища, ничего не произращаетъ (6). Изъ легенды у Французовъ о покорности низложеннаго змiя С. Георгiю произошла поговорка: Rendre les armes à Saint Georges, возвратить оружiе С. Георгiю.

Въ Сербiи, въ Юрьевъ день, весьма уважаемый народомъ, прежде восхожденiя солнца начинаютъ купаться, и освященною вербой, такъ какъ въ Россiи, выгоняютъ въ поле скотину. Тамъ и пословица говоритъ: *Нѣтъ лѣта безъ Юрьева дни;* а въ пѣсняхъ дѣвица такъ призываетъ етотъ день: „О праздникъ С. Георгiя, приди и найди меня „за мужемъ!" (7). Мадьяры называютъ и Апрѣль, въ коемъ приходится оный, Szent György hava.

Въ Булгарiи имѣютъ обычай въ день С. Георгiя закалать агнца такъ, чтобы ни капли крови его не пало на землю, а кровiю его

(6) Rüh's Finnland u. seine Bewohner. Leipz. 1809, in 8, p. 306.

(7) Poësie populaire des nations Slaves въ Revue britan. Janv. 1837, No 13.

помазываютъ дѣтей своихъ, дѣлая знаменіе креста на челѣ, ланитахъ и бородѣ. Зажаривъ етого барашка, сбираются всѣ домашніе и холостая родня, призываютъ священника, который надъ нимъ читаетъ молитву и благословляетъ: попу отдается шкурка и лопатка ягненка. Когда ѣдятъ освященнаго барашка: то собравъ всѣ косточки, зарываютъ ихъ въ землю. Въ етотъ же день, по замѣчанію Г. Липранди, жарится такой барашекъ, только безъ означенныхъ обрядовъ, въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и въ другихъ мѣстахъ Оттоманской Имперіи. На всемъ Востокѣ, въ Архипелагѣ и у насъ на Черномъ морѣ, Греки, Славяне и Турки не прежде пускаются въ море, какъ въ Юрьевъ день (8).

Во многихъ мѣстахъ Красной и Бѣлой Руси Юрьевъ день — праздникъ пастуховъ, въ Черной Руси *обѣдная*, когда святятъ хлѣбъ. Ето торжество сопровождается конскими ристаніями, пѣснями и пиршествами. Въ Бѣлоруссіи тогда же выгоняютъ изъ хлева вербою скотъ *на Юрьеву росу* (9); тамъ

(8) Путешествіе изъ Тріеста до С. Петербурга, въ 1810, 2 ч. М. 1825, въ 8.

(9) Съ Юрьева дни до Михайлова въ Тюрингенѣ запираются луга, въ силу сѣннаго права (Heurecht), которое

поговорка *вытти на Юрьеву росу* значитъ выздоровѣть больному человѣку: тогда пастухи получаютъ по десятку яицъ, по кувшину молока и готовятъ себѣ въ полѣ яичню. По выгонѣ скота на Юрьеву росу, хозяинъ уже не заботится объ немъ, будучи увѣренъ въ безопасности своей скотины, порученной покровительству С. Георгія. По тамошней поговоркѣ, Св. *Юрій коровъ запасаетъ, а Никола коней.* Если же тогда случится въ приходской церкви праздникъ сему святому: то отправляется *кермашъ*, у Поляк. Kiermacz, или Iarmark, приходское торжество, соединенное съ угощеніемъ сосѣдей.

Въ Малороссіи, 23 Апрѣля бываетъ крестный ходъ *на жито*, по замѣчанію Г. Лашкевича изъ Стардуба: отпѣвъ молебенъ съ водосвятіемъ, священники окропляютъ

и произвело пословицу: Die Wiese gehet in das Heu zu St. Georgentag, т. е. лугъ идетъ въ сѣно, на лугахъ начинаютъ косить, съ Георгіева дни. Другая пословица также гласитъ:

Auf Sanct Gürgen
Soll man die Kuh von der Weide schürgen,

т. е. На св. Юрія надобно корову шуркать (гнать) съ пажити. См. Die Sprichwörter u. sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen, von Dr. W. Körte, 4 Lief, Leipz. 1837, in 8.

нивы св. водою. Послѣ етого, молодежь обоего пола забавляется невинными играми, катается по житу, чтобы *быть сильными* и *здоровыми, какъ Юрьева роса*. До крестнаго хода поселяне не выгоняютъ скотины въ поле; а женщины знахарки, на зарѣ етого дня, выходятъ на поле и тамъ разстилаютъ холстъ, который онѣ напитываютъ росою: етимъ онѣ хвалятся, по произволу, причинить вредъ рогатому скоту, особливо коровамъ, отнимая у нихъ молоко. Въ Курскѣ, въ Юрьевъ день, близъ Егорьевской церкви на Херсонской улицѣ бываетъ ярмарка, на коей продаются деревянныя и глиняныя коровки и другія животныя.

На Сѣверѣ Россіи, въ етотъ день бываетъ первый всенародный праздникъ съ открытія весны; между простолюдинами онъ тоже, что въ городахъ первое Мая. Въ Шенкурской и Вельской округахъ, по Вагѣ, въ Юрьевъ день отправляется молебствіе всѣмъ міромъ, которое заключается пиршествомъ по домамъ. Молодцы, дѣвицы и молодки собравшись тамъ на широкіе луга, составляютъ два отдѣленія; молодцы присоединяются къ дѣвицамъ и взявшись за руки, бѣгаютъ по прямому направленію, вплоть до вечера. Послѣ етого праздника, крестьяне принимаются сѣять ячмень, овесъ и т. д. Око-

ло Солигалича и Буя, въ Юрьевъ день, ночью крестьяне ходятъ и поютъ пѣсни съ припѣвами о сохраненіи стадъ своихъ. Въ Смоленскѣ жители выходятъ за городъ прохлаждаться *нá горы,* а пастухи выгоняютъ скотъ на Юрьеву росу и траву. Въ Тульской Губ. служатъ также молебны на колодцахъ; послѣ чего, окропивъ скотъ св. водою, выгоняютъ его въ поле вербою, освященною въ Вербное Воскресенье. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ходятъ вокругъ села̀ и по́ля съ св. образами; въ Муромскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству Ходаковскаго, сами поселяне нашивали св. образа и свѣчи вокругъ пашни своей, съ пѣніемъ слѣд:

„Воскликнемъ-те, братцы,
Святую куралесу (10):
Дажъ, Боже, намъ
Ячмень усатый,
Пшеничку колосисту, и т. д.

С. Линде въ своемъ Словарѣ Славянскихъ нарѣчій замѣчаетъ, что „въ Россіи два Егорья: „одинъ весенній, другой осенній; одинъ го-„лодный, другой холодный.“ — Какъ въ разныхъ климатахъ Россіи, въ Юрьевъ день случается разная погода, и природа представляется въ разныхъ видахъ: то въ одномъ мѣстѣ онъ является *съ тепломъ*, въ другомъ

(10) Вѣроятно, искаженное: *Κύριε ἐλέησον.*

съ *двѣнадцатью морозами*, въ одномъ *съ водой*, въ другомъ *съ кормомъ*. Въ Московской, Костромской и иныхъ Губерніяхъ подъ одинакою съ ними широтою, пословица гласитъ: *Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ;* онъ приходитъ *съ двѣнадцатью морозами и* потомъ *съ тепломъ*. Двинскіе и Важскіе жители говорятъ: *Егорій съ водой, а Никола съ травой;* потому что съ перваго дни послѣднихъ числъ Апрѣля, Сѣверная Двина и Вага часто вскрываются, а съ появленіемъ Мая появляется зелень на берегахъ, освобожденныхъ отъ льдистой коры своей. Въ Тульской и Орловской Г. говорятъ поселяне: *Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ*, а въ Рязанской и Тамбовской: *Егорій съ кормомъ, а Никола съ мостомъ*. Съ етимъ днемъ у крестьянъ соединены разныя примѣты, относящіяся къ ихъ быту; тогда бываютъ у нихъ сроки и торги, выгоны и первое сѣяніе яроваго и огородныхъ растеній. Начиная съ Юрьева праздника свои труды и сдѣлки, они святятъ имя С. Георгія великимъ благоговѣніемъ и призываютъ его на помощь въ работахъ и напастяхъ своихъ.

При началѣ Христіанства въ Россіи нѣкоторые великіе и удѣльные Князья носили уже имя С. Георгія, въ честь котораго и

сооруженъ храмъ въ Кіевѣ предъ вратами С. Софіи, 1037 г., и установленъ праздникъ освященія онаго по примѣру Греческой Церкви. На Югѣ Ярославомъ Юріемъ, основателемъ Юрьева Ливонскаго, а на Сѣверо-Востокѣ Россіи поселено особенное благоговѣніе къ сему святому В. К. Юріемъ Долгорукимъ, основателемъ Юрьева Польскаго; послѣдній съ распространеніемъ своихъ владѣній на Сѣверѣ распространилъ и вѣру Евангельскую подъ знаменами своего патрона, между полуязыческими племенами, и соорудилъ въ честь его церкви (11): что, можетъ быть, и дало поводъ внести С. Георгія и въ гербъ Россійскій, какъ утвердителя и защитника православія, поборника Христолюбивому воинству и *плѣнныхъ свободителя.* Въ старинномъ народномъ сказаніи *Егорій храброй* (12) представляется сыномъ премудрой Софіи и братомъ трехъ ея дщерей, противникомъ Бусурманства и поборникомъ вѣры истинной на свѣтлой Руси. Принявъ благословеніе отъ Св. Софіи, онъ говоритъ:

„Поѣду я по всей землѣ свѣтлоруской
Утверждать вѣры Христіанскія.“
Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,

(11) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

(12) по списку П. В. Киреевскаго.

Наѣзжалъ Егорій храбрый
На лѣса на дремучіе:
Нельзя Егорію было проѣхать,
И Святому подумати;
И Святой Егорій проглаголуетъ:
Ой вы, лѣса тёмные!
Вы лѣса дремучіе!
Заростітеся вы, лѣса,
По всей землѣ свѣтлоруской,
По крутымъ горамъ, по высокимъ,
По Божьему все повелѣнью,
По Егорьеву все моленію!

Св. Георгій назначаетъ мѣсто въ Руской землѣ, по Божьему велѣнью, лѣсамъ, горамъ, рѣкамъ, звѣрямъ,

Они (звѣри) пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное
Отъ Георгія храбраго,
Наѣзжалъ Егорій на стадо на зміиное;
Вынималъ Егорій саблю острую,
Стадо острое, зміиное.
Посѣкъ, порубилъ стадо острое.

Въ заключеніе Побѣдоносецъ крестилъ трехъ сестръ изъ Бусурманской вѣры въ истинную Хрістіанскую. Ета легенда, по замѣчанію Профессора Шевырева, вѣроятно относится къ епохѣ освобожденія Россіи отъ Татарщины — *стада зміинаго.*

О Св. Георгіѣ у крестьянъ существуетъ повѣрье, что онъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ, который въ средніе вѣки былъ символомъ феодальнаго Государя (13); хранитъ скотъ и только за нечестіе пастуховъ предаетъ его на расхищеніе волкамъ; оттого вѣроятно и поговорка: *Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.*

Еще въ XVI вѣкѣ существовало на Руси повѣрье, что въ Лукоморьѣ есть люди, которые умираютъ въ Юрьевъ день осенній (26 Ноября), а въ весенній оживаютъ, снося предъ смертію своей товары въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди ихъ, въ теченіи зимы, могутъ брать оные за извѣстную плату. Зимнеспячки воскресая весною, разсчитываются съ ними (14). Подобное сказаніе о полунощныхъ народахъ, спавшихъ по шести мѣсяцевъ въ году, извѣстно было и Геродоту, который не вѣрилъ етому, хотя основаніе такому мнѣнію находилось въ мѣстности, климатѣ и образѣ жизни.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день, на Руси въ старину былъ замѣчате-

---

(13) У Поляковъ есть и пословица: Nabożny iak S-Jerzego koń, „набоженъ какъ конь С. Георгія" говорится о пустосвятѣ.

(14) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I стр. 8 и VII стр. 233.

ленъ срокомъ перехода поселянъ отъ одного помѣщика къ другому и поселенія ихъ, по условію, на помѣщичьей землѣ; онъ важенъ началомъ и окончаніемъ полевыхъ работъ; самый оброкъ, вносимый крестьянами помѣщику, называется *Юрьевымъ* (15).

Въ память побѣды Руских ъ надъ Чудью и Вотяками, жители Хлынова весною и осенью въ Юрьевъ день нашивали изъ села Волкова въ Вятку съ образомъ С. Георгія желѣзныя стрѣлы, бывшія оружіемъ Чудскимъ (16).

Столь много воспоминаній и предметовъ жизни народной соединялось въ лицѣ С. Георгія! Его день на Руси важенъ не только какъ праздникъ церковный, но какъ и народный, въ историческомъ, хозяйственномъ и политическомъ отношеніи. —

---

(15) см. Руские въ своихъ пословицахъ, И. С. ч. I—4.
(16) *Карамз.* И. Г. Р. ч. III. прим. 33.

VII.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Первомайскій праздникъ у городскихъ жителей есть первое весеннее гулянье за городомъ въ рощѣ, гдѣ болѣе катаются въ екипажахъ, чѣмъ гуляютъ пѣшіе. Перваго Мая бывали и школьныя празднества въ западной, южной и отчасти въ сѣверо-восточной Россіи.

Ето гулянье, неизвѣстное въ сельскомъ быту на Руси, есть иностранное и новое; возводя насъ къ западнымъ обычаямъ, оно переноситъ въ древній Римскій міръ, гдѣ надобно искать и самаго значенія слóва *Май*.

Нашъ Май есть Римскій Majus, сначала третій, а потомъ пятый мѣсяцъ года, посвященный у Латинянъ разнымъ богослужебнымъ обрядамъ и празднествамъ, какъ-то: въ честь Доброй Богини (Bona Dea), или *Маіи*, вѣроятно давшей названіе и мѣсяцу, который другіе производятъ отъ majores (предковъ), въ память усопшихъ (Lemuria или Remulia), также въ честь Меркурія, проводника душъ усопшихъ, сына *Маіи*, дочери Атлантовой и т. д. (1). Изъ числа мѣстныхъ божествъ

(1) Neues Real-Schullexicon, von C. Funke. 4 T. Braunschw. 1801, in 8.

Лацiйскихъ извѣстенъ *Маiй* (Majus) въ Тускулѣ, а *Маiѣ* (Maia, или Majesta), по свидѣтельству Макробiя, посвященъ былъ мѣсяцъ Май. Всѣ сiи божества и миѳы одноименные, взятые вмѣстѣ, могли сообщить свое названiе мѣсяцу Маю, который и самые Римскiе писатели производятъ то отъ одного, то отъ другаго. Въ вѣчномъ градѣ было также Майское празднество Majuma въ воспоминанiе *Маiи*, выводимой изъ Востока и значущей въ Индiйской Миѳологiи *мать природы;* оно, какъ полагаютъ нѣкоторые Археологи, начиналось въ концѣ Апрѣля и оканчивалось въ началѣ Мая (2), составляя одно съ Iudi florales. Въ етотъ праздникъ Римляне обливали другъ друга и купались въ Тибрѣ, въ который Весталки бросали тростниковыя чучелы въ честь Сатурна. У Франковъ былъ подобный первому обрядъ, сопровождавшiйся наказанiемъ мужей, давшихъ волю своимъ женамъ (3). Первое Мая съ утра Римляне обоего пола выходили въ поле съ музыкою сбирать зеленыя вѣтви, коими украшали двери своихъ родственниковъ и друзей.

Дни поминовенiй у Римлянъ осенью и особливо весною почитались неблагопрiят-

(2) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. IV. Halae. 1786, in 8.

(3) Вѣстникъ Европы 1811, No 20.

ными для свадебъ; посему и Май, признаваемый бѣдственнымъ для супружествъ, далъ поводъ къ пословицѣ: Mense Majo malae nubunt, т. е. въ мѣсяцѣ Маѣ выходятъ за мужъ злонравныя, распутныя. Ето повѣрье, противное истинной вѣрѣ и разсудку, передалъ намъ Овидій in Fastis, кн. V, въ слѣдующихъ стихахъ:

Nec viduae taedis eadem, nec virginis apta
Tempora; quae nupsit, non diuturna fuit.
Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt,
Mense malas Majo nubere vulgus ait.

„т. е. Время сіе не благопріятно ни вдо„вамъ, ни дѣвицамъ, вступающимъ въ бракъ; не „долговѣчна бывала та, которая выходила „за мужъ. По етой причинѣ, если вѣритъ „пословицѣ народной: въ мѣсяцѣ Маѣ выходятъ „за мужъ женщины злонравныя, дурныя.“ Плутархъ говоритъ также, что „Римляне не женятся въ Маѣ, но ожидаютъ Іюня“: *οὐ γαμοῦσιν οὖν ἐν τῷ Μαΐῳ, περιμένοντες τὸν Ἰούνιον* (4). Также у Рускихъ извѣстна поговорка: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ вѣкъ маяться*. Примѣта о *маяніи* супруговъ, сочетавшихся въ Маѣ, какъ замѣчаетъ одинъ Археофилъ (5), ежели встрѣчается и въ крестьянствѣ: то вѣроятно, отъ того,

(4) *Plutarchi* R. Q. 86.
(5) Московск. Вѣстникъ, 1828, № 4.

что послѣ Мая начинаются для бабъ, подлинныхъ помощницъ для мужей, самыя трудныя работы, при недостаткѣ продовольствія: возка и разбивка назема, сѣнокосъ и жнитво. Французы говорятъ также пословицей: Noces de Mai, noces mortelles, т. е. Майскія свадьбы, смертельныя свадьбы.

У Грековъ *Первое Мая* (*Πρωτομαΐα*) есть веселый праздникъ, похожій на Рускій Семикъ. Тогда у нихъ двери домовъ украшаются цвѣтами и древесными вѣтвями, и вся Греція встрѣчаетъ начало лѣта въ рощахъ и садахъ народными увеселеніями. Но самое названіе мѣсяца и празднество заимствованы ими отъ Римлянъ. Въ Ѳессаліи, по свидѣтельству тамошняго уроженца ученаго Байло, двое юношей въ вѣнкахъ ходятъ по домамъ въ первый день Мая.

У Шведовъ, Датчанъ, Нѣмцевъ и Англичанъ издревле Первое Мая (Meye-tag) было радостнѣйшимъ праздникомъ, вѣроятно, остаткомъ Одинова богоученія. Майскія веселья сопровождались хороводами вокругъ *Майскаго дерева*, которое у Римлянъ называлось Maius, arbor majalis, у Датчанъ Maistrãe, у Англичанъ Maypole, у Французовъ le mai, у Нѣмцевъ Maibaum (6). Доселѣ молодыми березками (die Maie) украшаются въ Германіи дома, комнаты и церкви, особливо

(6) Edda Saemundina, t. III.

въ Троицынъ день. Первое Мая поселяне одного или многихъ селеній, собравшись вмѣстѣ, ѣздятъ ватагами на лошадяхъ съ зелеными вѣтвями въ рукахъ или на шляпахъ; что называется въ Даніи и Германіи: *привозить лѣто на коняхъ въ село.* Тогда же пѣвались веселыя пѣсни. Братчины, дѣлавшія на свой щетъ пиршество, назывались Majigilder. Отъ Майскихъ народныхъ игръ произошли у Франковъ и Англичанъ *собранія Майскаго поля* (Mai campus), какія ежегодно назначали въ Маѣ первые Короли Франкскіе. По окончаніи дѣлъ, давались пиршества и зрѣлища съ разными потѣхами. Во многихъ мѣстахъ Франціи еще сохраняется обычай ставить передъ домомъ городскаго Мера Майское дерево. При Людовикѣ святомъ дьяки (клеры) судилища Basoche пользовались правомъ срубать дерево въ Винценскомъ лѣсу и ставить его предъ дворцемъ. Наконецъ, въ Испаніи наряжаютъ прекрасную поселянку въ бѣлое платье и увѣнчавъ ее цвѣтами, сажаютъ на тронъ, а юныя подруги, окружающія ее, дѣлаютъ сборъ для *Маіи*, какъ бы въ воспоминаніе этой плеяды (6). Тамъ Апрѣль и Май почитаются ключами къ цѣлому году. Въ Англіи и Скандинавіи

(6) Dictionnaire de la conversation et de la lecture. t. XXXV. Paris. 1837, in 8.

избирались Майскіе цари и царицы, которые въ вѣнкахъ изъ Майскихъ цвѣтовъ, въ сопровожденіи юношества обоего пола, обводимы были вокругъ высокаго шеста, называемаго Majstöng. Шведскій Король Густавъ I, въ 1596 году, сдѣлалъ Іоанна Магнуса, Упсальскаго Архіепископа Майскимъ Королемъ (Maigreffwe), котораго водили въ цвѣточномъ вѣнкѣ по улицамъ на Ериховой ярмаркѣ, 18 Мая. Етотъ Maigreffwe давалъ пиршество Королю, придворнымъ и народу (7).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи Ивановъ огонь (Johannisfeuern) зажигаютъ 1 Мая, добывая его треніемъ дерева объ дерево (8). Какъ въ Кіевѣ, въ Ивановскую ночь, на Лысую гору, такъ въ Германіи на Брокkенъ, или Блоксбергъ, въ Вальпургову ночь, наканунѣ перваго Мая, отовсюду сбираются вѣдьмы, колдуньи, враждебные духи и всѣ, которые находятся въ связи съ дьяволомъ: они превращаются въ разныя животныя, ѣздятъ на лопатахъ и помелахъ. Тамъ онѣ пляшутъ вокругъ чертова требища и совершаютъ неистовое торжество. Въ Вальпургову ночь, извѣстную въ Германіи и Швеціи, у Нѣмцевъ по мѣстамъ ведется обычай бѣгать съ

(7) *Ihre* Glossarium Sviogothicum. Upsalae. 1769, 2 v. in f.
(8) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde, von Dr. G. *Klemm*. Dresden. 1836, in 8.

горящими пуками соломы, привязанными къ длиннымъ шестамъ, и стрѣлять въ сосѣднія горы. Какъ Маемъ нѣкогда Европейскіе народы начинали новый годъ: то и ета таинственная ночь и относящіяся къ ней суевѣрія остаются еще въ обычаяхъ при перемѣнѣ времени года; притомъ первое Мая составляетъ для жителей Германіи важную епоху, съ которой начинаются економическій годъ и полевыя работы, заключаются контракты по откупамъ: то древніе Нѣмцы, по суевѣрію своему, почитая всякую неудачу въ хозяйствѣ дѣломъ дьявола или вѣдьмъ, его помощницъ, могли представлять себѣ, что особенно накану̀нѣ Мая, ночью они строятъ имъ козни. Такимъ образомъ введенъ обычай разгонять въ ету ночь бѣсовъ и вѣдьмъ (9). Самое положеніе и свойство Броккена, составляющаго часть Гарца въ Вернигеродскомъ графствѣ, даютъ поводъ заключать, что тамъ въ Язычествѣ было капище, а въ пляскахъ вѣдьмъ предполагаются слѣды ночнаго сходбища и богослужебнаго обряда, совершавшагося жрицами и вѣдьмами. Майскій *праздникъ источниковъ* славился въ Богеміи (10).

У Нѣмцевъ Май въ древности назывался Mojemonat, т. е. Wonnemonat, радостный, Wiesemonat,

(9) Енциклопедическій Лексиконъ, т. III.

(10) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

луговой, Rosenmonat розовой; Tri-milchi, у древнихъ Саксоновъ и Англичанъ трое-млечный, потому что въ Маѣ трижды въ день доятъ коровъ. У Славянскихъ племенъ етотъ мѣсяцъ извѣстенъ то подъ именемъ *Травеня*, то *Цвѣтеня*, то подъ Римскимъ именемъ *Мая*. У Поляковъ только Мартъ (Marzec) и *Май* (May) сходны названіемъ съ Римскими мѣсяцами; у нихъ May значитъ также зелень, вѣтви съ зелеными листьями, особенно березы, а umaić głowę увѣнчать голову вѣнкомъ. Maj, Majówki — Майскія гулянья, праздникъ весны въ первомъ ея цвѣтѣ. У древнихъ жителей, говоритъ Л. Голембовскій, была богиня Мая, коей они воздавали почтеніе въ первый день етого мѣсяца; ее донынѣ призываютъ Греки въ пѣсняхъ и пляскахъ, коими обыкновенно встрѣчаютъ Славяне весну на муравѣ (11). При послѣднемъ изъ Королей Ягеллонскаго племени Сигисмундѣ Августѣ, еще въ нѣкоторыхъ округахъ сходились наряженныя молодицы на лугъ и, схватившись руками, составляли хороводъ (коло) и съ упоительными плясками возглашали похвалы веснѣ. Въ Пинщинѣ и другихъ краяхъ Литвы, первое Мая, народъ, собравшись на лугъ для веселья,

(11) Gry i zabawy róznych stanów etc. opis. p. *L. Gołębiowskiego.* w Warschawie. 1831, in 8.

ставилъ тамъ зеленое дерево, украшенное разноцвѣтными лентами. Туда сходились дѣвки, молодки и парни подъ предводительствомъ избранной ими прекрасной и ловкой дѣвицы, которая представляла изъ себя богиню Маю; свѣжій зеленый вѣнокъ украшалъ чело ея, а березовыя вѣтки обвивали весь ея станъ. Повторяя въ пѣсняхъ своихъ: о Maja! Maja! онѣ плясали около дерева.

Май былъ не только сельскимъ, но и издавна школьнымъ празднествомъ въ Польшѣ и Литвѣ. Въ тамошнихъ училищахъ оно извѣстно подъ именемъ Majówki, или rekreacje majowe. На самомъ разсвѣтѣ перваго или послѣдующихъ дней Мая, колокольчикъ и музыка сзывали учащихъ и учащихся на дѣдинецъ (дворъ), оттуда ряды ихъ, подъ своими знаменами, шли за городъ, гдѣ ихъ угощали тамошніе помѣщики и гдѣ они забавлялись разными играми, особенно гимнастическими, и поздно уже вечеромъ возвращались домой съ веселыми пѣснями и музыкой.

Етотъ обычай, существовавшій издревле во всѣхъ Европейскихъ училищахъ, изъ Польши перешелъ и въ южную и даже въ великую Россію, вмѣстѣ съ школьными системами.

Въ прежней Кіевской Академіи, въ три Майскія рекреаціи, всѣ ученики и учители и сторонніе любители наукъ выходили для

забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ Глубочица (12). Тамъ всѣ забавлялись разными играми, а студенты пѣли канты. Учитель поэзіи обязанъ былъ ежегодно сочинять комедіи или трагедіи для такихъ прогулокъ, а прочіе учители писали діалоги.

Въ прежде бывшемъ Харьковскомъ Коллегіумѣ и въ другихъ училищахъ духовныхъ праздновались Майскія рекреаціи 1, 15 и 30 числъ мѣсяца, а Богословскія 8 го.

Въ Великой Россіи, какъ мы уже замѣтили, у поселянъ Юрьевъ день, первый весенній праздникъ, то же что первомайское гулянье у горожанъ. Въ Москвѣ оно бываетъ обыкновенно въ Сокольнической рощѣ, которая составляетъ часть Лосиннаго погоннаго острова, гдѣ издревле Руские Государи любили потѣшаться звѣриною и соколиною охотой. Въ просторѣчіи это гулянье слыветъ *Нѣмецкими станами* и *Нѣмецкими столами*. Преданіе гласитъ, что здѣсь было первое становище Нѣмцевъ, вызванныхъ и добровольно пріѣхавшихъ въ Россію и поселившихся въ Нѣмецкой слободѣ, извѣстной подъ Финнскимъ названіемъ *Кукуй*, или *Кокуй* (13). На новосельи они сбирались вспоминать

(12) Описаніе Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ, 1825, въ 4.

(13) костеръ. см. *Купало. Карамз.* И. Г. Р. ч. XI.

отечественный свой праздникъ *Первое Мая*; любопытство привлекало туда и Рускихъ, у которыхъ въ послѣдствіи обрусѣлъ етотъ чужестранный праздникъ; но названіе *Нѣмецкихъ становъ* удержалось.

Когда въ Москву приведены были плѣнные Шведы: Петръ I поселивъ ихъ близь Сокольничьей рощи, роздалъ знающимъ разныя мастерства въ науку Рускихъ мальчиковъ, которые помѣщены были въ Матроской фабрикѣ въ Преображенскомъ селѣ. Етотъ Государь-хозяинъ, имѣвшій дворецъ въ Сокольничьей рощѣ, гдѣ теперь Чорикова дача и старыя липы въ саду, угощалъ Шведскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ, по обычаю ихъ страны, въ первое число Мая: ето угощеніе прослыло *Нѣмецкими столами*. Кто изъ Московскихъ жителей не помнитъ тѣхъ *Рускихъ столовъ*, какіе давалъ сряду три дни послѣ своей коронаціи Императоръ Александръ I своему народу на Сокольничьемъ полѣ!

Такъ изъ частнаго Нѣмецкаго гулянья составилось общее Московское! Какъ Петръ I завелъ въ Россіи народныя гульбища: то и учрежденіе первомайскаго гулянья въ Сокольникахъ приписывается ему, тѣмъ болѣе, что онъ обратилъ мѣсто соколиной потѣхи въ позорище примѣрныхъ сраженій, осадъ крѣпостей и, вѣроятно, самъ участво-

валъ съ Нѣмцами въ ихъ народномъ первомайскомъ праздникѣ, который они отправляли на чужбинѣ, подъ гостепріимною сѣнью Сокольнической рощи. Теперь, въ этотъ праздничный день, роща, вмѣщающая въ себѣ прелестный лѣтній городокъ, оглашается оркестрами музыки и хорами пѣсельниковъ и цыганокъ; по дорогамъ тянутся блестящіе ряды екипажей, пестрѣютъ группы пѣшеходцевъ обоего пола и разнаго званія, а въ сторонѣ, подъ привѣтною сѣнью сосенъ сидятъ сѣмейныя круговеньки за самоваромъ; по мѣстамъ приманиваютъ къ себѣ палатки и шатры съ прохладительнымъ и горячительнымъ, а разныя потѣхи балагановъ забавляютъ толпы гуляющихъ.

Въ такихъ видахъ представляется у насъ первомайскій праздникъ, переданный намъ, какъ *школьный*, отъ Поляковъ, какъ *народный городскій*, отъ Нѣмцевъ! Отъ этого первый болѣе извѣстенъ въ бѣлой и малой Россіи, а другой въ великой. Оба сдѣлались достояніемъ городовъ; ибо у поселянъ первое Мая, съ *Еремея запрягальника*, выходятъ на *Майскую росу* пахать поле и, по Майской погодѣ примѣчаютъ, каковъ будетъ урожай хлѣба и сѣна, чтобы зимою имъ *не маяться*.

VIII.

ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.

Птицегаданіе, или птицеволхвованіе, столь важное въ вѣрованіи Етрусковъ, Римлянъ и восточныхъ племенъ, извѣстно и Славяно-Рускимъ, какъ видно изъ старинныхъ народныхъ повѣрьевъ и обрядовъ, доселѣ существующихъ (1). Къ птицамъ пѣвчимъ, вѣщимъ (oscines), предвѣщающимъ добро и зло своимъ голосомъ, принадлежитъ *кукушка*, коей звукоподражательное названіе во всѣхъ почти языкахъ сходно: у Индусовъ она kokila, у Туроковъ koukou-kouchi, у Еллиновъ *κόκκυξ*, у новыхъ Грековъ *κοῦκος*, у Римлянъ cuculus (canorus), у Французовъ coucou, у Нѣмцевъ Kuckuck или Maivogel, у Агличанъ cuckoow, и т. д. Но въ Малороссійскомъ нарѣчіи, такъ равно и въ Чешскомъ (Zezhule), она извѣстна подъ имемъ *зозули*; а въ Литовскомъ Gieguzie, Kukułka значитъ Май.

Въ Литовской Миѳологіи, столь обильной превращеніями, кукушка занимаетъ главное мѣсто (2). Въ ней находится сказаніе о дочери богатаго дворянина, сестрѣ трехъ

---

(1) см. Святки. вып. II.

(2) Сынъ Отечества. 1836, № 16.

братьевъ, которые пали подъ предводительствомъ храбраго Кейстута на войнѣ съ монахами - рыцарями. Нѣжная сестра ушла горевать и плакать въ лѣсъ, и тамъ превращена въ кукушку верховнымъ божествомъ, надъ нею умилосердившимся. Въ память плача ея, вѣроятно, названа въ Россіи трава *кукушкины слёзы* (orchis latifolia), а вдова и сирота — *горькою кукушкою.* И въ Руских народныхъ сказкахъ, по свидѣтельству Г-на Глаголева, упоминается о превращеніи волшебницею одной несчастной дѣвушки въ *рябую кукушку* (3). Въ Самогиціи и Литвѣ простолюдины весьма уважая кукушку, приписываютъ ей даръ предвѣстія. Если она закукуетъ надъ чьимъ либо домомъ: то это почитается за предвѣщаніе смерти хозяину. Ктожъ услышитъ въ первый разъ ея кукованье въ лѣсу, имѣя при себѣ деньги, тому вѣрная примѣта, что онѣ круглый годъ не будутъ у него переводиться. Ея голосъ служитъ оракуломъ для того, кто ее спрашиваетъ о чемъ либо (4). Народныя преданія сохранили намъ пѣсенку, которую и донынѣ поютъ дѣвушки въ Са-

---

(3) Труды Общества любителей Росс. Словесности при Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821, въ 8.

(4) Абевега Руских суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786, въ 8.

могиціи, когда желаютъ что либо узнать отъ кукушки:

Tu seserity brangioy,
Tu giegûzajty rajboy,
Brolum arklus ganidama,
Szyłkum siufus wajstidama,
Sasik kad'asż wiva gansu?

т. е. Ты, сестрица дорогая,
Пестрая кукушка;
Кормя коней братнихъ,
Мотая нити шелковыя,
Скажи мнѣ, скоро ли мужа достану?

Сколько разъ, послѣ етого вопроса, прокукуетъ кукушка, чрезъ столько лѣтъ должно и совершиться желаніе (5).

Въ Великой Россіи, когда поселяне идутъ лѣсомъ и услышатъ кукованье вѣщей птицы; то спрашиваютъ: „Кукушка, „кукушка! скажи, сколько мнѣ жить го„довъ?" Сколько разъ прокричитъ ета птица, столько и считаютъ лѣтъ до своей кончины.

Въ Литвѣ и понынѣ отправляютъ праздникъ въ честь кукушки. На третій день Свѣтлаго Воскресенья собирается молодежь изо всей деревни въ одинъ домъ и

(5) Сынъ Отечества 1836 г. No 16.

поютъ разныя пѣсни, послѣ чего наступаетъ танецъ Giaguzy. Царицею етого танца выбирается дѣвица отличной красоты (Giegiely); потомъ становятся въ кружекъ, среди коего сидитъ она на стулѣ съ завязанными глазами; всѣ пляшутъ вокругъ нея. Послѣ всякаго круга, мужчины подходятъ къ сидящей, и взявъ ее за руку, поютъ:

Karaliny giegiely kuku, kuku!
Asz tawa brolabys kuku, kuku!

т. е. Царица кукушка, куку, куку!
Я твой братецъ, куку, куку!

Сидящая угадываетъ по голосу тѣхъ, кто болѣе нравится ей, выбираетъ себѣ трехъ молодыхъ парней, и развязавъ себѣ глаза, съ ними пляшетъ. При разставаніи даритъ имъ пестрые кушаки своей работы, а парни съ своей стороны также дѣлаютъ ей подарки. Съ той поры дѣвушка называетъ етихъ парней братьями, а они ее сестрой. Игра сія, повидимому, проистекаетъ изъ народнаго миѳа, нами выше приведеннаго. Въ Норвегіи народъ празднуетъ *кукушкинъ день* (Gauksmess, cuculi feria).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Россіи отправляется поселянками, по древнему завѣтному обычаю, *крещеніе кукушекъ* то въ третье, то въ пятое, шестое, иногда седьмое Воскресенье по Пасхѣ, болѣе въ день Женъ му-

роносицъ, когда въ Новгородѣ доселѣ ежегодно ставятъ горшечки съ пескомъ подъ кирпичный несмазанный полъ въ древней церкви Женъ Мѵроносицъ на Ярославовомъ дворѣ. Поселянки въ Тульской, Орловской и Калужской Губерніяхъ тогда же идутъ въ лѣсъ, уже одѣвшійся листьями, и тамъ нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ ихъ вмѣстѣ вѣтвями, платками и полотенцами, такъ, чтобы онѣ составили вѣнокъ, и къ етому вѣнку привѣшиваютъ два креста. Двѣ подруги, желающія покумиться, ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и по три раза крестообразно цѣлуются сквозь вѣнокъ (4). Между тѣмъ прочія женщины поютъ:

Ты, кукушка, ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобъ намъ съ тобою не браниться!

После сего подруги мѣняются крестами и съ того времени, называясь *кумами*, живутъ въ мирѣ и согласіи. Къ кумовству не допускаются мущины; однѣ женщины го-

(4) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга въ 1810 г. *В. Броневскаго*. ч. 1 и 2. М. 1828, въ 8.

товятъ себѣ яишницу и послѣ дружескаго пиршества пляшутъ тамъ подъ обыкновенныя плясовыя пѣсни. Въ Орловской Губерніи етотъ праздникъ отправляется съ нѣкоторыми особенностями, напр: кумы, надѣвъ крестикъ на птичку кукушку, или на одноименную съ нею травку, кладутъ ихъ на разостланный платокъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами и цѣлуются съ прочими подругами, потомъ ѣдятъ яишницу. Кумовство также между женщинами походитъ на *братанье*, или *побратимство* между мущинами, а простонародный праздникъ крещенія кукушекъ вѣроятно возникъ при переходѣ отъ Язычества къ Христіанству. Такъ какъ онъ бываетъ незадолго до Русальской недѣли, а Русалки, по мнѣнію народному, тоскующія души младенцевъ, родившихся мертвыми или некрещенныхъ: то Г. Глаголевъ и полагаетъ, что крещеніе кукушекъ справедливѣе надлежало бы назвать крещеніемъ Русалокъ (5).

---

(5) У Нѣмцевъ есть примѣта въ слѣд. пословицѣ: Wenn der Guckuk noch lange nach Johannis schreit, wird's unfruchtbar und theuer, т. е. Если кукушка долго еще кричитъ послѣ Иванова дня (Іюня 24), то будетъ голодно и дорого.

IX.

СЕМИКЪ.

Въ сорокодневномъ періодѣ весеннихъ праздниковъ особенно замѣчателенъ *Семикъ*, любимый народный, или лучше сказать, дѣвичій праздникъ, по содержанію своему сходный съ Святками. Онъ приходится въ *седьмый четвергъ* по Пасхѣ, на седмицѣ Св. Отецъ, которая у простолюдиновъ извѣстна подъ именемъ *семицкой;* а въ Малороссіи *клечальной* отъ *клечанья*, разнаго рода древесныхъ вѣтвей, особенно кленовыхъ, какими тамъ украшаются дворы и покои. Отъ седьмой седмицы обыкновенно производятъ названіе Семика, которому соотвѣтствуетъ также и *сѣяніе* и Польское слово *Сеймикъ* (Seimik), сборъ. Въ Бѣлой и Черной Руси, Семикъ, сопровождаемый ярмаркою, по свидѣтельству Мицкевича, слыветъ Siomucha.

Въ Москвѣ и даже въ Сибири Семикъ называется *Тюлпою*, сходною съ древними Славянскими *Паствинами*, о коихъ говорится въ XIII вѣкѣ (1), и *Стадомъ*, о коемъ упоминаетъ

(1) см. харат. *Кормчая*, хранящаяся въ Патріаршей Москов. Библіотекѣ, подъ No 80, въ листъ. — Въ Свео-Готскомъ tölte знач. плясать.

Длугошъ въ XV вѣкѣ, какъ о языческомъ обрядѣ, совершавшемся ежегодно въ дни Пятидесятницы; потому что на ето празднество сбирались *толпами*, или суймами (2), а *стадиться*, по изъясненію Академическаго Росс. Словаря, значитъ сбираться въ толпу.

У Валсамона, писателя XII вѣка, етотъ праздникъ послѣ Пасхи именуется *Ρουσάλια*, кои объясняютъ Алфавитъ XVII в. играми поскоморошскими, а Баронъ Розенкампфъ и Полевой завиваніемъ вѣнковъ въ Русалье лѣто — тѣмъ болѣе, что дни Пятидесятницы у Чеховъ и Словаковъ называются Rusálda.

Руские величаютъ Семикъ *честнымъ*, подобно Масляницѣ, почитая его однимъ изъ трехъ главныхъ праздниковъ лѣтнихъ, какъ подтверждаютъ и слова старинной Костромской пѣсни:

Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.

Позорищемъ Семика бываютъ рощи и лѣса, берега рѣкъ и озеръ или прудовъ; въ первыхъ завиваютъ вѣнки, а на другіе пускаютъ ихъ для загадыванія. Московскіе жители издавна празднуютъ Семикъ въ *Марьиной* за-

(2) I. *Dlugossii* Historia Polonica. l. VII. ed. G. *Grodecki*. Lipsiae, 1711, f.

городной *рощѣ*, какія есть и во Владимірѣ, Суздалѣ, Муромѣ, Тулѣ, Ельцѣ.

Семикъ, не смотря на мѣстныя особенности, въ сущности своей одинаковъ и съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ почти во всей великой Россіи, особливо тамъ, гдѣ находятся рощи, лѣса и воды, и даже въ степяхъ.

Какъ въ Семикъ совершался древній благочестивый обычай погребенія и поминовенія *убогихъ на убогихъ домахъ*, или скудельницахъ, кои, по большей части, находились въ рощахъ: то первый отправлялся болѣе на могилахъ, подобно древней Тризнѣ. Но празднованіе Семика и Христіанскій обычай погребенія на скудельницахъ составляютъ рѣзкую противоположность отъ разности источниковъ, изъ коихъ протекъ тотъ и другой.

Время, измѣнившее или отмѣнившее затѣйливые обычаи народные, теперь преобразило етотъ многообрядный и многозначительный праздникъ въ простое гулянье столичныхъ и городскихъ жителей; одни еще поселяне и посадскіе удержали нѣкоторые завѣтные обряды древняго быта и повѣрья, какіе встрѣчаемъ въ разныхъ краяхъ Великой и даже Малой Россіи.

Донынѣ въ Семикъ ставятъ по улицамъ, у домовъ и даже въ комнатахъ, березки не только въ селахъ, городахъ, но и въ столицахъ

Россіи, гдѣ только есть березнякъ и липнякъ. Лѣтъ за 40, въ Семикъ вся Москва представляла разгульный праздникъ; почти на каждомъ дворѣ, у хозяина и хозяйки съ семьею, въ видѣ кущи обставливался березками столъ съ яишницей и драченой; вездѣ раздавались семицкія пѣсни, съ какими носили по улицамъ изукрашенную лентами и лоскутками березку толпы народа въ вѣнкахъ изъ ландышей, дойничковъ и незабудокъ, или изъ березовыхъ и липовыхъ вѣтвей. До мора въ Москвѣ 1771 г., послѣ погребенія и поминовенія убогихъ на Старыхъ Убогихъ Домахъ, или Божедомкѣ, ватаги народа, умывъ руки себѣ въ Самотекѣ, шли въ Марьину рощу завивать березку и пировать съ пѣснями и весельями, смѣнявшими слезы и рыданія.

При завиваніи вѣнковъ обыкновенно поютъ извѣстную пѣсню: *Ай, во полѣ липенка!* Содержаніе ея слѣдующее: „Красная дѣвица „сидитъ въ бѣломъ шатрѣ подъ зеленою ли„пою, вьетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, украшая „его дорогимъ яхонтомъ, и говоритъ со „вздохомъ: „Кому етотъ вѣнокъ носить? „Уже ли старому? — Нѣтъ! старой не будетъ „носить! Старой не отрада, не защита моей „молодости; пусть же носитъ его мой ми„лой другъ"! — Передъ вечеромъ дѣвушки воз-

вращаются домой съ вѣнками, кои и берегутъ до Троицына дня (3).

Семицкая березка въ Тульской и другихъ Губерніяхъ называется *кумою*, а *кумиться* значитъ цѣловаться при развитіи вѣнковъ. Тамъ, предъ завитіемъ въ рощѣ вѣнковъ, поселяне поютъ пѣсню, носящую на себѣ печать смѣшенія Язычества съ Христіанствомъ, вѣроятно, сочиненную при переходѣ отъ перваго къ послѣднему:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти!
Вѣнокъ сплести!
Ай Дидъ, ай Ладо!

Въ другихъ мѣстахъ, около Москвы, мущина, носящій березку, именуется *кумомъ*, а дѣвица *кумою*; тотъ и другая играютъ важную роль на праздникѣ.

Игра *Кума въ Семикъ* повторяется въ селеніяхъ Московской, Владимірской, Рязанской и частію Тульской Губерній, гдѣ въ это время поселянки, собравшись въ рощи, нагибаютъ молодыя *плакучія* березки, свиваютъ изъ нихъ вѣнки и попарно подходятъ сквозь ихъ цѣловаться, приговаривая:

(3) Труды Общества Любителей Росс. Словесности при Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821 г. въ 8.

Покумимся, кума,
Покумимся!
Намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружиться.

Въето самое время дарятъ другъ друга желтыми яицами, коими поминаютъ также утоплениковъ на Русальной недѣлѣ.

Во Владимірской Г., въ городѣ Покровѣ, дѣвки ходятъ по утру съ пирогомъ сбирать у сосѣдей деньги, а вечеромъ составляютъ хороводы, гдѣ поютъ и пляшутъ, а потомъ ѣдятъ пироги и яишницы. Въ другихъ же мѣстахъ къ Семику дѣвки дѣлаютъ складчину или ссыпчину.

У Волжскихъ жителей Семикъ составляетъ веселое празднество, которое сопровождается мимическими представленіями и обрядными пѣснями. Въ селахъ и деревняхъ Нерехотской округи пекутъ для дѣвицъ козули, родъ круглыхъ лепешекъ съ яицами въ видѣ вѣнка. Съ козулями онѣ идутъ въ лѣсъ, гдѣ съ пѣснями завиваютъ ленточки, бумажки и нитки на березѣ, на коей завязываютъ еще вѣтви вѣнками. Потомъ сдѣлавъ изъ березовыхъ сучьевъ одинъ вѣнокъ, дѣвки цѣлуются (кумятся) сквозь него, съ слѣд. приговорами: „Здравствуй, кумъ и кума! березку завивши." При завиваніи, дѣвки, обвивъ березу поясомъ или лентою, поютъ:

Береза моя, берюзонка,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудреватая!
Стоишь ты, берюзонка,
Осередь долинушки.
На тебѣ, берюзонка,
Листья бумажные,
Подъ тобой, берюзонка,
Трава шелковая.
Близь тебя, берюзонка,
Красны дѣвушки
Въ Семикъ поютъ,
Подъ тобой, берюзонка,
Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетутъ.
Что не бѣлая берюзонка
Къ землѣ клонится,
Не шелкова травонька
Подъ ней разстилается,
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются;
Подъ етой берюзонькой
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ.

Послѣ етой пѣсни, поселянки садятся за козули и яишницу подъ березою; за пиршествомъ слѣдуютъ сценическія игры, особенно замѣчательныя на правомъ берегу Волги,

въ селѣ Барщевѣ (4). Въ Кинешмѣ и Галичѣ при кумленіи дѣвицы мѣняются кольцами и серьгами, *играютъ* пѣсни съ мимикою:

А мы просо сѣяли.
У воробушка голова болитъ.
Во полѣ береза стояла.
По горамъ, горамъ.
Заплетися, плетень, заплетися.
Ай! на горѣ макъ, подъ горою такъ.
Ай! во полѣ липинка.
Ахъ! репей ли мой, репей.

Въ Цивильскѣ тогда дѣвки и бабы съ пивомъ ходятъ *подъ березку*, т. е. въ лѣсъ, и къ каждому стиху пѣсенъ припѣваютъ: *Лельо, Лельо.*

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ въ Воронежѣ завивали вѣнки дѣвушки на Троицынъ день, а развивали и пускали на воду въ самый праздникъ Пятидесятницы. Въ Воронежской Губерніи, на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, жители села Горохова страивали подъ Троицынъ день шалашъ на полянѣ, украшали его вѣнками изъ цвѣтовъ и душистой зелени, внутри ставили на возвышенномъ мѣстѣ болванъ изъ дерева или соломы, одѣтый въ праздничное мужское и женское платье. Около

(4) Изъ записокъ Князя А. Козловскаго и М. Я. Діева.

шалаша сбирались тамошніе жители, принося съ собою отборную пищу и питье; въ хороводѣ пѣли и плясали вокругъ етого шалаша, который представлялъ родъ капища (5).

Черемисы, или Мари, празднуютъ Семикъ по приятному и теплому времени, въ какое онъ обыкновенно случается; они называютъ его *Семикъ пайрамъ*, веселый праздникъ, болѣе потому, что въ ето время женятъ сыновей, или выдаютъ въ замужство дочерей за хорошій калымъ. Къ етой порѣ сваривъ кашу (пучумушъ) изъ разныхъ крупъ, носятъ ее на свою ниву для угощенія земли, чтобы посѣянное взошло въ изобиліи; послѣ чего поминаютъ родственниковъ, *сорта чуктомо кегэ*, переходя отъ одного къ другому, и тѣмъ самымъ оканчиваютъ *Семикъ пайрамъ*.

Въ Вологдѣ Семикъ, извѣстный болѣе подъ именемъ *Поляны*, отправляется на той самой полянѣ, на коей погребены два чудесные бѣлоризца, подвизавшіеся въ битвѣ съ Литвою (6). Въ Нерехтѣ также Семикъ празднуется на *Пахоміевской полянѣ*, гдѣ лѣтъ за 70 существовала церковь С. Пахомія съ *Божедомовымъ домомъ*. Какъ въ Москвѣ,

(5) Украинскій Журналъ на 1834 г. No 11. Харьковъ. въ 12.

(6) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. *Guthrie*. à S. P. 1795, in 8.

такъ и во многихъ другихъ городахъ, етотъ праздникъ народный, соединенный прежде съ торжественнымъ погребеніемъ и поминовеніемъ *убогихъ*, или *убоіихъ*, т. е. убитыхъ, или внезапно умершихъ, совершался на мѣстахъ *скудельницъ*, или убогихъ домовъ, кои превращались въ рощи отъ насаженныхъ тамъ деревьевъ, или бывали въ самыхъ рощахъ за городомъ, или въ концѣ селеній. Въ сіи мѣста, охраняемыя Божедомомъ, не только свозились поднятые на улицахъ и дорогахъ мертвые трупы, но и подкидывали младенцевъ, несчастно рожденныхъ, которыхъ воспитывалъ милостынею стражъ убогаго дома.

На етомъ основаніи Семикъ, по видимому, можно почесть остаткомъ Тризны или Справы, по времени его, мѣсту и обряду погребальному; потому что онъ приходится на недѣлѣ поминовенія усопшихъ предъ вселенскою Троицкою субботой, совершается на скудельницахъ или убогихъ домахъ и начинается благочестивымъ обычаемъ погребать и поминать несчастно умершихъ.

Но поминовеніе составляетъ особенную стихію, противорѣчащую содержанію и цѣли Семика, въ коемъ *гаданіе* столь важный предметъ, какъ и въ Колядѣ, или Святкахъ. Ношеніе же и завиваніе березки, хороводы, Семицкія игры и призываніе вышеозначенныхъ

миѳическихъ существъ обнаруживаютъ, по замѣчанію Митрополита Філарета, рѣзкую противоположность стихій Хрістіанскаго и древнеязыческаго міровъ и ведутъ насъ къ заключенію, что первый—„человѣколюбивый обычай введенъ при распространеніи Хрістіанства въ Россіи для противодѣйствія послѣднимъ — остаткамъ идолослуженія; по сему Церковь и хотѣла противоположить языческому Семику хрістолюбивое погребаніе странныхъ, чувственному веселію мысль о смерти, набожность и благотвореніе.“ Но люди, воззываемые къ новому духовному, по привычкѣ, упадали въ старое чувственное; отъ сего въ Семицкомъ празднествѣ и произошла такая смѣсь разныхъ стихій и епохъ (7).

Торжественнымъ ношеніемъ деревъ Еллины сопровождали особенныя празднества, какъ то: бывшее въ Сициліи и другихъ городахъ Греціи *Ἀνθεσφόρια*, цвѣтоносіе, въ честь Прозерпины, *Δενδροφορία*, древоношеніе, *Εἰρεσιώνη*, ношеніе масличной вѣтви, или вѣнка изъ колосьевъ въ праздникъ Солнца и Горъ и т. п. (8). Въ Ѳеодосіевомъ уложеніи упоминаются

---

(7) Труды и Лѣтописи Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. 2.

(8) *Ph. Buttmann* Mythologus. Berl. 1828, 29. 11. — in 8. Religions de l'antiquitè par F. *Creuzer*, refondu, complètè et developpè par. I. D. *Guigniaut*. t. II. 1. p. à Paris, 1829. in 8.

δενδροφόροι, которые носили въ рукахъ древесныя вѣтви въ честь одного языческаго божества. Подобное обыкновеніе наблюдалось у Римлянъ при торжествѣ въ честь Маи, матери Меркуріевой. Ихъ Arbor Majalis, или Majus, соотвѣтствуетъ нашей Семиковой березкѣ, а Семикъ празднику Floralia: то и другое на нашемъ Сѣверѣ празднуется не въ одно время по тому, что у насъ позднѣе распускаются деревья и цвѣты — главныя принадлежности етого праздника. У сѣверныхъ народовъ на весеннемъ или лѣтнемъ праздникѣ, въ торжественномъ собраніи народа обыкновенно пѣвали пѣсни вокругъ Майскаго дерева; при чемъ веселые хороводы юношей обоего пола мимически представляли разныя сцены, кои предметомъ своимъ имѣли ладъ между людьми, или союзъ между небомъ и землею. Многоразличные остатки подобныхъ обычаевъ и забавъ еще находятся въ играхъ и шуткахъ у поселянъ не только Сѣверныхъ народовъ, но и въ Германіи и Великобританіи (9).

У Нѣмцевъ, предъ Троицынымъ днемъ отправлялся *праздникъ вѣнковъ* (Kränzefest), похожій на Семикъ; на немъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ бывалъ зеленый человѣкъ (der grüne Mann), или Царь садовъ, об-

---

(9) Edda Saemundina. t. III.

витый зелеными вѣтвями, котораго сопровождала веселая толпа народа изъ рощи въ селеніе, гдѣ сбирали съ поселянъ яицы для приготовленія кушанья. Симонъ Буссакъ, in noctib. theolog. Paris. 1698, упоминаетъ о старинномъ обычаѣ носить Майскія зеленыя вѣтви въ день Св. Апостолъ Филиппа и Іакова.

„Одинъ изъ обычаевъ Енетовъ, пришедшихъ „изъ Иллиріи — свидѣтельствуетъ Иродотъ „въ 1 кн. 191, былъ тотъ, что однажды въ „годъ сбирались въ одно мѣсто селеній дѣвицы, „достигшія лѣтъ замужства, а съ другой „стороны мущины, и одна изъ наилучшихъ „продаваема была тому, кто больше за нее „заплатитъ для вступленія въ бракъ.“ Такое сборище сходствуетъ съ вышеупомянутымъ нами *Стадомъ*, или игрою *Прососѣянія.*

Рощи или дубравы служили мѣстами таинственныхъ обрядовъ язычества у Восточныхъ народовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ; онѣ издревле замѣняли капища у Германцевъ не только во время ихъ Язычества, но и при переходѣ ихъ къ Христіанству. Подъ кровомъ дремучихъ лѣсовъ скрытно совершались завѣтные обряды. Самые Друиды отъ деревъ, или отъ дуба получили свое названіе. У Германцевъ также были священныя деревья въ дубравахъ, на поляхъ, рубежахъ и между селеніями.

Кромѣ дубовъ, не менѣе почитаема была *липа*, какъ волшебное и священное дерево, отъ коего не осмѣливались отрѣзать ни вѣтки, ни сучка. Такія деревья назывались *заповѣдными*, *завѣтными*. У древнихъ Нѣмцевъ совершались жертвоприношенія и производился судъ *подъ липами*, или *подъ липою* (under der Linde, judicium sub tilia) (10). У древнихъ Пруссовъ *подъ липою* зажигались огни на Ивановъ день въ честь *Лиго* (11), бога весны и веселья; пляски вокругъ дерева продолжались цѣлую ночь съ пѣснями, въ коихъ часто повторялось *Лиго*, какъ у Славянъ *Ладо*. У Литовцевъ липа посвящена была богинѣ Laimo, коей праздновали во время цвѣтенія липъ (12). Семицкая пѣсня: *подъ липою столъ стоитъ*, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ, вѣроятно совершавшійся въ етотъ праздникъ, въ который *липа* и *береза* составляютъ главную принадлежность и повторяются въ Семиковыхъ пѣсняхъ. Вѣнками же изъ древесныхъ вѣтвей и цвѣтовъ почти всѣ народы древняго міра увѣнчивали и жертвы и жре-

(10) Handbuch der germanischen Alterthumskunde, von Dr. G. *Klemm*. Dresd. 1836, in 8.

(11) На Литов. ligoti (льгота?) значитъ веселиться. Отъ Linde липа Linderung прохлада (подъ тѣнью липы).

(12) Prutena von L. *Rhesa*. Königsb. 1809, in 12.

цовъ, а въ празднествахъ своихъ Греки и Римляне надѣвали себѣ на головы вѣнки изъ тѣхъ деревъ, кои посвящены были чествуемымъ божествамъ. Вѣнокъ почитается залогомъ безсмертія, знаменіемъ перехожденія душй и союза мертвыхъ съ живыми; самые свойственники Сонъ и Смерть у Еллиновъ изображались въ вѣнкахъ. Семицкій вѣнокъ служитъ къ загадыванію о будущей судьбѣ: о брачномъ союзѣ, о жизни и смерти, о счастьѣ и несчастьѣ. Безъ сомнѣнія, гаданіе на водѣ есть остатокъ отъ древняго языческаго обряда Славяноруссовъ, которые, по свидѣтельству нашихъ лѣтописцевъ, обожали рѣки и озера, чтили деревья и дуплины, приносили имъ жертвы (*требы кладуще*) и дѣлали гаданія (13). см. вып. I, стр. 23.

„Празднованіе Семика — замѣчаетъ Карамзинъ — и народный обычай завивать въ „сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатокъ древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Христіанства, такъ что Герцогъ Брячиславъ въ „1093 году рѣшился предать огню всѣ мнимосвятыя дубравы своего народа.“ Еще Карлъ Великій, въ Капитул. ч. 20, строго запретилъ служеніе деревьямъ, а Франкфуртскій Соборъ

(13) *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 214.

793 г. предписалъ истреблять языческія рощи и деревья, посвященныя демонамъ (14).

Какъ въ Семикѣ соединяются стихіи и символы древне-языческаго богослуженія Славяно-Руссовъ: ношеніе древесныхъ вѣтвей, завиваніе и развиваніе вѣнковъ, гаданіе въ рощахъ и на водахъ; то съ достовѣрностію заключить можно о языческомъ происхожденіи етого празднества, противоположнаго благочестивому обряду погребенія и поминовенія убогихъ на Божедомкахъ, о коихъ мы будемъ говорить въ особой статьѣ.

По видимому, какъ выше замѣчено, Семикъ составлялъ одно съ древнимъ Славянскимъ *Стадомъ*, *Сеймикомъ* и, по самому прозванію народному, *Тюлпою*, или *толпою* и Нѣмецкимъ Pfingstritt, Троицкою процессіею, о коей мы выше упомянули. см. стр. 110. Нѣкоторыя урочища, въ Россіи, по видимому, заимствовали свое наименованіе отъ Семика, какъ-то: *Семиково* въ Мосальскомъ уѣздѣ, *Семики* пустошь въ Устюжскомъ уѣздѣ, *Семикъ* слобода подъ Ярославлемъ, *Семицы* въ Боровицкомъ уѣздѣ, подъ устьемъ, въ Островскомъ уѣздѣ, подъ Говѣдовомъ и подъ Хелмомъ, упоминаемая въ 1563 г. и т. д. Но слово Се-

(14) C. H. *Grupen* origines Germaniae. Lemgo. 1764—68! s. Is. in 4.

микъ въ значеніи праздника извѣстно не ранѣе XVIII вѣка въ писменныхъ памятникахъ. Самый день начала празднованія Семика *четвергъ* въ старинномъ Нѣмецкомъ языкѣ именуется Thorstag и Thurstag, Туровъ день, въ Шведскомъ Helig Thorsdag, въ Англійскомъ holy Thursday, у Люненбургскихъ Вендовъ Perendan, т. е. *Перун и данъ*, Перуновъ день. У простолюдиновъ Нѣмецкихъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ der grüne, der hohe Donnerstag, зеленый, высокій громовъ день (15). Седмеричное число въ отношеніи къ четвергу могло имѣть таинственный смыслъ; по свойству священнаго языка, оно употребляется въ неопредѣленномъ знаменованіи для возвышенія понятія (16). Не поэтому ли и *седьмому четвергу* по Пасхѣ придано значеніе высокаго, великаго! Чтожъ касается до названія его Торовымъ, то очевидно, что онъ посвященъ былъ Тору. Въ Игоревой пѣсни *Туръ* сопровождается епитетами *Ярый* и *Буй*, и Гомеръ величаетъ Ареса *Θοῦρος*, ярый. *Туръ* въ природѣ звѣрь, а въ баснословіи

---

(15) По мнѣнію Г. Сенковскаго, ето названіе имѣетъ астрологическое значеніе и переведено съ Лат. dies Iovis. — *Библ. для чтенія*; 1837 Октябрь.

(16) *Преосвящ. М. Філарета* Записки на книгу Бытія. Ст. 2 ч. 1815, въ 8.

Славяно-Скандинавскомъ божество силы и грозы, которому разныя племена давали разное значеніе по своей мѣстности и нравамъ. Въ Номоканонѣ Львовскомъ XVII вѣка упоминаются между языческими игрищами *Туры*. Вѣроятно, что *Туръ*, давшій названіе горамъ, рѣкамъ, селеніямъ и городамъ, составляетъ одно съ *Яромъ* и *Ярилою* (17), или *Перуномъ*, а Ладо, одно съ Чудскою, или Мерянскою Костромою. Липа и береза не были ли посвящены у насъ на Сѣверѣ Туру и Ладѣ, которые составляютъ дуализмъ природы, проявляемый въ кумовствѣ Семицкомъ?

Такимъ образомъ Туръ и Ладо, представители сочетанія между обоими полами и оплодотворенія обновляющейся съ весною природы, могли дать поводъ къ празднеству Семика въ рощахъ и на берегахъ рѣкъ и озеръ. Время превратило завѣтные обряды древности въ веселое гулянье городскихъ жителей, оставивъ остатки первыхъ въ удѣлъ сельскихъ жителей и мастеровыхъ.

---

(17) Въ нумизм. кабинетѣ З. П. Зосимы я видѣлъ серебряную медаль Греческаго города въ *Луканіи* *Θουριων*, съ изображеніемъ разъяреннаго вола. Въ Кіевѣ была въ древности *Турова божница*, въ Москвѣ урочище *Турыгино*, напоминающее *Турью ногу* въ присказкѣ.

СЕМИЦКІЯ ПѢСНИ.

1.

Благослови, Троица!
  Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
  Ай Дидо! ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать;
  Ай Дидо! ой Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ
И цвѣтовъ нарвемъ,
Мы цвѣтовъ нарвемъ
И вѣнокъ совьемъ,
  Ай Дидо! ой Ладо!
Свекру батюшкѣ,
Свекрови матушкѣ;
Свекру батюшкѣ малиновой,
Свекрови матушкѣ калиновой.
  Ай Дидо! ой Ладо!
Пойду-ль я тишкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломлю-ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣчиньку,
  Ай Дидо! ой Ладо!
Не тонетъ, не плыветъ

Съ сыра дуба вѣточка,
Не тужитъ по мнѣ
Свекоръ батюшка, свекровь матушка.
Ай Дидо! ой Ладо!

2.

Ой Дидо! ой Ладо! на курганѣ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ;
Хоть ты вей, не вей соловей
Не бывать твоему гнѣзду свитому,
Не бывать твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,
Не летать имъ по дубровѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы.
Ой Ладо! ой Ладо! ой Дидо! (1)

3.

Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиною,
Ты радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвки идутъ,
Къ тебѣ красныя идутъ,
Съ пирогами, со яишницей,
Со драчонами.

---

(1) Въ Тульской Губерніи.

4.

Ходитъ колосъ по яри,
Что по бѣлой по пшеницѣ,
Изъ зерна-то коврига;
Изъ полузерна пирогъ.
Гдѣ дѣвушки шли,
Тутъ рожь густа;
Гдѣ бабы шли,
Тамъ вымокла;
Гдѣ мущины шли,
Тамъ повыросла;
Гдѣ ребята шли,
Тамъ повылегло. (2)

5.

У Волжскихъ жителей Семикъ открывается хороводною пѣснею, которую поютъ, ходя около березы, изъ вѣтвей которой дѣлаютъ вѣнки, украшая оныя лентами.

Не дожжикъ берёзу обмываетъ,
Здѣсь въ рощѣ дѣвокъ прибываетъ; —
Скачите, пляшите, красны дѣвки!
А вы, холостые, поглядите!
Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взяти!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли,
По батюшкину повелѣнью,

(2) Въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

По матушкину благословленью,
По невѣстину рукодѣлью, и проч.

По окончаніи сей пѣсни, дѣлаютъ собою другой кругъ, въ рединѣ котораго мущина и женщина ходятъ и поютъ съ прочими:

1.

Ахъ! во полѣ липинка стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Подъ липою былъ шатеръ,
Во томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ,
Нижетъ узду жемчугомъ.
Ѣхалъ мимо молодецъ.
Богъ на помощь дѣвица!
Богъ на помощь красная!
Ширинку шить золотымъ,
Низать узду жемчугомъ.

—

Мущины поютъ:

Не мнѣ ли ширинка?
Не моему ли коню уздичка?

—

Женщины отвѣтствуютъ.

Не по молодцѣ ширинка,
Не по твоемъ конѣ уѣздичка.

—

Третью и послѣдующую пѣсню поютъ подобно предъидущей, только съ тою разницею, что въ сей ходитъ въ срединѣ круга одинъ мущина, а потомъ женщина, и по нѣкоторымъ словамъ пляшутъ:

2.

Царь по городу гуляетъ,
Царь Царевны своей ищетъ.

Пляшутъ:

Ужъ! какъ гдѣ моя Царевна?
Гдѣ Княгиня молодая?
Ужъ и вотъ твоя Царевна,
Вотъ Княгиня молодая!
По загороду гуляешъ,
Шелковымъ платкомъ махаешъ,
Златымъ перстнемъ освѣщаешъ.
Растворяйтесь, ворота,
Растворяйтеся, широки,
Вы еще того пошире.

При сихъ словахъ одна сторона круга раздвигается, и двое, поднявъ вверхъ ру-

ки, держатъ платокъ за оба конца, чтобы дать пройти сквозь сдѣланныя такимъ образомъ ворота Царевнѣ, которая въ то время была внѣ круга. Когда же пройдетъ Царевна, продолжаютъ пѣть:

Вы сойдитеся поближе!
Вы еще тово поближе!
Поцѣлуйтесь помилѣе,
Вы еще тово милѣе!

Въ каждое междудѣйствіе, какъ кончатъ кругъ, садятся за столы, накрытые скатертьми, и продолжаютъ за оными угощать другъ друга лакомствами, пивомъ и виномъ. Потомъ, вставъ, поютъ:

3.

Пошелъ молодецъ на гулянье,
На веселое, на веселье.
На немъ синь кафтанъ на распашку,
Шелковой кушакъ на рубашкѣ,
Трость камышева съ алой лентой
Перчаточки въ правой ручкѣ.
Подошедъ къ дѣвушкамъ, поклонился:
Ужъ! вы здравствуйте на гуляньѣ,
На веселомъ на весельѣ.
Тутъ дѣвушки приуныли,
Тутъ всѣ красныя приумолкли,

Одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣе,
На рѣчахъ она всѣхъ смѣлѣе, и проч.

Потомъ срѣзываютъ нѣсколько березокъ съ весельемъ и пѣснями, вѣнки, на оныхъ сдѣланные, украшаютъ лентами и идутъ въ село. Пришедши, врываютъ березки въ землю и продолжаютъ пѣть:

4.

Какъ за нашимъ за дворомъ, 2.
Растетъ трава шелковая; 2.
По той травкѣ Панья шла, 2.
А за Паньей Панъ летѣлъ, 2.
Крича: Панья, ты моя! 2.
А я, сударь, не твоя! 2.
Родимова батюшки, 2.
Сударыни матушки, 2.

Сію пѣсню поютъ три раза.

Послѣ сего, сдѣлавъ изъ себя кругъ, перевиваются, приходя всѣ поочереди подъ поднятыя двумя дѣвицами руки вверхъ, и поютъ:

5.

Какъ за Волгой яръ хмѣль,
Подъ кусточкомъ вьётся;
Перевился яръ хмѣль
На нашу сторонку.

Какъ ли на нашей сторонкѣ
Житье пребогато 2.
Серебряны листья, вѣнки золотые.
Нащиплю я хмѣлю, хмѣлю яровова,
Наварю я пива, пива молодова.
Позову я гостя, гостя дорогова,
Айли гостя дорогова, батюшку роднова:
Мое тъ батюшка вить пьетъ, пьетъ,
Пьянъ не напьется, домой соберется.

Сію пѣсню поютъ два раза съ тою перемѣною, что слова къ отцу перемѣняютъ на слова къ матери. Кончивъ оную, начинаютъ другой кругъ и поютъ:

Ахъ! по травкѣ, по муравкѣ,
Вокругъ города большова
Гулялъ молодецъ удалой.

Мущина, а чаще (женщина) дѣвушка въ мужской шляпѣ расхаживаетъ гордо вокругъ хоровода при пѣсни:

Ой Туръ, молодецъ, удалой,
Онъ изъ города большаго,
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ побороться.

Въ то же время другая съ платкомъ въ рукѣ посреди хоровода.

Ой, Дидъ, Ладо! побороться
Вышла красна дѣвица

И молодца поборола,
На муравку уронила,
Ой, Дидъ, Ладо! уронила.

Дѣвушка побораетъ мущину, срываетъ съ него шапку, треплетъ волоса.

Доброй молодецъ вставая,
Закрывалъ лице руками,
Утиралъ горючи слезы.
Онъ не смѣлъ своей кручины,
Добрымъ объявить.
Ой, Туръ! Дидъ! Ладо! объявить.

6.

Въ Нерехотской округѣ въ Семикъ поютъ слѣд. пѣсню послѣ пиршества:

Караводъ красныхъ дѣвушекъ!
Какъ у насъ въ году три праздника,
Первой праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.
Какъ у насъ зелена трава,
Какъ милой мой другъ
Въ кабакѣ напивается,
Какъ милой мой другъ
По зеленой травѣ валяется.
А Орина подходила,
Никиту своего будила,

Встань, убудися, Никита,
Встань, убудися, волокита!
Сосѣди смѣются,
Въ безчестье то ставятъ.
Всталъ Никита, пробудился,
За руку съ Ориной ухватился,
Домой Никита потащился.

Во время пѣнія, среди круга, одна дѣвка, упавъ на землю, представляетъ лице пьянаго мужа, а другая, въ лицѣ жены, около его ходитъ и дѣйствуетъ, принаровляясь къ содержанію пѣсни. Пропѣвъ пѣсню, жена подымаетъ мужа и цѣлуетъ его; тогда же хороводъ съ мѣста идетъ въ селеніе, при пѣніи обыкновенныхъ пѣсней. Симъ кончится Семикъ въ Нерехотской округѣ.

X.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

По окончаніи сорочинъ отъ Радоницы до Троицкой субботы, коей обряды извѣстны были въ XVI вѣкѣ, въ Троицынъ и Духовъ дни отправляется между простымъ народомъ отдѣльно отъ церковнаго торжество, которое имѣетъ связь съ Семикомъ; ибо гаданіе, начатое въ послѣдній, оканчивается въ первые. Такъ бываетъ въ Великой и отчасти въ Малой Россіи, гдѣ Троицынъ день называется Духовымъ, а Духовъ — Троицынымъ (1); тамъ три дня Св. Троицы слывутъ *Зелеными Святками*, въ Литвѣ и Польшѣ zielone świątki, и *зеленою недѣлею*, у Чеховъ и Словаковъ — Rusálda, а у Карпо-Россовъ *Русалье:* изъ чего можно съ вѣроятностію заключать, что упоминаемыя у Валсамона въ толкованіи Кормчей, Номоканонахъ,

(1) Исторія Малороссіи *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*, 2 ч. Москва 1830, въ 8.

Требникахъ и лѣтописяхъ *Русальи* должны быть Троицкія игрища. Въ Южной и даже Сѣверо-Восточной Россіи, какъ видно изъ отечественныхъ лѣтописей, недѣля сія именовалась *Русальною*, или *Русальскою*, о коей мы скажемъ особенно въ статьѣ о *Русалкахъ*. Самое гулянье въ Москвѣ о Троицынѣ днѣ бываетъ близъ Каланчевскаго поля, на Красномъ прудѣ, который, по преданію, въ старину извѣстенъ былъ подъ именемъ *Русальскаго*; также сбирается народъ въ это время на веселье за Дорогомиловскимъ мостомъ.

Какъ начало большей части повѣрій и обрядовъ народа теряется во мракѣ его древности и кругъ его сказаній не вмѣщается въ тѣсныхъ предѣлахъ лѣтосчисленія (2): то исторически нельзя опредѣлить происхожденія Семика и Троицкихъ игръ, кои обобщились и ународнились на Руси, какъ наслѣдіе праотцевъ, носящее на себѣ отпечатокъ Язычества.

Въ Троицынъ день *суевѣрный* языческій обрядъ народа встрѣчается съ благоговѣйнымъ и священнымъ празднествомъ Церкви; опять та же рѣзкая противоположность, какъ и въ Семикѣ, и опять то же случайное

(2 Славянскія Древности П. I. *Шаффарика*, перев. I. *Бодянскаго*. т. I, кн. 2. Москва. 1837, въ 8.

и внѣшнее сходство въ символахъ, взятыхъ изъ общаго ихъ источника — природы. Какъ понятія древняго вѣрованія изгладились въ народѣ, остались однѣ только формы и символы, удерживаемые имъ по привычкѣ и обычаю, безъ сознанія: то развиваніе и пусканіе на воду вѣнковъ въ Троицынъ день служатъ только предметами обычной забавы и веселья, какими Рускіе поселяне и даже жители предмѣстій городовъ сопровождаютъ дни покоя и свободы.

Прежде нежели скажемъ, гдѣ, какимъ образомъ и когда въ Россіи отправляется народный праздникъ, коснемся самыхъ принадлежностей онаго — древесныхъ вѣтвей и цвѣтовъ, какими украшаются въ Троицынъ день св. храмы и жилища.

Почти у всѣхъ народовъ Древности древесныя вѣтви и цвѣты служили украшеніемъ храмовъ въ дни празднества и жертвоприношеній. Торжественныя шествія сопровождались ношеніемъ зеленыхъ вѣтвей древесныхъ. Въ глубочайшей древности были общепонятными символами масличная вѣтвь — мира, лавровая — побѣды и славы, дубовая — мужества и т. д. У Іудеевъ основаніе обычая украшать вѣтвями древесными и цвѣтами храмы и домы было историческое; они сообщивъ симъ естественнымъ символамъ

высшее, священное употребленіе, украшали ими домы, стогны града и синагоги, въ память Синайскаго Законоположенія; потому что въ то самое время все зеленѣло и цвѣло, когда даны были Богомъ заповѣди на Синаѣ (3). Въ праздникъ жатвы, которая оканчивалась въ Палестинѣ къ половинѣ Сивана, Іудеи приносили благодареніе Богу за новые плоды земные, а праздникъ кущей совершался подъ сѣнью древесною (4). Вѣроятно, замѣчаетъ Бухсторфъ, обычай убирать св. храмы зеленью и цвѣтами перешелъ отъ Іудеевъ въ Новозавѣтную Церковь, въ коей различные цвѣты могли означать радость о сошествіи Духа Утѣшителя, явившагося въ огненныхъ языцѣхъ, такъ равно самое различіе языковъ и дарованій. По замѣчанію Профессора П. М. Терновскаго, въ цвѣтахъ открываются: двѣ идеи историческая и религіозно-психологическая: знаменіе цвѣта юной церкви, оживотворяемый сошествіемъ Св. Духа на Апостоловъ и выраженіе вѣры въ воскресеніе мертвыхъ, вспоминаемыхъ въ Троицынъ день.

---

(3) Исхода XXXIII, 3. см. *Buxtorf* Synag. Iud. c. XX. p. 443.

(4) *М. Філарета* Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи, изд. 4. Спб. 1827, in 8. — *Iani* Archaeologia biblica. Viennae. 1814, in 8.

Травы и цвѣты троичные изъ церкви берутся нѣкоторыми въ домы и употребляются какъ средство отъ недуговъ (5). Чтожъ касается до употребленія цвѣтовъ и вѣтвей зеленыхъ у Язычниковъ при идолослужебныхъ обрядахъ: то они были у нихъ болѣе символами естественныхъ чувствованій.

Между языческими обрядами древней Греціи въ праздникъ Адониса, извѣстнаго Іудеямъ и Финикіанамъ (᾽Αδωνία), Еллины бросали въ море, рѣки и ручьи вѣнки, цвѣты и древесныя вѣтви, кои служили у Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ предметами волхвованій, сдѣлавшихся достояніемъ и Финнскихъ племенъ, сожителей Славяно-Руссовъ.

О хороводахъ прежде еще мы замѣтили, что они получили свое начало въ глубокой древности. Въ Вааловомъ идолослуженіи, какъ видно изъ С. Писанія, употреблялись хороводныя пляски (ристанія) вокругъ алтаря (6). Онѣ сопровождали богослужебные обряды у Еллиновъ и другихъ народовъ Древности, и что вмѣстѣ съ обрядовыми пѣснями обыкновенно ими начинаются и сопровождаются Рускія весеннія игры отъ Красной горки до Петрова дня, а въ иныхъ мѣстахъ Россіи, смот-

(5) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

(6) III Царствъ, XVIII, 27. XIX, 18.

ра по климату и погодѣ, и до глубокой осени. Между народными миѳами, въ Тульской Губерніи, на берегу красивой Мечи, въ селѣ Козьемъ, группу камней почитаютъ туземцы за цѣлый хороводъ, во время самой пляски, на Троицынъ день, превращенный ударомъ грома въ камни, подобно Ніобѣ съ дѣтьми. Не смотря на это, Троицкіе хороводы тамъ продолжаются, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи; безъ нихъ праздникъ не въ праздникъ. На пути въ рощу для развиванія березокъ, поселянки поютъ пѣсню. см. стр. 117.

Предъ захожденіемъ солнца, когда отводятъ хороводы и умолкаютъ пѣсни, поселянки и даже горожанки пускаютъ вѣнки на воду рѣки или ручья, замѣчая, чей поплыветъ, завертится на одномъ мѣстѣ, или потонетъ вѣнокъ: изъ перваго выводятъ счастливое, изъ другихъ несчастное себѣ предвѣстіе — дѣвицы къ свадьбѣ, къ неудачѣ, или смерти и т. п. При этомъ еще наблюдаютъ, въ какую сторону струя понесетъ вѣнокъ, въ той быть дѣвицѣ за мужемъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московской Губерн. послѣ Троицкой вечерни, для загадыванія пускаютъ на воду пучки тѣхъ цвѣтовъ, съ коими стояли въ церкви. Какъ въ Рожественскихъ Святкахъ, такъ и въ Троицынъ день гаданія обыкно-

венно простираются на одинъ годъ. Индѣ вѣнки развиваютъ въ Всесвятское заговѣнье.

Мѣстность, климатъ и нравы жителей Великой Россіи придали нѣкоторыя особенности Троицкимъ миѳамъ и играмъ, хотя онѣ, по сущности своей, почти вездѣ остались одинаковыми. Объяснимъ нѣсколькими примѣрами, какіе намъ представились.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ, въ Троицынъ день, дѣвицы и молодки сбираются въ загородную рощу завивать вѣнки, садятся тамъ въ разныхъ мѣстахъ хороводными кружками, поютъ пѣсни съ припѣвомъ *Лельё*, потомъ начинаютъ полдневать, т. е. ѣсть принесенное изъ дому кушанье, наконецъ, надѣвъ на голову вѣнки изъ древесныхъ листьевъ, водятъ по рощѣ круги, напослѣдокъ идутъ въ городъ на гору, гдѣ снявъ съ себя вѣнки, кидаютъ въ Оку для узнанія своей участи (7).

Въ Шенкурскѣ, по Вагѣ, до 1780 года, въ первые три дни Пятидесятницы, городскіе и сельскіе жители сбирались за городъ на лугъ: тамъ дѣвицы, держась за платки въ рукахъ, образовали кругъ и тихо двигались на одномъ мѣстѣ съ пѣснями. Вокругъ сего движущагося хора стояли женихи и высматривали себѣ невѣстъ. Послѣ тридневна-

(7) Изъ записки Спаскаго жителя Д. П. Тихомирова.

го сборища, въ остальные дни Русальной недѣли дѣвицы у домовъ составляли малые круги и пѣли пѣсни. Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской Губерн. въ Семикъ поселянки, одѣвъ въ лучшее платье березку, называемую у нихъ *гостейкою*, ставятъ ее въ клеть до Троицына дня, въ который послѣ обѣдни сбираются дѣвки съ парнями выносить гостейку за селеніе къ рѣкѣ и тамъ пляшутъ, завиваютъ и пускаютъ вѣнки для загадыванія на воду (8).

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ Савинѣ городкѣ, наканунѣ Троицына дни, носятъ св. образа для молебна на ржаномъ и яровомъ поляхъ и кропятъ св. водою скотину, выгнанную изъ хлѣвовъ; по окончаніи молебствія, крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ платьяхъ поютъ и пляшутъ вплоть до ночи въ честь Ярилы.

Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ Троицынъ или Духовъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя буднишныя платья, сходятся въ одно мѣсто, и, выбравъ изъ среды своей одну дѣвку, называемую *Костромою*, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать. Выкупавшись,

(8) Изъ записки Сибирскаго жителя Н. С. Самойлова.

дѣлаютъ изъ лубка барабанъ, стучатъ въ него и сопровождая стукъ его пѣснями, возвращаются домой. Послѣ етого, нарядясь въ праздничныя платья, выходятъ на улицу поиграть въ хороводы вплоть до вечера. *Погребеніе* етой миѳической *Костромы* совершается простолюдинами въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня, тогда какъ во Владимірѣ на Клязьмѣ бываетъ *погребеніе Лады.*

Въ Орловской Губерніи издавна велось обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, въ который готовятся два общіе каравая, одинъ для стола, а другой для рощи, куда съ нимъ отправляются дѣвки завивать вѣнки и гулять. Въ Псковской Губерніи обметаютъ пучками Троицкихъ цвѣтовъ родительскія могилки, что тамъ называется: *глаза у родителей прочищать.*

Волжскіе жители въ Троицынъ день, собравшись къ завитымъ березкамъ, идутъ съ вѣнками на Волгу и поютъ:

Глубока рѣка берега рвала,
Охъ! люли, берега рвала.
Уже я млада по бережку шла,
Охъ! люли, по бережку шла,
По бережку шла и цвѣты рвала.

Меня младу туда сорвало;
На низъ понесло, къ Донскимъ козакамъ;
Охъ! люли, къ Донскимъ козакамъ.

Развивъ вѣнки, дѣвушки и молодыя вдовы бросаютъ ихъ въ воду, загадывая о суженыхъ: чей вѣнокъ поплыветъ, та надѣется въ тотъ годъ выйти за мужъ; чей потонетъ, той сидѣть въ дѣвкахъ или во вдовствѣ. Ето игрище оканчивается пѣснею, которую онѣ поютъ, возвращаясь домой:

Грушица, грушица! зеленой виноградъ!
Подъ грушицей свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
Забавныя рѣчи говоритъ:
Ахъ! нонече какія времена!
Сушатъ женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ дальніе друзья;
Всяка дѣвка себѣ дружка зажила.
Дальній другъ — большая сухота,
Ближній другъ — веселье завсегда.
Призвала дружка на часокъ побывать,
Уняла его и ночку ночевать,
Упросила недѣлюшку пожить,
Принуждаетъ его силою любить.
Уже силою не буду я любить,
По неволѣ я не буду цѣловать.

Въ Нерехотскомъ округѣ, и въ Троицынъ день кумушки цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ.

Въ Бѣлоруссіи, на другой день праздника Сошествія Св. Духа завиваютъ въ рощахъ березки, и приготовляютъ столько вѣнковъ, сколько имѣютъ милыхъ сердцу, какъ-то: для отца, для матери, для братьевъ и сестръ, наконецъ для любезныхъ своихъ, и при завиваніи поютъ слѣд. пѣсню:

Русалочки, земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забилися.
Троица.

При етомъ завѣтномъ обрядѣ дѣвушки мѣняются кольцами въ знакъ дружбы; а развивая вѣнки въ слѣдующее Воскресенье, поютъ:

На Тройцу мы вѣнки завили,
На Разгары развили,
Горѣлочку попили,
И яичну поѣли (9).

Въ Бѣлоруссіи Троицынъ день почитается послѣднимъ весеннимъ праздникомъ, съ которымъ оканчивается катанье красными яицами.

По древнему и повсемѣстному обычаю, въ Литвѣ и Польшѣ храмы Господни и чер-

---

(9) Сѣверный Архивъ, 1822 г. No 24.

тоги вельможъ и убогія хижины въ Троицынъ день украшались зелеными деревцами, поставленными у дверей, у оконъ по угламъ, внутри церквей: алтари, лавки, а въ домахъ углы комнатъ были равнымъ образомъ обставлены молодыми деревьями, наканунѣ Зеленыхъ Святокъ, до самаго окончанія праздника. Отъ того, какъ можно догадываться, праздничные дни Сошествія Духа Св. и получили свое названіе въ Польшѣ. Трудно сказать съ достовѣрностію, въ Язычествѣ ли, около сего времени, существовалъ тамъ такой обрядъ и потомъ перешелъ въ Христіанскій міръ, или гораздо позже вошелъ етотъ обычай. И Жиды въ Зеленыя Святки, которыя приходятся у нихъ въ Маѣ, украшаютъ свои подсвѣшники, потолки и окна зелеными вѣтками и гирляндами изъ листьевъ, нанизанныхъ на нити. У Католиковъ, равно какъ и Евреевъ, употребляютъ на ето деревья многолиственныя, но никогда печальныя, мрачныя, каковы иглистыя (10). Въ Литвѣ и Польшѣ етотъ древній обычай теперь прекращается изъ опасенія ущерба лѣсовъ; простолюдинамъ воспрещаютъ рубить деревцы на Зеленыя Святки для украшенія мазанокъ своихъ.

---

(10) Domy i dwory etc. pr. *L. Gołębiowskiego.* w Warschawe. 1830, in 8.

На Жмуди, въ Россіанахъ, Духовъ день называется Siekmines; тогда пастухи забавляются ристаніемъ на лошадяхъ съ пѣснями, что отчасти сходствуетъ съ конною процессіей (Pfingsttritt) у Нѣмцевъ для отвращенія ненастья (11). Около етого времени (25 Мая) у Славянъ и Чеховъ начинались языческія празднества возліяніями источникамъ и закланіемъ жертвъ. Въ Турингіи вымышленный царь садовъ, или зеленый человѣкъ, der Lattisch-König, обвитый зелеными вѣтвями и цвѣтами, сидя на конѣ, сопровождаемъ былъ изъ лѣсу въ село веселою толпой народа, которая давала извѣстное количество яицъ для приготовленія кушанья. Въ Германіи Троицкія деревья (Pfingst-Maien) и Троицкія или Майскія пляски (Pfingst, или Frohn и Maien-Tänze) доселѣ употребительны во многихъ провинціяхъ. Тамъ обыкновенно украшаются березками и вѣтвями церкви и колокольни. Въ Англіи, особливо въ Гринвичскомъ паркѣ, бывали Троицкія игры (Whitsunday and holy day's stories) (12) Въ Венеціи ежегодно въ Троицынъ день совершалось до 1798 года торжественное обрученіе Дожа съ Адріатическимъ моремъ. Троицынъ день былъ однимъ изъ сроковъ на

(11) Edda Saemundina. t. III.

(12) Denkwürdigkeiten aus der christl. Archäologie, von Dr. I. C. Augusti. 2 B. Leipz. 1818, in 8.

Руси, когда ставились въ Москвѣ на судъ и взносили подати, даже въ XVII вѣкѣ, какъ видно изъ судебныхъ грамотъ.

Въ продолженіе Семицкаго тридневнаго праздника, оканчивающагося Троицынымъ, иногда и Духовымъ днемъ, пѣсни народныя повторяютъ имена *Тура*, и *Костромы* а болѣе *Ладо*, какъ выше замѣчено; имя перваго встрѣчается въ тѣхъ особенно мѣстахъ, гдѣ, начиная отъ Ростова и Переславля-Залѣскаго до Нижняго Новгорода, жилъ народъ Меря, бывшій въ тѣсныхъ связяхъ съ Славянами. Около Стародуба пѣсни въ Зеленую недѣлю называются *Гренухами* и *Гренушками* отъ *Греной недѣли*, какою тамъ именуется Троицкая. Игры же самыя, какъ выше упомянуто нами, относятся къ Русаліямъ, коимъ давали особенное знаменованіе разныя племена южной и сѣверо-восточной Россіи; по вѣрованію же народному, Русалки, живущія на руслѣ рѣкъ, выходятъ изъ воды на землю около Троицына дня и остаются на землѣ до Петрова дня.

ТРОИЦКІЯ ПѢСНИ.

Въ городѣ Чухломѣ существуетъ старинное обыкновеніе между дѣвицами обывателей праздновать весною *Троицынъ день*, *Духовъ день* и слѣдующее за тѣмъ *Всесвятское заговѣнье*, а зимою *Святки*.

Старшая изъ дѣвушекъ, которая называется *Большухою*, въ Троицынъ день проситъ *на игрище* подругъ, которыя, въ сопровожденіи матерей или родственницъ, приходятъ въ избранное мѣсто, или среди города на площадь, или въ поле близь самаго города, всего же чаще противъ дому той дѣвицы, которая ихъ просила. Всѣ становятся въ кружокъ и поютъ пѣсни, особенно на сей предметъ назначенныя. Двѣ изъ старшихъ дѣвушекъ, коихъ отцы бывали головами, или другими членами общества, въ продолженіе первой пѣсни ходятъ посреди хоровода, по окончаніи, раскланиваются и становятся въ кружокъ съ прочими; мѣсто ихъ заступаетъ другая пара и такъ далѣе. Самолюбіе и здѣсь не исключительно. Та пара обижается, для коей поется пѣсня, по ихъ мнѣнію, худая; притомъ младшей пары никогда не допустятъ

ходить посреди кружка прежде старшей; за что может произойти неудовольствіе и даже ссора между матерями дѣвушекъ и самими дѣвушками. Вотъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя поются при семъ случаѣ.

1.

Пошла дѣвчина на Днѣпръ по воду,
Заглядѣлася въ быструю рѣчку;
На встрѣчу ей плыветъ козачикъ.
Начала дѣвчина съ казакомъ правдаться:
Отпусти меня, козачинька, до дому,
Принесу тебѣ великую казну!
Мнѣ не надобно великой казны,
Обвѣнчаемся, мой соколъ, со мной,
Промѣняемся золотыми перстнями!

2.

По лугу, по лугу, лелю, лелю, по лугу,
Колясочка ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Въ колясочкѣ дѣвица, лелю, лелю, дѣвица;
Въ коляскѣ та красная, лелю, лелю, красная.
Сколько она ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Вдвое, втрое плакала, лелю, лелю, плакала;
На свой перстень смотрючи, лелю, лелю, смотрючи;
За чѣмъ перстень тускнуть сталъ, лелю, лелю, тускнуть сталъ?

3.

Что со горъ снѣга сокаталися, ой лелю, лелю, со-
каталися,
Въ берегахъ рѣка возмутилася, ой лелю, лелю, воз-
мутилася,
Что по той рѣкѣ селезень плыветъ, ой лелю, лелю,
селезень плыветъ,
Дѣвушкѣ вѣсть несетъ, ой лелю, лелю, вѣсть несетъ:
Вѣсть не радошна, ой лелю, лелю, вѣсть не радошна,
Ужъ какъ быть дѣвкѣ за старымъ мужемъ, ой ле-
лю, лелю, за старымъ мужемъ;
У стара мужа собачья душа, ой лелю, лелю, соба-
чья душа;
Кошечьи глаза, совины брови, ой лелю, лелю,
совины брови.

Сія пѣсня поется дважды; начало тоже, а конецъ перемѣняютъ, начиная съ 5го стиха, такимъ образомъ:

Вѣстку радошну, ой лелю, лелю, вѣстку радошну:
Ужъ какъ быть дѣвкѣ за младымъ мужемъ, ой лелю,
лелю, за младымъ мужемъ,
У млада мужа, сахарна душа, ой лелю, лелю, сахарна
душа,
Медвяны глаза, сокольи брови, ой лелю, лелю, со-
кольи брови.

4.

У воротъ трава притолочена;
Притолочили Князья, Бояры,
Всё ко батюшкѣ въ гости ѣзжучи,
Всё меня младу присмотряючи,
Что первый молвитъ: за себя возму,
Что другой молвитъ: возьму за сына,
Что третій молвитъ: за племянничка.
Какъ бы знала я млада, да вѣдала,
Не ходила бы на Оку рѣку,
Не умывалась бы тремя мылами,
Тремя мылами, да тремя разными,
Не утиралась бы полотеничкомъ,
Полотеничкомъ, да тремя разными.

5.

Я вечоръ молода, во банкетѣ была,
Упилася млада зеленова вина,
Позабыла млада зеленъ садъ затворить,
Прилетѣлъ попугай винограду щипать.
Ужъ ты шишъ, попугай, не щипли виноградъ
Съ етой вѣточки! ета вѣточка дома надобна,
Свекра дарить со свекровушкою,
Деверя дарить со золовушкою.

6.

Я во садъ пошла, во зеленъ пошла,
Ужъ я луку-та полоть, зеленаго полоть,

Я полю, полю, полю, перепалываю,
Через тынъ въ огородъ перебрасываю,
Припаду къ терему, всё подслушиваю:
Еще свекоръ журитъ со свекровушкою,
Деверь бранитъ со золовушкою.

7.

Мимо моего теремочку, пробѣгалъ бѣгуночикъ,
На томъ бѣгуночкѣ сидитъ Панъ холостый,
Придается Панъ къ дѣвчинѣ, дѣвчинушка моя радость,
Поди за меня замужъ! Нейду нейду за тебя замужъ,
За здѣшняго Пана! ужъ ты въ карты Панъ играешь,
Козырей Панъ мало знаешь, меня Панью проиграешь.
Дѣвчинушка, моя радость, на тебѣ я не женюся!
Не урядлива дѣвка ходишь, головы долго не чешешь,
Либо три дни, либо четыре, русыя косы не плетешь.
Я пойду съ горя молоденька, во зеленъ садъ гуляти,
Обернуся я, повернуся бѣлой лебедою;
Ужъ я стану ли выкликати яснова соколочка,
Ты ау, ау, соколочикъ, ау миленькій дружочикъ!
Когда я къ тебѣ пристала, отца, матери отстала,
Всему роду я покорилась, Пану въ ноги поклонилась,
Ужъ какъ взялъ Панъ Панью за ручку, повелъ ее во свѣтлицу,
Ужъ какъ сталъ ее цѣловати, пошла Панья танцовати.

8.

Я пойду млада по горницѣ,
Я по свѣтлой млада свѣтлицѣ,
Я ударю млада въ чеботы,
Чеботы мои сафьянные!
Тѣлогрѣюшка моя камчатная!
Не жури меня, лютый свекоръ,
Не твое ношу приданое,
Не твое ношу нарядное;
Государя свѣта батюшки,
Государыни свѣта матушки.

Когда для каждой пары, участвующей въ хороводѣ, пропоется пѣснь; тогда четыре дѣвушки изъ старшихъ начинаютъ ходить по кругу, для коихъ поютъ особенную пѣсню, упоминая въ оной имя и отечество

9.

Передъ воротами, передъ широкими,
Стояла тутъ калина, стояла малина,
На той ли на калинѣ, на той ли на малинѣ
Что четыре было ягодки:
Первая ягодка Онисья Ивановна,
Вторая ягодка Акулина Макаровна,
Третья ягодка Авдотья Никитишна,

Четвертая ягодка Прасковья Григорьевна.
Для ради Анисьюшки, для ради Ивановны
Всѣ церкви растворялися,
Для ради Акулинушки, для ради Макарьевны
Всѣ свѣчи затеплялися,
Для ради Авдотьюшки, для ради Никитишны
Князья соѣзжалися,
Для ради Прасковьюшки, для ради Григорьевны
Сине море всколыхалося.

10.

Во полѣ рябинушка, ой Дидо, Ладо!
Во полѣ кудрявая, ой Дидо, Ладо!
На той на рябинушкѣ, ой Дидо, Ладо!
Четыре было вѣточки, ой Дидо, Ладо!
На тѣхъ ли на вѣточкахъ, ой Дидо, Ладо!
Четыре было ягодки, ой Дидо, Ладо!
Первая ягодка Аннушка, ой Дидо, Ладо!
Вторая ягодка Катинька, ой Дидо, Ладо!
Третья ягодка Машинька, ой Дидо, Ладо!
Четвертая ягодка Авдотьюшка, ой Дидо, Ладо!
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Столы становилися . . . .
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Скатерти разстилалися,
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Всѣ гости съѣзжалися,
Для ради N, для ради N, ой Дидо Ладо!
Яствы становилися.

По окончаніи сего, всѣ дѣвушки берутъ другъ друга за руки и ходятъ взадъ и впередъ, на подобіе буквы *М*: сіе дѣйствіе, по выраженію ихъ, называется: *кросны сновать.* Въ продолженіе *снованія кросенъ* поютъ слѣдующія пѣсни:

11.

Ужъ ты улица, улица,
Ужъ ты улица широкая!
Трава, мурава шелковая!
Изукрашена улица
Всё гудками, всё скрипицами,
Молодцами, да молодицами,
Душами красными дѣвицами.
Не величка птичка пташечка
Сине море перелетывала,
Садилася птичка пташечка
Середи моря на камышекъ;
Слышитъ, слышитъ птичка пташечка,
Плачетъ, плачетъ красна дѣвица,
Идучи она за стараго замужъ:
Ахъ, ты, старъ мужъ, погубитель мой!
Погубилъ мою головушку,
Всю дѣвичью красоту.

Въ отношеніи же къ молодому, конецъ сей пѣсни слѣдующій:

Слышитъ, слышитъ птичка, пташечка,
Пляшетъ, пляшетъ красна дѣвушка,
Идучи она за младаго замужъ:
Ужъ ты младъ мужъ, взвеселитель мой,
Взвеселилъ мою головушку,
Всю дѣвичью красоту!

12.

По улицѣ по широкой
Скакалъ, плясалъ воробышекъ,
Сзывалъ, скликалъ красныхъ дѣвицъ:
Подьте, дѣвушки, подьте, красныя,
На игрище, на гульбище,
Въ большой караводъ мячемъ играть!
Охъ, дѣвушкамъ своя воля;
Молодушкамъ нѣтъ волюшки!
Дитя плачетъ колыбное,
Другое плачетъ кроватное;
Колыбному горшокъ каши,
Кроватному печь пироги.

13.

Зеленися, мой зеленъ садъ,
Зеленися въ огородѣ!
Ко мнѣ завтра поутру
Дорогой гость въ гости будетъ,
Дорогой гость батюшка родной

Станетъ по саду гуляти,
Изюмъ ягоду щипати;
Пощипавши, будетъ кушать
Меня молоду хвалити,
Что горазда садъ садити,
Что горазда поливати,
Отъ морозу сберегати,
Новиною прикрывати,
Той ли новиною,
Той ли суровою, парчею золотою.

14.

Травина ли моя, травинушка,
Травина ли моя шелковая!
Еще кто же траву притопталъ?
Притоптали меня травинушку
Да всё дѣвушки, да всё красныя,
Въ зеленомъ саду гуляючи,
Золотымъ мячемъ играючи,
Все себя же утѣшаючи.

15.

Красная дѣвушка по городу гуляла;
Она яхонтные камешки сбирала,
Она камешекъ о камешекъ бросала;
Не во всякомъ самоцвѣтномъ камнѣ искра,
Не во всякомъ добромъ молодцѣ есть правда.
Добрый молодецъ по бережку гуляетъ;
Онъ волженые прутики ломаетъ:

Изхлесталъ бы, изхлесталъ бы я васъ, прутья,
О дѣвичье, о дѣвичье бѣло тѣло!
Ужъ гораздо я молоденька согрѣшила;
Ужъ я заутреню, обѣдню просыпала,
За сердита добра молодца попала;
Онъ ужъ бьетъ меня дѣвицу не за правду,
Про свое бьетъ про дурацкое бездѣлье.

Духовъ день и слѣдующее за нимъ заговѣнье, въ Чухломѣ празднуются точно такъ же, какъ и Троицынъ день; пѣсни поютъ тѣже. По словамъ старожиловъ, такія игры прежде продолжались во всю ночь; нынѣ начинаются со 2го или 3го часа и продолжаются до 5го пополудни: дѣвицы разходятся, послѣ возвращаются опять и въ ясную погоду играютъ до полуночи и далѣе.

16.

Въ Воронежской Губерніи тогда поютъ слѣд. *призывныя* на игрище пѣсни:

Луговая коростель,
Ладо, Ладо, коростель!
Не кричи рано по зарѣ!
Не буди меня рано на зарѣ!
У меня матушка — мачиха,
Она меня поздо спать кладетъ,
Она меня рано взбуживаетъ,
Къ легкому дѣлу — къ жерновамъ, и пр.

Луговая коростель, и пр.
Закричи рано по зарѣ!
Разбуди меня рано на зарѣ:
У меня матушка родная;
Она меня рано спать кладетъ;
Она меня поздо взбуживаетъ,
Къ тяжелому дѣлу — къ пялицамъ, и т. д.

17.

Конопля, конопля зеленая моя!
Что жъ ты, конопля, не весело стоишь?
Ахъ! какъ мнѣ, коноплѣ, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюютъ!
Дѣвка, ты дѣвушка красная!
Что жъ ты, дѣвушка, не весело сидишь?
Ахъ! какъ мнѣ дѣвушкѣ веселинькой быть?
Мой батюшка хочетъ за мужъ меня отдать,
А мачиха хочетъ въ черницы постричь!
Мой батюшка пошелъ бояръ (1) собирать,
А мачиха пошла за игуменьею.
Скрыпнули ворота растворчатые,
Брехнула собака борзая на цѣпи...
Мнѣ-чела (2) — батюшка съ боярами!
Ажной — моя матушка съ игуменьею!“

---

(1) Сватъ, дружко.
(2) Я думала.

Садись, мое дитятко, на золотое стульце;
Расплетай, мое милое, русую косу!
Пусти меня, матушка, на Донъ погулять,
Бѣлильцы, румянцы съ лица постирать.
Смоешь, мое дитятко, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатымъ рукавомъ! (3)

---

(3) см. Украин. Журналъ на 1824, No 11. Харьковъ, въ 12.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

I.

ВЛАСЬЕВЪ ПРАЗДНИКЪ.

При переходѣ отъ Язычества къ Христіанству, ложныя божества Рускаго народа истреблены, такъ что память только нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилась въ старинныхъ пѣсняхъ, сказаніяхъ, названіяхъ урочищъ и повѣрьяхъ. Позднѣе прочихъ сокрушенъ былъ въ Ростовѣ истуканъ *скотія бога* Волоса, или Велеса, который находился въ числѣ Кіевскихъ божествъ и встрѣчается въ „Игоревой пѣсни" съ Даждбогомъ и Стрибогомъ (1). „Великая Минея Макарьевская, въ рукописи, свидѣтельствуетъ, что „Великій Князь Владиміръ повелѣ испроверщи, избити кумиры, овы изсѣщи, а иныя ижжещи; Волоса, его же именоваху скотья бога, повелѣ въ Почайну рѣку врещи."

Коренныя народныя вѣрованія всегда почти оставляютъ слѣды свои въ жизни народной,

(1) смотри „Четью-Минею", февраль.

принимая новые обряды, или прививаясь къ другимъ понятіямъ. При водвореніи Христіанства въ Россіи, мѣста языческихъ капищь и требищь освящены св. храмами; языческимъ отечественнымъ богамъ противопоставлены Святые Православной Церкви, покровительствующіе тѣмъ же занятіямъ житейскаго быта, какими завѣдывали первые. Нельзя было первымъ проповѣдникамъ вѣры Евангельской въ етомъ обстоятельствѣ не сдѣлать нѣкотораго снисхожденія народу необразованному, грубому, который, вмѣсто Перуна, сталъ покланяться св. пророку Иліи, доселѣ черныю представляемому громоноснымъ. Такъ, вмѣсто низверженнаго Волоса, скотъ, особливо коровы, поручены покровительству св. мученика Власія, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х., — потому болѣе, что житіе его свидѣтельствуетъ о благотворительствѣ его людямъ и лѣснымъ звѣрямъ, о возвращеніи бѣдной вдовѣ веприцы, похищенной волкомъ (2), и т. п. Такое сближеніе сходныхъ обстоятельствъ и даже созвучныхъ именъ укоренило въ народѣ ето вѣрованіе, соединенное съ его бытомъ и обычаемъ.

---

(2) Верховажскія Записки М. Н. Мясникова, въ рукописи, также Нерехотскія Записки М. Я. Діева.

Существующій донынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи суевѣрный обрядъ *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*, совершаемый ночью женщинами во время скотскаго падежа, не есть ли остатокъ обрядовъ таинственнаго служенія Волосу; ибо шествіе это сопровождается св. иконою Власія. По Вагѣ есть довольно придѣловъ и часовень въ честь Св. Власія; его праздникъ тамъ чествуютъ крестьяне разными приношеніями, особливо коровьимъ (молочнымъ) масломъ. Донынѣ въ Вельской округѣ, въ Ракульскомъ приходѣ, среди лѣсовъ, стоитъ древняя церковь во имя Св. Власія, котораго икона явилась 19 го Января, какъ гласитъ мѣстное преданіе. Въ этотъ день, изо всей Вельской округи крестьяне съѣзжаются и сходятся молиться своему заступнику. Тогда приходскій священникъ совершаетъ тамъ обѣдню, потомъ служитъ общій, а наконецъ частные молебны для молельщиковъ. Туда приносятъ коровье масло, которое съ поклономъ кладутъ предъ образомъ Св. Власія. Въ праздникъ сбирается отъ 30 до 40 пудъ масла; часть онаго дается священнику съ причетомъ, а остальное въ пользу церкви. — Въ другихъ приходахъ Шенкурскаго и Вельскаго округовъ, такимъ же образомъ празднуютъ св. покровителю скотоводства, въ субботу

предъ св. Пятидесятницею. (3) Какъ въ праздникъ Св. Мученикъ Флора и Лавра приводятъ лошадей къ церкви для окропленія ихъ св. водою, такъ и къ церкви Св. Власія приводятъ коровъ, особливо во время падежа, и поютъ обѣтные молебны. Етотъ Святой на иконѣ (въ одной изъ Новгородскихъ церквей) изображенъ окруженный скотомъ. Прасолы въ Зарайскѣ, еженедѣльно, въ продолженіе цѣлаго года, служатъ молебны св. покровителю рогатаго скота.

Какъ торговля и промышленность почти всегда шли по слѣдамъ за торжествами религіозными: то съ праздниками искони соединялись торги и ярмарки. Одна изъ древнѣйшихъ ярмарокъ въ Сѣверо-Восточной Россіи, Ростовская, приходящаяся около Власьева дня, по всему вѣроятію, ведетъ свое начало отъ празднества въ честь Волоса. Въ Ростовѣ, при Св. Авраамiѣ, чтили Волоса въ видѣ камня, который наводилъ ужасъ на поклонниковъ своихъ призраками и чудными видѣніями. Ростовскій апостолъ, въ XI или въ началѣ XII вѣка, сокрушилъ етого идола шестиконечнымъ крестомъ, полученнымъ

---

(3) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

отъ Св. Іоанна Богослова, а на мѣстѣ Волосова требища соорудилъ церковь. Въ Аврамьевскомъ монастырѣ доселѣ хранится сей крестъ съ надписью: „Сей крестъ во градѣ Ростовѣ, во Авраміевѣ монастырѣ Св. Іоанномъ Богословомъ данъ П. Аврамію побѣдити ідола Велеса при Князѣ Владимірѣ". (4) Подобный Ростовскому камень (какъ видно изъ руко„писнаго житія преп. Иринарха Ростовскаго") существовалъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ при Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ. Потомки Мери, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордвою, донынѣ еще отправляютъ праздникъ *Велъ-Оксъ*, напоминающій Велеса. Такіе обоготворенные камни извѣстны были въ глубокой древности у Евреевъ, Сиріанъ, Финикіанъ и другихъ народовъ; на нихъ возливался елей въ знакъ посвященія (5). Въ Россіи, по мѣстамъ, еще и теперь есть камни, уважаемые простымъ народомъ; и, вѣроятно, камень въ Мерянскомъ краю былъ представителемъ *бога скотія*. Въ Новгородѣ находилась *Волосова* улица и донынѣ существуетъ древняя церковь св. Власія на томъ самомъ мѣстѣ, которое преданіемъ назначается истукану Волосову. Въ Южной Россіи, по свидѣтельству Протоіерея Саби-

(4) Исторія Россійской Іерархіи, ч. 3.

(5) Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи М. *Філарета*, изд. 4. Спб. 1827, въ 8.

нина, старухи *завивали бороду Волосу* предъ жанивою: собравъ горсть колосьевъ и не вырывая ихъ изъ корня, перегибали и завивали въ узелъ, въ знакъ того, чтобы до нихъ не касалась рука жницы (6). Подобное суевѣріе встрѣчается у Скандинавовъ, у которыхъ въ миѳологіи есть Val-àss или Vali-àss — волъбогъ (7). Впрочемъ производство слова „Велесъ" или „Волосъ" созвучно также съ древнимъ vellus, руно, *во́лосъ*, и средне-Латинскимъ velius „древній", *велій;* но еще ближе кажется съ отечественными словами *воловъ*, синонимъ Тура, и *волосъ*. Ежели Волосъ, какъ покровитель скотоводства, въ исторически-неопредѣленной еще древности, перенесенъ выходцами заморскими на югъ и сѣверъ Россіи: то вѣроятно водворился въ тѣхъ странахъ, гдѣ были скотоводцы и присоединенъ къ мѣстнымъ ихъ божествамъ. Руські язычники, клявшись при Олегѣ предъ Волосомъ, при заключеніи мира съ Византійцами, полагали предъ скотіимъ богомъ золото; потому-что онъ почитался источникомъ богатства, какое доставляло *ско-*

---

(6) Журналъ Министер. Народ. Просвѣщенія 1837 года, Ноябрь.

(7) Edda Saemundina. t. III. — Не имѣетъ ли отношенія къ Волосу и *Волотово поле* подъ Новгородомъ?

товодство, и по етому самому очень вѣроятно, что *скотъ* замѣнялъ деньги.

Изъ оставшихся на Руси суевѣрій видно, что сему божеству приносили въ жертву масло молочное, называемое въ Череповецкомъ и Бѣлоозерскомъ уѣздахъ Новгородской Губерніи *воложнымъ* и даже *волоснымъ*. Можетъ-статься, самая Масляница, приходящаяся около Власьева дни (11 февраля), не была ли праздникомъ Волосовымъ, а возимый тогда во многихъ мѣстахъ Россіи мужикъ на колесѣ, утвержденномъ на саняхъ, не представлялъ ли собою Волоса, похожаго на *Кродо* Нѣмецкихъ Славянъ?

Волосовскіе, или *Власьевскіе* морозы считаются послѣдними въ Сѣверо-Восточной Россіи, гдѣ у простолюдиновъ есть и поговорка: *Власій, сшиба рогъ съ зимы.* Можетъ быть, при изслѣдованіи, откроются еще слѣды етого миѳа въ повѣрьяхъ и обычаяхъ народныхъ, или въ названіяхъ урочищъ и въ старинныхъ сказаніяхъ, кои часто таятся въ мирномъ углу сельскаго быта, какъ завѣтное преданіе незапамятной старины.

II.

ВЕРБНАЯ СУББОТА.

Первое весеннее гулянье въ Москвѣ, съ давнихъ временъ, бываетъ въ Лазарево Воскресенье, предшествующее праздникамъ Входа въ Іерусалимъ Спасителя и Свѣтлаго Воскресенья. Отъ другихъ народныхъ гуляньевъ оно отличается скромною веселостью и трезвостію, обходится безъ шатровъ и балагановъ, безъ игръ и потѣхъ, обыкновенно сопровождающихъ народные праздники. Это собственно дѣтскій праздникъ, напоминающій торжество Еврейскихъ дѣтей, которыя подстилали ваи, т. е. финиковыя и пальмовыя вѣтви І. Христу во время шествія Его на осляти въ земный Іерусалимъ.

Вербное гулянье въ Москвѣ напоминаетъ намъ патріархальную простоту и благочестіе Руской старины: сами Монархи вмѣстѣ съ народомъ нѣкогда ходили *ломать вербу* на берега Неглинной, покрытой ивами и вербами, дабы мысленно подстилать Рускія ваи подъ стопы Спасителя. До самаго царствованія Петра I, въ навечеріе праздника Входа во Іерусалимъ, совершался крестный ходъ съ древесными вѣтвями, а Патріархъ, въ подражаніе І. Христу, шествовалъ во всемъ обла-

ченіи на конѣ верхомъ (наряженномъ въ видѣ осла), отъ Лобнаго мѣста до Успенскаго собора, и наоборотъ. Святителя сопровождали духовныя особы, Царь и бояре, пѣшіе, съ вербами. Заведеніе выноситъ тогда большое дерево, обвѣшенное овощами, было слѣдствіемъ ношенія простой вербы (1). Въ память этого, у Вознесенскаго монастыря и у Лобнаго мѣста въ Москвѣ продаются вербы изъ вѣтвей самаго дерева (salix), которое къ этой порѣ обыкновенно распускаетъ свои сережки, также изъ искуственныхъ цвѣтовъ и плодовъ съ листьями и херувимами; тогда Красная площадь превращается въ движущійся вертоградъ, куда нынѣ привозятъ и приводятъ дѣтей утромъ за вербою, а съ сумерекъ начинается катанье въ разныхъ экипажахъ вокругъ Кремля, среди гуляющаго народа (2).

Достопамятный обрядъ *шествія* Святителя *на осляти*, совершался не всегда одинакимъ образомъ. Онъ извѣстенъ уже въ XVI вѣкѣ, какъ видно изъ чина поставленія Митрополитовъ Всеросс. 1539 и 1564 г. (3), бывшаго не въ Вербное Воскресенье. Гарклюйтъ, Олеарій и

(1) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. *Н. Д. Иванчина-Писарева*. Москва. 1837, въ 12.

(2) Сѣверная Пчела, 1838 г. No 69.

(3) Акты Археогр. експедиціи. т. I. Спб. 1836, въ 8.

Беръ такъ описываютъ вербное шествіе: „Въ недѣлю (т. е. воскресенье) Вайй, предъ обѣднею народъ собирался въ Кремлѣ. Изъ Успенскаго собора выносили огромное дерево, обвѣшанное разными плодами и овощами, и поставивъ его на двухъ саняхъ, везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молитвенныя пѣсни. За санями шли многіе юноши съ зажженными восковыми свѣчами и огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ хоругви, шесть кадильницъ и шесть с. иконъ. За иконами слѣдовали Іереи въ великолѣпныхъ ризахъ, а за ними бояре и сановники; наконецъ самъ Государь и Митрополитъ. Послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ, покрытомъ бѣлою тканью: въ лѣвой рукѣ держалъ Евангеліе, а правою благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ; Государь придерживалъ одною рукой длинный поводъ узды, въ другой имѣлъ вербу. Путь Святителю устилали сукнами. Предъ Государемъ несли пальмы, какія приносимы были изъ Палестины странниками (4) и какія доселѣ хранятся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ подъ именемъ *Царскихъ финиковыхъ вѣтвей.* Обходивъ такимъ

(4) Которые назывались *паломниками* отъ *пальмовыхъ* вѣтвей, какія приносили съ собою, или отъ Гот. сл. palm, страннический посохъ, съ какимъ хаживали пилигримы; на Аглин. palmer. с. *Карамз.* И. Г. Р. т. IX и XII.

образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, въ сопутствіи безчисленнаго множества народа, возвращались въ Успенскій соборъ, гдѣ Митрополитъ, совершивъ божественную литургію, угощалъ у себя въ Палатѣ обѣдомъ Царя и вельможъ."

Такъ отправляемъ былъ етотъ обрядъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ! Онъ не прекращался и во время завладѣнія Москвы Поляками. Въ 1611 году, по свидѣтельству Беровой лѣтописи, они дозволяли Патріарху Гермогену священнодѣйствовать въ недѣлю Вайй. Тогда на Красной площади, самомъ мѣстѣ церемоніи, стояли пѣшіе и конные Ляхи и Нѣмцы съ обнаженными мечами и съ заряженными пушками. Святитель, *связанный духомъ*, шествовалъ въ отечественный Іерусалимъ на осляти между рядами иновѣрцевъ; но граждане Московскіе не смѣли выдти на улицу, только нѣсколько бояръ и сановниковъ съ унылымъ видомъ слѣдовали за своимъ Пастыремъ, котораго въ Москвѣ ожидала истома и смерть. Патріаршаго осла велъ за узду, вмѣсто Царя, Князь Гундуровъ (5).

Въ церковныхъ обрядахъ 1627 г. записано (6), что „на 6 недѣли поста ввечеру и на

---

(5) Древняя Росс. Вивліоѳика. ч. XI.

(6) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. *Устрялова*. Спб. ч. I. 1831, въ 8.

„утрени бываетъ служба въ соборѣ, а предъ „обѣднею Патріархъ ѣздитъ на осляти къ „Троицѣ на ровъ, и паки поѣдетъ въ Соборъ." Олеарій описываетъ намъ бывшее въ 1636 г. шествіе Патріарха на осляти, сходно съ первымъ въ главныхъ предметахъ, къ которымъ присоединяетъ еще, что около пятидесяти юношей въ красномъ платьѣ, скинувъ съ себя верхнюю одежду, разстилали ее по пути шествія Патріарха и Царя. Изъ Успенскаго собора, по словамъ Олеарія, Патріархъ шествовалъ къ Лобному мѣсту, съ коего давалъ благословеніе народу, а потомъ слѣдовалъ въ церковь Входа въ Іерусалимъ и, по совершеніи тамъ молебнаго пѣнія, тѣмъ же порядкомъ возвращался въ Успенскій соборъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ. Но въ чинѣ шествія (1642 г.) упоминаются нѣкоторыя особенности этого церемоніала. Іосифъ, въ день своего избранія на Патріаршество, шелъ изъ дворца черезъ Благовѣщенскую паперть къ осляти, на которое возсѣвъ, совершилъ шествіе вокругъ Кремля. Отъ Благовѣщенскаго собора ѣхалъ онъ къ Спаскимъ воротамъ; за нимъ слѣдовали въ саняхъ Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ, Рязанскій Архіепископъ Моисей и Бояре, а около Патріарха шли приказные, Конюшій, Ясельничій, и дворовыя дѣти Боярскія въ

золотныхъ одеждахъ, вмѣстѣ съ головою Стрѣлецкимъ и Полуголовою съ пѣшими же стрѣльцами. Въ это время протодіаконъ ѣдучи, кропилъ городъ св. водою. По прибытіи всего шествія къ Спаскимъ воротамъ, Патріархъ взошелъ на уготовленное ему мѣсто и предъ образомъ Спасителя и Богоматери, написаннымъ на воротахъ, прочелъ литію и молитву городу, и по окончаніи оной, трижды кропилъ образъ св. водою. Потомъ сошедши съ мѣста, взялъ крестъ и осѣняя онымъ, поѣхалъ, внизъ направо мимо Стрѣлецкой караульни подъ гору къ Тайницкимъ воротамъ, у которыхъ также читалъ литію и кропилъ св. водой; оттуда поѣхалъ черезъ Житный дворъ къ Боровицкимъ воротамъ. Совершивъ и на томъ мѣстѣ подобный обрядъ, поѣхалъ онъ черезъ Боровицкій мостъ вправо Стрѣлецкою слободой къ Каменному мосту и къ Неглиннымъ воротамъ и отъ нихъ къ Никольскимъ, потомъ площадью слѣдовалъ къ Спаскимъ, говоря у всѣхъ воротъ молитвы городу и кропя ихъ св. водою. Проѣхавъ черезъ Спасскія ворота въ Кремль къ Благовѣщенскому рундуку, Патріархъ сошелъ съ осляти на рундукѣ и отправился вверхъ къ Государю въ Золотую палату. Его вели Митрополитъ Ростовскій и Архіепископъ Рязанскій, а пе-

редъ нимъ шли пѣвчіе, дьяки, и пѣли стихи, въ сопутствованіи *пламенниковъ* (7) по чину. На другой день, Патріархъ, по окончаніи обѣдни въ Ризположенской церкви, сѣлъ на осла у лѣстницы съ приступка и поѣхалъ съ двора Патріаршаго въ Ризположенскія вороты. Осла велъ за конецъ повода Бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ, посреди повода Окольничій Князь Андрей Өедоровичь Литвиновъ-Мосальскій, а у губы осла съ правой стороны велъ его Патріаршій Бояринъ Василій Яновъ; съ другой стороны велъ за узду стремянный конюхъ, тѣже самые, которые присутствовали при церемоніи въ прошедшій день. Патріархъ поѣхалъ отъ Собора, мимо старагo Дворца Царя Бориса, къ Богоявленскому монастырю, что на Троицкомъ подворьѣ, да по за-дворцу въ Боровицкія ворота. Выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Чертольскія ворота, слѣдовалъ Патріархъ по Бѣлому городу къ Арбатскимъ, Никитскимъ, Тверскимъ и Петровскимъ воротамъ, на Трубу, къ Неглинной, чрезъ которую тогда моста не было. Для сего Патріархъ шелъ вверхъ

(7) *Пламенники*, если не *паломники*, т. е. носившіе пальмы или вербы, можетъ статься, тоже что *Огненники*, родъ служителей, бывшихъ при св. церемоніяхъ, въ красныхъ кафтанахъ.

по Неглинной мимо Стрѣлецкихъ слободъ и перешедъ Неглинную подъ Троицкой слободою (нынѣ Мѣщанскою); шелъ къ Срѣтенскимъ воротамъ, у коихъ остановясь, говорилъ молитву и окропя св. водою, вступилъ въ городъ, и слѣдуя Срѣтенскою улицей, въ Китай Никольскою улицей, въѣхалъ въ Кремль въ Никольскія ворота, оттуда къ себѣ на дворъ Патріаршій и тутъ сошелъ съ осла у лѣстницы. Патріархъ, ѣхавши около города, у каждыхъ воротъ говорилъ молитвы; за нимъ слѣдовали Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ, Рязанскій Архіепископъ Моисей и два Пречистенскіе Ключаря, которые везли крестъ и кропили городъ св. водой. Сошедъ Патріархъ съ осла, отправился въ келью, а Бояринъ и Окольничій поѣхали въ свои подворья. — На третій день, Марта 29го, происходила подобная церемонія. Патріархъ, отслуживъ раннюю обѣдню, пошелъ въ сопровожденіи Духовенства съ дарами къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу; возвратясь отъ него, сѣлъ на осла у себя на дворѣ у лѣстницы, поѣхалъ Ризположенскими воротами въ Никольскія, и выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Срѣтенскія ворота, ѣхалъ у Бѣлаго города къ Яузскимъ воротамъ, у коихъ прочтя молитву и кропя св. водою, слѣдовалъ въ городъ чрезъ Яузскія, Варварскія и Спаскія

ворота въ Кремль, совершая подобныя дѣйствія, какъ и въ первые дни, Бояринъ, Окольничій, Патріаршій Бояринъ и конюхъ вели подъ Патріархомъ осла, тѣ же, которые и прежде были. Изъ Духовенства, Рязанскій Архіепископъ не присутствовалъ за тѣмъ, что впалъ въ немилость у Царя. Патріархъ пріѣхавъ на свой дворъ, отпустилъ Боярина и Окольничаго на подворья, а стола у него не было, для того, что „въ великій постъ „пировать не пристало" (8). Въ Треодіонѣ 1666 г. при описаніи церемоніи Вай, совершенной Патріархомъ Іосафомъ, не упоминается объ ослѣ; но 1668 году, въ Вербное воскресенье повторялась на Лобномъ мѣстѣ въ лицахъ евангельская исторія: Патріархъ словами Христа посылалъ Протопопа и Ключаря за ослятемъ, которое стояло на уготованномъ мѣстѣ. Патріаршій Бояринъ спрашивалъ, а они ему отвѣчали, какъ въ Евангеліи сказано. Потомъ Патріархъ взявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую напрестольный крестъ, и осѣнивъ имъ Царя, садился на осля, которое Государь бралъ и велъ за поводъ. Процессія шла къ Успенскому Собору чрезъ Спаскія ворота въ преднесе-

---

(8) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, *Г. Успенскаго*. Харьковъ. 2 ч. 1818, въ 8. — Московскій Наблюдатель, 1837, № 3.

ніи нарядной вербы. Царь и прочіе несли ваіи; по прибытіи въ Соборъ процессіи, дочитывалось Евангеліе и начиналась литургія.

Одинъ Нѣмецкій ученый, въ концѣ XVII вѣка, очевидный свидѣтель подобной церемоніи въ Москвѣ, описываетъ ее точно такъ, какъ она происходила при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, упоминая о везенномъ деревѣ съ разными плодами, отрокахъ, воспѣвавшихъ *Осанна*, и о шествіи на осляти Патріарха, котораго сопровождали Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, державшіе за поводъ осла, покрытаго чернымъ сукномъ. Въ продолженіи шествія дѣти подстилали Патріарху, по словамъ писателя, свои одежды и разныя ткани: Патріархъ въ благодарность подносилъ обоимъ Царямъ 500 рубл. (9)

Подобную церемонію Архіереи совершали и въ городахъ съ Воеводами. Когдажъ она прекращена была: тогда дозволено только крестное хожденіе съ *иконою Входа Господня, аще молва гдѣ чается, или будутъ настоять благоговѣйніи людіе*.

Россійскій Патріархъ Іоакимъ, на созванномъ имъ Соборѣ 1678 г., подвергнувъ разсмотрѣнію *обрядъ шествія на осляти* и не нашедши ни церковнаго положенія на оный,

---

(9) Anhang von der Reußischen Religion. Leipz. 1698, in 12.

ни извѣстія о началѣ его въ Россіи, призналъ его нововведеніемъ, вошедшимъ въ смутныя времена нашего отечества. Предоставивъ Патріарху етотъ обрядъ, какъ уже вкоренившійся въ Столицѣ, онъ запретилъ подражать оному всѣмъ Архіереямъ по провинціальнымъ городамъ, гдѣ ето обыкновеніе только еще распространилось; а Императоръ Петръ I вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самаго Патріаршества и совсѣмъ прекратилъ совершеніе етого обряда въ Россіи, исторически и канонически неопредѣленнаго.

Подобный обрядъ издревле существовалъ на Востокѣ и на Западѣ. Пахимеръ упоминаетъ о шествіи на ослятии Патріарха Константинопольскаго; въ етотъ день при Византійскомъ дворѣ раздавались золотыя монеты и другіе подарки, называемые, какъ и самый праздникъ, *Βαΐα*. Гилдебрандъ въ книгѣ своей de diebus festis свидѣтельствуетъ, что Григорій великій, въ концѣ VI вѣка, учредилъ въ Вербное Воскресенье св. хожденіе, которое при Карлѣ Великомъ вошло въ общее употребленіе на Западѣ, гдѣ етотъ праздникъ назывался Dominica palmarum, или in palmis, также in ramis palmarum. Но еще Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной бесѣдѣ своей говоритъ: „въ етомъ шествіи, которое совер„шаю съ вами, простру не вѣтви пальмовыя,

„но ученіе, чтобы, подобно вдовицѣ, принести „двѣ лепты.“ Киннамъ въ Римской Исторіи пишетъ, что и на Западѣ Императоры водили коня подъ Патріархомъ. Олеарій же въ своихъ путевыхъ запискахъ, ссылаясь на хронику Антонина, Епіскопа Флорентинскаго, свидѣтельствуетъ, что Императоръ Константинъ Мономахъ, жившій въ XI вѣкѣ, держалъ за узду лошадь у Патріарха Михаила Келуларія, когда онъ садился на нее, и велъ ее. Гилдебрандъ описываетъ намъ чрезвычайное удивленіе Турецкихъ посланниковъ, смотрѣвшихъ въ Краковѣ подобную церемонію, и Францисканецъ Каремъ, посѣщавшій Палестину въ началѣ XVII вѣка, такъ изображаетъ видѣнный имъ обрядъ Входа въ Іерусалимъ: „Для сохраненія воспоминанія о „торжественномъ шествіи Спасителя, ежегодно въ день праздника Входа Архіерей Св. „горы Сіона съ братіею, странниками и жителями Іерусалима, по примѣру Христа и „учениковъ его, отправляется въ Виѳсфагію и, тамъ облобызавъ св. землю, творятъ „молитву; потомъ Архипастырь говоритъ „малому своему стаду поученіе, приличное „времени и мѣсту. По окончаніи духовной „бесѣды, діаконъ въ облаченіи читаетъ Евангеліе отъ Матѳея, которое обыкновенно „въ етотъ день назначено для чтенія въ

„церкви и при словахъ *тогда Іисусъ посла* „*два ученика, глаголя има* — Архіерей говоритъ двумъ братіямъ, которые приходятъ „къ нему и дѣлаютъ поклоны: *Идита въ весь,* „*яже прямо вама;* напослѣдокъ діаконъ оканчиваетъ Евангеліе (10). Между тѣмъ двое „братій идутъ ко граду, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда была весь ослицы и, нашедши приготовленное уже тамъ осля, ведутъ его къ Архіерею, котораго и сажаютъ „на это животное, покрытое одеждою. Архипастырь, возсѣвъ на осла, шествуетъ чрезъ „Масличную гору въ Іерусалимъ въ сопровожденіи Духовенства и прочихъ вѣрныхъ, „которые постилаютъ ему на пути травы, „цвѣты и одежды свои и, подобно дѣтямъ „Еврейскимъ, поютъ *Осанна.* По прибытіи „къ тому мѣсту, гдѣ Христосъ, увидѣвъ „градъ, оплакивалъ его, читается XIX глава „Евангелія отъ Луки, въ коемъ описывается „плачъ Іисуса. Потомъ шествіе продолжается „при безчисленномъ стеченіи народа. Какъ „нельзя нынѣ входить черезъ Золотыя ворота: то процессія вступаетъ въ Сіонскія

---

(10) Die Feste der alten Christen, von D. J. W. Augusti. 2 B. Leipz. 1818, in 8. — О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

„и оттуда достигаетъ церкви Спасителя.
„Тамъ сходитъ Архіерей съ осляти и по „уставу совершаетъ въ церкви службу, кото„рая оканчивается благословеніемъ народу.“

Въ Римско-Католическихъ странахъ, кромѣ освященія вайй, существовало прежде обыкновеніе въ праздникъ вайй, у Нѣмцевъ названный *голубою Пасхою* (der blaue Ostertag и Palm-Sonntag,) возить въ процессіи колесницу, на которую ставился рѣзный изъ дерева оселъ съ изображеніемъ возсѣдающаго на немъ Христа.

Отечественная церковь для своихъ цѣлей скорѣе могла заимствовать *обрядъ шествія на осляти* отъ Грековъ, чѣмъ отъ Латынянъ, по отчужденію себя отъ послѣднихъ. Вѣроятно, Россійскіе Святители, издревле хиротонисанные въ Царьградѣ, и паломники, видѣвшіе въ Св. Землѣ это торжественное дѣйствіе, перенесли его въ свое отечество, гдѣ оно измѣнялось въ частныхъ особенностяхъ, смотря по обстоятельствамъ времени, по произволу Государя и Святителя. И такъ, обыкновеніе сіе, похвальное по назиданію, какое Самодержцы подавали народу своимъ смиреніемъ и уничиженіемъ въ лицѣ Іерарха предъ самимъ Царемъ царствующихъ, было не новое и не частное для одной Россіи: оно проявляло духъ того вѣка и сдѣлалось исторически въ ней извѣ-

стнымъ не прежде XVI стол. Но какъ народъ сталъ смотрѣть болѣе на внѣшность, нежели на духъ сего обряда: то сперва на Западѣ, потомъ на Востокѣ, а наконецъ и въ нашемъ отечествѣ онъ уничтожился; но воспоминаніе осталось въ настоящемъ гуляньѣ народномъ на Красной площади, куда народъ сбирается, и по прекращеніи духовной церемоніи, смотрѣть и покупать изукрашенную вербу. Катанье въ екипажахъ, по преданію, въ Вербную субботу началось здѣсь не прежде царствованія Анны Ивановны.

Въ Кіевской Губерніи доселѣ еще наканунѣ праздника Входа въ Іерусалимъ, въ вечернее время, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, бываетъ торжественный ходъ съ освященными молитвою ваіями, изъ одной какой либо церкви въ другую. Въ Харьковѣ, въ Вербную недѣлю, училищное Начальство тамошняго Коллегіума вмѣстѣ съ воспитанниками онаго совершало шествіе съ вербами изъ градской приходской церкви С. Димитрія. Въ слободѣ Котельвѣ Ахтырскаго уѣзда, по свидѣтельству Г. Маркова, ежегодно тогда же носилась верба народомъ вмѣстѣ съ Духовенствомъ изъ Троицкой въ Преображенскую церковь. Голембовскій описываетъ намъ обряды вербные въ Польскихъ училищахъ. Въ Цвѣтоносное Воскресенье, въ Литвѣ и

Польшѣ изъ каждой приходской школы, выбирали учениковъ для процессіи, одѣвъ ихъ въ лучшее платье; съ букетами цвѣтовъ, имѣя на рукахъ fontarie, перевязанныя шелковымъ платкомъ или лентою, они держали въ рукахъ пальмы (вербы). При Владиславѣ IV, баричи въ бѣлой одеждѣ подносили Королю пальмы: обычай прекращенъ при Янѣ Казимирѣ. Въ Литвѣ и Красной Руси, по возвращеніи изъ церкви домой съ вербою, богомольцы били взаимно дѣтей и домашнихъ, говоря:

Ne ja bìju,
Werba bije.
Za tyžden;
Welik deń.
Chira w lés,
Zdorowje u kości! (11)

Подобный обычай доселѣ отчасти удерживается въ великой Россіи у простолюдиновъ; кто проспалъ Вербную заутреню, того бьютъ вербою, приговаривая: *Не я бью, а верба бьетъ*, или *Верба хлёстъ, бей до слёзъ! на красныя яицы, на мягкія перепечи!* Выше замѣтили мы, что въ Юрьевъ день, освященною вербой выгоняютъ скотину въ поле для предохраненія оной отъ болѣзни и напасти.

---

(11) Lud Polski, p. *L: Golębiowskiego*, w Warsch. 1830, in 8.

III.

О СКУДЕЛЬНИЦАХЪ, ИЛИ УБОГИХЪ ДОМАХЪ ВЪ РОССІИ.

Воздавать послѣдній долгъ смертнымъ останкамъ согражданина и ближняго было священною обязанностью у древнихъ народовъ, ознаменовавшихъ бытіе свое въ Исторіи міра дѣлами. Обычаи праотцевъ, законы и самая религія освятили сію обязанность, которую Греки язычники называли *праведною*, *законною* (*δίκαια*), а Римляне justa, т. е. funera; нарушеніе оной вмѣнялось въ преступленіе (1). У Евреевъ почиталось богоугоднымъ дѣломъ погребать убогихъ мертвыхъ и на могилахъ ихъ раздавать пищу убогимъ живымъ (2), равно какъ лишиться погребенія или не быть на поминовеніи родныхъ поставлялось въ наказаніе, коимъ угрожаетъ Пророкъ беззаконнымъ, именно въ

---

(1) *M. T. Ciceronis* de legibus l. III. ed. *I. Goerenz.* Lipsiae. 1819, in 8.

(2) *Тов.* IV, 17. *Iерем.* *Cip.* VII, 36. Diction. histor. crit. chron. etc. de la Bible, par le pere Dom A. *Calmet.* VI t. à Toulouse. 1783, in 8.

такихъ словахъ: *не погребутся, ни оплачутся — и не преломятъ хлѣба въ стенаніи ихъ ко утѣшенію надъ мертвымъ, и не дадутъ имъ питія чаши ко утѣшенію надъ отцемъ и матерію ихъ* (3). Добрый Товітъ, въ день Св. Пятидесятницы за трапезою, услышавъ отъ сына своего Товія, что одинъ изъ земляковъ *(отъ рода)* удавленный лежитъ на торжищѣ, оставилъ свою трапезу и пошелъ его похоронить (4), положивъ его до захожденія солнца въ *нѣкоемъ домѣ.* — Слѣдуя етому человѣколюбивому примѣру, церковь поставляетъ въ числѣ дѣлъ милосердія погребеніе умершихъ въ крайнемъ убожествѣ. Въ первенствующей церкви Хрістіане изъ человѣколюбія и милосердія обрекали себя на погребеніе усопшихъ собратій своихъ; они извѣстны были подъ именемъ *труждающихся,* которые и донынѣ поминаются на ектеніи въ божественной литургіи (5). Етому примѣру подражала не только Восточная, но и Западная Церковь. Одинъ изъ нашихъ путешественниковъ замѣчаетъ, что во Флоренціи съ

(3) *Іереміи*, XVI. 7—8 и XXII, 9—18.

(4) *Книга Товіта*, гл. II, ст. 3. гл. I, ст. 17. И аще коего отъ рода моего видѣхъ умерша и извержена внѣ стѣны Ниневіи, погребахъ его.

(5) *κοπιάται, κοπιῶντες*, fossarii, vespilliones. — R. P. Goar *ΕΥΧΟΛΟΓΙΟΝ*, s. rituale Graecorum. Venet. 1730, in f.

XIV вѣка еще и доселѣ существуетъ состоящее изъ почетныхъ гражданъ *Общество братьевъ милосердія*, къ которому принадлежать за честь себѣ поставляли и Герцоги Тосканскіе: оно имѣетъ цѣлію благотворить убогимъ и погребать ихъ. Члены сего Общества, одѣвшись въ черное льняное платье, съ закрытымъ лицемъ, несутъ на плечахъ своихъ тѣло усопшаго нищаго до кладбища и тамъ честно предаютъ его землѣ (6). Въ Россіи были такогожъ рода труженики, которыхъ имена сохранены для насъ отечественными лѣтописцами: въ Кіевѣ св. угодникъ Божій Марко гробокопатель, въ Переславлѣ-Залѣсскомъ С. Даніилъ Протасіевъ, въ Новгородѣ боголюбивый Станило и нищей Жгальцо. Стражи Убогихъ домовъ назывались *Божедомами*; а въ Новгородской и Вологодской Губерніи *Богорадными* и *Божатыми* (7).

„Хрістіанская набожность нашихъ пред„ковъ — пишетъ Карамзинъ въ своей Исто„ріи — произвела одинъ умилительный обы„чай. Близъ Москвы было кладбище, назы„ваемое *селомъ скудельничимъ*, гдѣ люди до„бролюбивые, въ четвертокъ передъ Троицы„нымъ днемъ, сходились рыть могилы, для

(6) Сѣверные цвѣты. Спб. 1825, въ 16.

(7) О Божедомѣ сохранилась въ народѣ и поговорка: *Живетъ одинъ, какъ Божедомъ.*

„странниковъ и пѣть панихиды въ успокоеніе души тѣхъ, коихъ имена, отечество и вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ Нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно христіанскія молитвы. Тамъ погребались тѣла, находимыя въ окрестностяхъ города, а, можетъ быть, и всѣхъ иноземцевъ.“ (8)

Въ отечественной Исторіи трогательное воспоминаніе о семъ благочестивомъ обычаѣ предковъ нашихъ заставляетъ насъ изслѣдовать нѣсколько подробнѣе оный, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ отечественнымъ Древностямъ и къ Исторіи Церкви, по своему началу, цѣли, времени и мѣсту его учрежденія въ Россіи. Еще и теперь существуютъ многія урочища, запечатлѣнныя названіемъ *Скуделенъ*, или *Убогихъ домовъ*, какъ въ самой древней Столицѣ, такъ равно и во многихъ другихъ городахъ Россійскаго Государства.

Скудельницы, или *Божіи домы*, получили свое начало отъ подражанія бывшему близъ Іерусалима на горѣ Сіонѣ *Селу скудельничу*, купленному Іудейскими Архіереями за тридцать сребрениковъ, цѣну предательства Іудина; почему и называлось сіе мѣсто

(8) *Карамз.* И. Р. Г. т. VII. 2 изд.

село крове (Акелдама). Такъ какъ ето поле скудельниче (*ἀγρὸς τοῦ κεραμέως*), изтощено было горшечными заводами и не годилось ни на какое другое употребленіе; посему и назначено Іудеями *для погребенія страннымъ*, т. е. Іудеямъ, приходившимъ въ Іерусалимъ на поклоненіе Богу изъ отдаленныхъ странъ и, при внезапной смерти своей, неимѣвшимъ себѣ мѣста для погребенія (9); ибо жители Іерусалимскіе не допускали хоронить ихъ на своихъ кладбищахъ. І. Златоустъ говоритъ, что при самомъ въѣздѣ въ города были подобныя кладбища. У Римлянъ мѣста для погребенія бѣдныхъ внѣ города издревле существовали подъ именемъ Puticulae, гноища.

Въ Россіи *Скудельницы*, устроенныя по примѣру Грековъ, назывались также *Буйвищами* въ Тверской и Псковской Губерніяхъ, и *Гноищами*, какъ видно изъ завѣщанія Митрополіта Стефана Рязанскаго, который просилъ похоронить себя за городомъ *на гноищѣ*. Въ Костромѣ донынѣ существуетъ церковь С. Козмы и Даміана *на гноищи*. *Убогіе домы* сходствуютъ съ *Жалямя* и *Жальниками* въ лѣсахъ, не только въ Новгородской Губерніи, но и въ Великой Польшѣ, въ землѣ Добрынской и Хельмской и въ Куявахъ:

(9) *Матѳ*. XXVII, ст. 7. — *Дѣян. Апост*. I. ст. 19. см. D. J. *Rozenmülleri* Scholia in Nov. Test. t. I. Norimb. 1835. 8.

на етихъ Жальникахъ хоронятъ самоубійцъ и младенцевъ мертворожденныхъ. *Усыпальницы же* въ нѣкоторыхъ монастыряхъ состоятъ изъ сарая съ ямникомъ, куда ставятъ гробы и засыпаютъ ихъ землею тогда, когда ими наполнится весь ямникъ.

Извѣстно, что въ Россіи издревле до XVIII вѣка погребали богатыхъ и значительныхъ людей внутри городовъ, при церквахъ; а убогихъ отвозили на Убогіе домы, кои состояли изъ ямника, опущеннаго въ землю, съ сараемъ сверху: при нихъ бывала часовня для пристанища крестному ходу, или церковь. Въ Семицкій четвергъ, на седьмой седмицѣ по Пасхѣ, когда церковь наша поминаетъ всѣхъ прежде почившихъ отецъ и братій и приноситъ *очистительныя молитвы и жертвы о душахъ ихъ* — бывалъ на Божедомку изъ ближайшаго монастыря, или Собора крестный ходъ (10) и спекался народъ съ гробами, одеждами и саванами для мертвыхъ: благочестивые сами изъ усердія рыли ямы, разбирали голыми руками тѣла, по большей части, завернутыя въ рогожки, и по Христіанскому милосердію, не гнушаясь отвратительнаго вида и запаха труповъ, долго лежавшихъ въ ямникѣ

---

(10) Книга *Пентікостаріонъ, еже есть Пятдесятница*. см. Службу въ недѣлю Пентікостіи.

сарая, опрятывали оные, надѣвали на нихъ бѣлыя рубахи и саваны, потомъ клали въ гробы и опускали въ приготовленныя для сего ямы и зарывали; иные между тѣлами находили своихъ родныхъ или знакомыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ.

По заваленіи етихъ ямъ, Духовенство совершало общую паннихиду; послѣ чего доброхотными дателями раздавалась Божедому и собиравшимся на Убогій домъ нищимъ милостыня и приносимые туда съѣстные припасы, какъ-то: блины, пироги, калачи и пр. Кромѣ Семика, 1668 г. въ день Покрова Божія Матери, посылались Патріархомъ, Архимандріты и Власти на Убогій домъ для отправленія общей паннихиды по убогихъ, которыхъ тогда же погребали въ общей ямѣ (11). Очевидный свидѣтель въ XVI вѣкѣ Принцъ-Буххау, Цесарскій посланникъ въ Россіи, утверждаетъ, что такая церемонія совершалась троекратно въ годъ (12). Кромѣ Семика и Покрова, установлена была 21 Іюня общая память по усопшихъ, какъ видно изъ грамоты 1548 г. (13), или въ другой день.

---

(11) Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. X. Москва. 1789, въ 8.

(12) De ortu et progressu Moscoviae. Gubenae. 1620, in 12.

(13) Акты археографической Експедиціи. т. 2, Спб. 1836, въ 4.

Помянувъ покойныхъ на Убогомъ домѣ, народъ обращался къ простымъ увеселеніямъ, съ какими соединенъ былъ существующій съ незапамятныхъ временъ праздникъ *Семикъ*, какъ бы преддверіе весны и радостное прообразованіе оживленія природы.

О назначеніи, распространеніи и уничтоженіи въ Россіи *Скудельницъ*, или *Убогихъ домовъ*, упоминаютъ не только отечественные, но и чужестранные писатели, какъ о предметѣ, достопримѣчательномъ въ отношеніи къ народности, религіи и нравственности. Учрежденіе скудельницъ у Рускихъ составляло, такъ сказать, переходъ отъ языческой Тризны или Справы къ благочестивому и человѣколюбивому обычаю погребенія и поминовенія умершихъ, къ коему могутъ относиться и слова В. К. Владиміра Мономаха: »надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени „есмы“ (14).

Съ постепеннымъ введеніемъ и распространеніемъ св. Вѣры въ Россіи введенъ и распространенъ етотъ обычай, противопоставленный языческимъ обрядамъ Семика, еще свѣжимъ и памятнымъ въ первыя времена Рускаго Хрістіанства. Когда самыя

(14) Духовная В. К. Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ. Спб. 1793, въ 3.

церкви и погосты оныхъ, или монастыри служили усыпальницами для прихожанъ и когда не было еще общественныхъ кладбищъ: тогда убогіе, скудные и пришельцы, застигнутые насильственною или внезапною смертію, полагались въ Убогихъ домахъ внѣ города до срока общаго погребенія и поминовенія.

Но прежде нежели разсмотримъ, когда и гдѣ появились первыя скудельницы и какое ихъ было назначеніе, постараемся разобрать самое значеніе словъ *Убогіе домы.*

---

§ 1. Въ праздникъ Пятдесятницы, *иже есть святѣ седмь седминѣ*, Церковь наша, воспоминая въ *мертвенныхъ* молитвословіяхъ своихъ о всѣхъ прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ, отъ вѣка усопшихъ, въ упованіи на милосердіе Искупителя, ходатайствуетъ за *убогихъ* Божіихъ, постигнутыхъ напрасною смертію — попаленныхъ молніею, замерзшихъ отъ холода, утопшихъ, убитыхъ на брани или разбойниками, отравленныхъ и пр. (15).

Самое слово *убогій* имѣло разныя значенія, которыя заключали въ себѣ выше изло-

---

(15) см. *Пентікостаріонъ*, Служба въ седьмую седмицу по Пасхѣ.

женныя понятія, такъ что и разное словопроизводство имъ не противорѣчитъ. Если принять производство онаго отъ словъ *у Бога*, т. е. живущій *у Бога*, подъ Его кровомъ, какъ богадѣльникъ, т. е. *Бога дѣля* (для): то оно будетъ означать всѣхъ лишенныхъ крова и средства къ пропитанію—бѣдныхъ, скудныхъ, нищихъ, странныхъ, или со стороны пришедшихъ, стороннихъ. Если же производить сіе слово отъ *убой*, *убійство* (ибо и на древнемъ холщевомъ антиминсѣ церкви св. Іоанна Воина на Убожедомкѣ написано *на убоіихъ домѣхъ*): то будетъ означать убитыхъ, или застигнутыхъ насильственною смертію на дорогѣ или на улицѣ, и даже казненныхъ торговою казнію. Достовѣрно, что и тѣ и другіе погребались на Убогихъ Домахъ, и подъ словомъ *убогіе* разумѣлись тѣ и другіе, какъ объясняется древними памятниками, простонароднымъ и областнымъ употребленіемъ сего выраженія. Въ доказательство перваго словопроизводства послужитъ великаго въ благочестивомъ смиреніи Архипастыря Св. Димитрія Туптaлы *Духовная грамата*, гдѣ онъ именно такъ завѣщаетъ: „И аще мене „тако *нища* никто же восхощетъ обычному „предати погребенію, молю убо тѣхъ, иже „свою смерть памятствуютъ, да отвлекутъ мое грѣшное тѣло во убогій домъ, и

„тамо между трупіямъ да повергутъ е.“ (16)— Въ доказательство же втораго послужитъ намъ послѣдняго Патріарха Росс. *Адріана наказъ поповскимъ старостамъ*, гдѣ именно означается, кого должно хоронить на Убогомъ дому: „А который человѣкъ обѣсит-„ся, или зарѣжется, или купаясь и похва-„ляясь и играя утонетъ, или вина опьет-„ся, или съ качели убьется, или иную ка-„кую смерть самъ надъ собою своими ру-„ками учинитъ, или на разбоѣ и на воровствѣ „какомъ убитъ будетъ, и тѣхъ умершихъ „тѣлъ у церкви Божіи не погребать, и надъ „ними отпѣвать не велѣть, а велѣть ихъ „класть въ лѣсу, или на полѣ, кромѣ клад-„бища и убогихъ домовъ. Который чело-„вѣкъ на разбоѣ, или на воровствѣ будетъ „битъ, и пришлютъ для исповѣди къ отцу „духовному, и того разбойника или вора при „смерти исповѣдать, и по разсужденію отца „духовнаго, запасными дары причастить, а „какъ онъ умретъ, и его положить безъ „отпѣванія въ городѣ въ убогомъ дому, „гдѣ такіежъ воры и разбойники кладутся. „Которые въ городѣхъ воры и разбойники „мужеска и женска полу по указу Великаго

---

(16) Сочиненія *Св. Димитрія М. Ростовскаго* I ч. М. 1805—7, въ 4.

„Государя осуждены будутъ къ смертной „казни, и тѣ воры и разбойники при смерти „просить будутъ отцевъ духовныхъ, чтобъ „имъ предъ ними исповѣдаться, и тѣхъ во„ровъ и разбойниковъ велѣть попомъ испо„вѣдать, и по разсужденію отцевъ духов„ныхъ, запасными дары причастить; и по„слѣ казни велѣть ихъ класть въ Убогомъ „дому« (17).

Изъ преданій и лѣтописей значится, что на Убогихъ домахъ иногда хоронили и самоубійцъ; сіе подтверждается также грамотою Патріарха Філарета (за полвѣка до Адріанова наказа), данною 1619 года Арзамазскому Спаскому монастырю (18). Упоминая о сборѣ вѣнечныхъ и похоронныхъ пошлинъ съ крестьянъ того монастыря, Святитель заповѣдываетъ: „похороняти имъ „тѣхъ людей, надъ которыми учинится ско„рая смерть, кусомъ подавится, или кто „кого ножемъ зарѣжетъ, или съ древа убьется, „или утонетъ не купаючися, или отравною „смертію умретъ, а не самъ себя отравитъ, „тѣхъ у церкви Божіей похороняти и надъ „ними отпѣвати, какъ и надъ прочими хрі„стіаны; а который человѣкъ вина опьется, „или удавится, или зарѣжется, или съ ка-

(17) Древн. Росс. Вивл. ч. XV. стр. 386, 1790 въ 8.
(18) Исторія Росс. Іерархіи, т. III, стр. 269.

„челей убьется, или купаючись утонетъ, „или самъ себя отравитъ, или иное какое „дурно самъ надъ собою учинитъ, и тѣхъ въ „церкви Божіей не похороняти и надъ ними „не отпѣвати, велѣти ихъ класти въ *убогихъ* „*домахъ*, а похороннаго имати по гривнѣ.“ —

Вѣроятно, что это постановленіе было частнымъ, мѣстнымъ изключеніемъ, которое отчасти согласно было съ правиломъ церковнымъ, допускающимъ тогда только совершать моленіе надъ самоубійцею, *аще онъ будетъ во истину умъ погубилъ*. „Въ семъ случаѣ, какъ замѣчаетъ М. Митрополитъ Філаретъ, дозволено самоубійцу похоронить на такомъ кладбищѣ, каково Убогій домъ, гдѣ о погребенныхъ совершалось церковное моленіе“ (19).

Убогій домъ былъ также опальнымъ кладбищемъ, гдѣ хоронили казненныхъ, или умершихъ въ опалѣ. Тѣло Царя Бориса Годунова, погребенное съ честію въ Архангельскомъ Соборѣ, по приказанію Димитрія Самозванца, вынуто изъ гробницы, и не въ двери, но чрезъ нарочно пробитое въ стѣнѣ Собора отверстіе выброшено и погребено въ единомъ отъ *убогихъ* монастырей — Московскомъ Варсонофьевскомъ (20),

---

(19) Мороз. Лѣтоп. въ *Кар.* Ист. Гос. Росс. т. XI.

(20) Труды Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. I. М. 1826, въ 8.

при коемъ находился **Убогій домъ** съ церковію, донынѣ состоящею, Св. Николая, что въ Звонаряхъ (21). Наконецъ, и трупъ Димитрія Самозванца, преемника Борисова, изъязвленный, обнаженный и обруганный народомъ, какъ ненавистные остатки злодѣя, отвезенъ въ **Убогій домъ** (гдѣ нынѣ Убожедомскій Покровскій монастырь); но дроги, на коихъ лежалъ Отрепьевъ, не проѣхали въ вороты сего дома: по духу тогдашняго времени, это приписали чуду — трупъ сняли съ дрогъ и стащили его въ яму Скудельни. Во время пребыванія Отрепьева тѣла на **Убогомъ дому**, какъ тогдашній **лѣтописецъ** свидѣтельствуетъ, видали надъ нимъ разные чудные и страшные призраки, слыхали вопли и завыванія; трупъ его будто являлся то за версту предъ Убогимъ домомъ, то близъ онаго; къ этому выпалъ глубокій снѣгъ, насталъ холодъ и свирѣпствовали ужасные вихри (это было въ Маѣ, 1606 года). Изъ чего тогда и заключили, что земля не принимаетъ Самозванца — и перевезли бездушные останки безпокойнаго мертвеца на Серпуховскую дорогу и въ мѣстечкѣ Котлахъ сожгли его и пепелъ разсѣяли по

---

(21) *Мичурина* Планъ Москвы, 1739, и Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ. М. 1792. 4 части, въ 12.

воздуху (22). И такъ, *убогими* назывались опальные, лишенные св. напутствія таинствами, оставленные безъ совершенія надъ ними обрядовъ отпѣванія въ церкви и не оплаканные родными. *Скудельница* собственно происходила отъ *села скудельнича*, поля, гдѣ добывали глину, каковое, какъ видно изъ Евангелія, куплено было для погребенія странныхъ; у Рускаго народа, по замѣчанію Доктора Богословія П. М. Терновскаго, сіе слово весьма хорошо могло быть употреблено для означенія мѣста погребенія *скудныхъ*, *убогихъ*, также по созвучію его съ словомъ *скуда*, убожество, скудость, и по сходству истощенной, безплодной земли съ неимущимъ, скуднымъ человѣкомъ.

---

§ 2. О скудельницѣ въ первый только разъ упоминаетъ Новгородскій Лѣтописецъ 1230 года, что Архіепіскопъ Спиридонъ поставилъ въ Новгородѣ скудельницу у Св. Апостолъ, въ ямѣ на Пруской улицѣ, выбралъ для смотрѣнія за оною человѣколюбиваго мужа Станилу. Лѣтописецъ, говоря объ етомъ, по тогдашнему времени, полезномъ учрежденіи Спиридона, какъ о внушеніи Божіемъ,

(22) Дополненіе къ Дѣян. Петра I, часть I, стр. 294.

прибавляетъ слова: *и вложи Богъ въ сердце благое творити Владыцѣ.* Тутъ же лѣтописецъ замѣчаетъ: „иніи (во время голода) про„стаа чадь рѣзаху люди живыя, и ядяху; а „иныя мертвое трупіе обрѣзывающее ядяху— „и поставиша другую скудельницу конецъ „Чюдницевѣ улицѣ, а та полна бысь.“ — Во время сильнаго мора въ Смоленскѣ, 1231 года, сдѣланы были четыре скудельницы; въ двухъ положено 16 тысячь человѣкъ, въ третьей 7 тыс., а въ четвертой 9 тыс. челов. (23). При распространеніи Черной смерти въ Россіи, въ XIV в., строились во многихъ мѣстахъ скудельницы для погребенія погибшихъ. Когда етотъ моръ посѣтилъ Псковъ: тогда, по сказанію туземнаго лѣтописца, „веледушніи, весь страхъ смертный отъ сердецъ „своихъ отринувше, безъ сомнѣнія, и чуждая „мертвецы, или сироты и убогіи небрегомы, „тѣхъ опрятывающе и износяще, погребаху „и память по нихъ творяще службами и „просвирами, спасенія ради себя и своимъ „душамъ.“

Во время Новгородскаго мора 1467 года, въ Неревскомъ концѣ, при Звѣрипскомъ дѣвичемъ монастырѣ была близъ церкви Покрова Богородицы *велія скудельница.* Архіепископъ

(23) *Карамз.* И. Г. Р. т. III, прим. 335.

Іоаннъ, по сказанію лѣтописи, слышалъ свыше гласъ: *иди со кресты въ Неревской конецъ и престанетъ моръ.* Послѣ молебна предъ явленною на скудельницѣ иконою С. Симеона Богопріимца, моръ сталъ прекращаться. Во время Псковскаго мора, 1465 года, во всякомъ концѣ выкопаны были скудельницы, гдѣ клали мертвыхъ (24). Въ Софійскомъ временникѣ, подъ 1474 годомъ, упоминается о *селѣ скудельничемъ* въ Москвѣ и притомъ повѣствуется слѣдующій замѣчательный случай: „Человѣкъ нѣкій во градѣ Москвѣ ходивъ по обычаю къ селу скуделничу, иже „имѣютъ гражане на погребеніе страннымъ: „обычаи же имѣяху въ четвергъ з҃ недѣли „ходити тамо, и купяху туто канонъ и „свѣща и молбу творяху о умершихъ (вкупѣ же и сей идяше) и загребаху старую яму, „иже полну мертвыхъ накладену, а новую „ископаваху; туже вси и копаютъ и засыпаютъ землю Бога ради, но вси гражане „мужи и жены. Сей же человѣкъ вземъ въ „триполъ земли изъ новыя ямы, да понесе „на ту старую, и тѣсноты ради людскыя „спотнкнуся паде на земли, внезапу оглохну „и онѣме.“ Мощи св. Ѳеогноста Митрополита въ Успенскомъ Соборѣ его изцѣлили. —

(24) *Карамз.* И. Г. Р. т. V.

Въ *Новгор. Лѣт.* подъ 1570 годомъ, когда случился моръ, упоминается, что „8го Сентября, за городомъ у Рожества Христова „на полѣ всѣмъ Новымъ городомъ, всѣми соборы отпѣвали умершихъ надъ скудельни„цею и загребали скудельницу: а душъ въ „той скудельницы 10 тыс., а путъ былъ на „провожаньи Иванъ Жгальцо, нищей ста„рецъ, который въ тѣхъ скудельницахъ по„гребаетъ.“ Когда въ голодный годъ на Двинѣ, въ Холмогорахъ въ 1549 г. мерло много людей: тогда погребали мертвыхъ человѣкъ по 200 или по 300 въ одну яму (25). Царь Іоаннъ Васильевичь на мѣстѣ Скудельницы, или такъ называемаго *Рускаго кладбища*, гдѣ погребены были тѣла Рускихъ, падшихъ при осадѣ Казани, построилъ въ 1552 году Зилантовъ монастырь (26). Когдажь оно перенесено было на другое мѣсто: то прозвано *Убогимъ домомъ*, а нынѣ *Вязкомъ* отъ сросшихся тамъ вязовъ, или отъ вязкости. С. Даніилъ Протасьевъ, крестный отецъ Царя Іоанна Васильевича, сперва жилъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ при Убогомъ домѣ, гдѣ въ Божедомской гробницѣ полагалъ съ подо-

---

(25) Опытъ трудовъ вольнаго Росс. собранія. ч. I. Москва 1774, въ 7.

(26) Исторія Росс. Іерархіи. ч. IV. М. 1812, въ 8.

бающимъ молитвословіемъ умершихъ разными бѣдами и поверженныхъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, относилъ въ нее на своихъ плечахъ, подобно Товіи (27). Также во время Московскаго мора 1604 г., по повелѣнію Царя Бориса, приставы ѣздили изъ улицы въ улицу, подбирали мертвыхъ, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные коты и сотнями возили за городъ въ три *скудельницы*, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца схоронено было 127 тысячь человѣкъ (28).

Кромѣ домашнихъ свидѣтельствъ, приведемъ здѣсь сказанія чужестранцевъ, описавшихъ намъ сіи учрежденія, для нихъ любопытныя. Принцъ Буххау, чрезвычайный Посланникъ отъ Императоровъ Максимиліана и Рудольфа къ В. К. Іоанну Васильевичу (29), замѣчаетъ, что „богатѣйшихъ людей Москвитяне „хоронятъ въ склепахъ подъ церквами; для по„гребенія черни вырываютъ большую яму, въ „которую, какъ скоро кто умретъ, кладутъ „тѣло безъ обрядовъ и безъ покрытія онаго зем-

(27) Рускій временникъ. 2 ч. Москва. 1820, въ 8.

(28) *Карамз.* И. Г. Р. т. XI.

(29) Moscoviae ortus et progressus, authore *Daniele Printz à Bucchau.* Gubenae. 1679. in 16.

„лею. Черезъ три или четыре мѣсяца, тамъ „строютъ домикъ (domunculam) и предаютъ „трупы надлежащему погребенію при великомъ „стеченіи ближнихъ и сосѣдей, которые со„провождаютъ ихъ плачемъ и воплемъ. Таковыя „церемоніи трижды въ годъ совершаются." Сіе сказаніе подтверждаетъ и Флетчеръ именно такими словами: „Зимою же, когда „земля отъ холода отвердѣетъ такъ, что „нельзя рыть ямъ; всѣ трупы свозятъ на „общественное мѣсто, называемое *Божій „домъ*: тамъ онѣ замерзаютъ отъ стужи; „по наступленіи же весны и по растаяніи „льда, всякой тамъ ищетъ между мертве„цами своихъ родныхъ илизнакомыхъ. При„крывъ наготу труповъ своимъ платьемъ, „предаютъ землѣ и совершаютъ молитвы „объ усопшихъ" и пр. (30).

Бывшій въ Россіи при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, Англичанинъ Сам. Коллинсъ пишетъ, „что убитыхъ и замерзшихъ при„возятъ въ Земскій приказъ, къ коему от„носятся многіе таковые случаи, и тамъ

---

(30) Russia s. Moscovia, itemque Tartaria commentario topographico atque politico illustratae. Lugd. Bat. an. 1630, in 16. — Сравни Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. ч. I. Спб. 1831, въ 8.

„выставляютъ тѣла на три или четыре „дни. Ежели найдутся какіе либо родственники или знакомые мертвыхъ: то увозятъ „ихъ тѣла; въ противномъ случаѣ, они отсылаются въ большое подземелье со вдовами, которое называется Божіимъ домомъ „(Bozky, или Boghzi Dome): тамъ складываютъ „до 100 или 200 труповъ и оставляютъ ихъ „до весны, а весною священники погребаютъ оныя и засыпаютъ землею. Тридцать дней послѣ погребенія, родственники „приходятъ читать Псалтырь надъ могилою, выстроивъ тамъ небольшой шалашъ „для защищенія себя отъ непогоды" (31). Такіе шалаши или будки запрещено строить при церквахъ, на гробахъ покойниковъ, указомъ 1723 г. Октября 26.

Самуилъ Кихель, въ концѣ XVI вѣка, какъ очевидецъ, описываетъ Убогій домъ въ Псковѣ: „Для погребенія мертвымъ находится за городомъ кладбище, и бѣднѣйшихъ кладутъ въ общую яму, выкопанную на четверть часа ѣзды отъ города подъ кровлею и, по наполненіи, засыпавъ оную, выкапываютъ возлѣ нея новую. При церквахъ же и въ

(31) The present state of Russia, illustred with many copper lates. Lond. 1671, in 12.

церквахъ погребаютъ только богатыхъ за вклады“ (32). Къ етому описанію еще прибавляетъ онъ, что „трупы неизвѣстныхъ кидались въ известковую яму, для сего приготовленную, гдѣ съѣдала оные известь.“

Въ одной старой пѣснѣ, временъ Императрицы Анны Ивановны, несчастный пѣвецъ такъ описываетъ жребій свой:

Ахъ! бѣда въ скудѣ, нѣтъ мѣста въ водѣ,
Вытащутъ оттоль, изсушатъ, какъ моль,
Почнутъ потрошить, чтобъ кости сушить,
Да тѣмъ чередомъ и въ Убогій домъ;
Тамъ ночь велика, и до Семика.

---

§ 3. Кромѣ историческихъ воспоминаній въ лѣтописяхъ, грамотахъ Патріарховъ и Архіереевъ, указовъ Государей, и синодикахъ, кромѣ преданій, донынѣ существуютъ и самыя мѣста погребенія убогихъ, удерживающія и свое первобытное имя и слѣды могильныхъ насыпей: я говорю о церквахъ, монастыряхъ и урочищахъ — гласныхъ памятникахъ у Рускаго народа.

---

(32) Исторія Княжества Псковскаго. соч. М. *Евгенія* Кіевъ. ч. I, 1831, въ 12.

Сверхъ выше упомянутыхъ Убогихъ Домовъ, въ Москвѣ есть улица, слывущая Божедомкою, при церкви Воздвиженія Честнаго Креста, или С. Іоанна Воина *на старыхъ убогихъ домѣхъ* (33). Вѣроятно, ето первая въ Москвѣ скудельница, о коей упоминается въ Соф. Времен. подъ 1474 годомъ; время построенія тамъ первой деревянной церкви не извѣстно: думать надобно, что лѣтъ сто существуетъ нынѣшняя каменная, которую, по преданію, соорудилъ одинъ купецъ надъ прахомъ жены своей, доведенной болѣзнію до самоубійства. Какъ по описи значится, церковь ета имѣла довольно земли, смежной съ владѣніями Троицкой Лавры; въ указѣ 1667 года, Дек. 2, мѣсто сіе названо *монастырь убогихъ домъ*, что за Срѣтенскими, воротами, и огорожено было заборами. Еще послѣ 1812 года, видны были насыпи, или небольшіе курганы надъ тѣлами убогихъ и обвалившіяся могилы на полянѣ противъ церкви и въ саду нынѣшней Почтамтской больницы. На могилкахъ

---

(33) *Мичурина* планъ Москвы 1739 г. — Въ житіи Св. Іоанна сказано, что предъ кончиною своей повелѣлъ „нѣ„коему человѣку тѣло свое положити въ домѣ, идѣже „страннія и незнаеміи и нищіи погребаются.“ По етому, конечно, и сооруженъ придѣлъ во имя сего Святаго на Божедомкѣ.

церкви въ Семикъ, по старой памяти, народъ садился семьями поминать покойниковъ и праздновать честный Семикъ; теперь онѣ сравнены съ землею и тутъ проведена дорога. — Въ 1667 году, по указу Царя Алексія Михайловича монастырская, могильная и пашенная земля сего Убогаго дома близъ рѣчекъ Напрудной и Неглинной пожалована, по упрошенію Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, Московскому Греческому Николаевскому монастырю и о томъ дана владѣльная память (34). По близости съ Убожедомской церковью Св. Іоанна Воина, бывшая въ самой Марьиной рощѣ, у стараго Нѣмецкаго кладбища деревянная церковь Лазарева Воскресенія, такъ равно и нынѣ находящаяся при рощѣ съ кладбищемъ каменная церковь сегожь имени, слывутъ *на Убогихъ Домахъ*, или на *Божедомкѣ*; а мѣсто самое празднованія Семика и даже гулянье называются *Тюльпою*. Въ царствованіе Императрицы Елисаветъ Петровны Убогій домъ отъ церкви С. Іоанна Воина перенесенъ былъ къ Камеръ-Коллежскому валу на поле, между етой церковью и теперешнимъ Лазаревымъ кладбищемъ, и потомъ уничтоженъ послѣ случившагося

---

(34) Собраніе Госуд. грамотъ, ч. IV.

тамъ разграбленія тѣлъ. Близъ сего мѣста въ 1812 году, вскорѣ по изгнаніи непріятелей, въ Марьиной рощѣ сожигали десятками и сотнями въ кострахъ человѣческіе и конскіе трупы, поднятые въ древней Столицѣ. — Покровскій Убожедомскій монастырь въ Москвѣ построенъ на комнатныя деньги Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, который въ 1647 году возобновилъ и Новгородскій Рожественскій монастырь, что *на полѣ у скуделенъ.* — Кромѣ прежде означенныхъ мѣстъ въ Москвѣ, есть еще въ Пречистенскомъ сорокѣ церковь Нерукотвореннаго Спаса, зовомая *Божедомская*, или *Пятница Божедомская*, и Андреевскій монастырь, что нынѣ приходская церковь *Воскресенія Христова въ Плѣницахъ*, и пр.

Никонъ Патріархъ, желая сохранить въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ (Воскресенскомъ монастырѣ) память о всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстахъ Святой Земли, наименовалъ одно село въ окрестностяхъ любимаго имъ монастыря *Скудельничимъ* (35).

Въ другихъ городахъ Россійскаго Государства еще уцѣлѣли божедомскія церкви и

---

(35) Ист. Росс. Іерархіи, т. II. стр. 309.

монастыри и даже остатки самыхъ Убогихъ домовъ, такъ равно сохраняется преданіе о бывшихъ при семъ обрядахъ. Наименуемъ нѣкоторые изъ оныхъ. Остатки упоминаемаго Св. Димитріемъ Ростовскимъ Убогаго дома еще и донынѣ существуютъ въ Ростовѣ, въ Лазаревскомъ приходѣ, 2 квартала, внѣ города. Въ Ярославлѣ еще (1825 г.) видны были ямы Убогаго дома, наполненныя костями человѣческими, кои размыты дождемъ, или раскопаны при доставаніи песка изъ рытвинъ; это при церкви Владимірскія Богоматери, въ Рыбинскомъ переулкѣ; отсюда кладбище, по свидѣтельству старожиловъ, въ первые годы царствованія Екатерины II, перенесено къ церкви С. Леонтія Чудотворца, куда ежегодно 23 Мая, въ воспоминаніе прежняго крестнаго хода на Убогіе домы, бываетъ изъ Собора крестное жь хожденіе. — Въ Нерехтѣ у самаго города есть лугъ съ восточной стороны, называемый *Пахоміевскою поляною*, гдѣ находится каменный столпъ въ память бывшей здѣсь церкви С. Пахомія съ 1592 г. и уничтоженной вмѣстѣ съ уничтоженіемъ Убогихъ Домовъ. На этомъ мѣстѣ существовалъ *Божедомовъ дворъ*, куда свозили замерзшихъ, утоплениковъ и умершихъ безъ покаянія, въ вырытой ямѣ погребали при многолюдномъ стеченіи жителей изъ окружныхъ селеній, а въ церкви от-

правлялась заупокойная обѣдня. Теперь здѣсь сбираются дѣвицы на Семикъ (36). Какъ въ Нерехтѣ, такъ и въ Костромѣ подкидывали на Убогіе домы зазорныхъ дѣтей. Предъ Семикомъ Божедомъ съ своими воспитанниками сбиралъ милостыню, возя малолѣтныхъ изъ нихъ на тѣлежкѣ; подъѣзжая къ обывательскимъ домамъ, онъ припѣвалъ: „К—нъ „сынъ батька, к—на дочь матка, узнай „свое дитятко, подай ему милостыню!" Иногда выискивались родители или сродники, и изъ рукъ Божедома брали себѣ дѣтей въ Богданы. *Божедомъ, Богорадный*, или *Божатой* въ областномъ нарѣчіи значитъ не только воспитатель незаконнорожденныхъ дѣтей (Богдановъ), но и вообще крестный отецъ. Близъ Устюга великаго, при Іоанно-предтеченскомъ дѣвичьемъ монастырѣ есть сосновая роща, гдѣ попадается множество холмиковъ, означающихъ *многогробищное* мѣсто; ета роща, по преданію, выросла на Убогомъ Дому, гдѣ надъ могилами усопшихъ знакомые и родные сажали по молодой соснѣ въ знакъ памяти. Туда-то и донынѣ собираются приходскіе священники о Семикѣ пѣть панихиды; послѣ чего во мно-

---

(36) Записка М. Я. Діева изъ Сыпанова.

жествѣ туда стекшійся народъ гуляетъ въ Семикъ подъ тѣнію сосенъ печальной рощи (37).

Въ Вологдѣ есть весеннее гулянье, называемое *Поляною* отъ поляны, на коей съ незапамятныхъ временъ донынѣ народъ празднуетъ Семикъ; на семъ-то мѣстѣ, по свидѣтельству Митрополита Евгенія, былъ Убогій домъ или погребъ, въ который черезъ цѣлый годъ бросали тѣла самоубійцъ; и въ Троицкую недѣлю, по обычаю другихъ городовъ, туда бывалъ крестный ходъ съ отпѣваніемъ панихиды надъ погребенными; послѣ чего клали тѣла въ вырытую яму и засыпали землею, а на будущій годъ выкапывали новую (38). Такъ какъ при оныхъ домахъ иногда строились особыя церкви, а иногда часовни для пристанища крестному ходу: то и на полянѣ въ Вологдѣ была деревянная часовня. Сию часовню другой неизвѣстный изыскатель (39) выдаетъ за каменный съ деревянною кровлею голбчикъ, сооруженный надъ тѣлами *двухъ витязей Бѣлоризцевъ*, по преданію народному, доблественно подвизавшихся во

(37) Сѣверн. Арх. 1824, No 17.

(38) Сѣверн. Вѣстн. 1804, No 11.

(39) Вѣстн. Евр. 1813. No 17, и 1814 No 15.

время нашествія Литовцевъ, и схороненныхъ на скудельницѣ, гдѣ погребались не столько самоубійцы, сколько умершіе насильственною смертью.

Въ Новгородѣ великомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился Рожественскій монастырь *на скудельняхъ*, или *на полѣ*, осталась одна древняя каменная церковь во имя Рождества Христова, а другая, каменная во имя Св. Николая, 1766 года, построенная надъ прахомъ Князей Василія Лукича и Ивана Алексѣевича Долгорукихъ, тамъ казненыхъ въ царствованіе Анны Ивановны. Туда съ давнихъ лѣтъ ежегодно въ Семикъ совершается изъ кладбищенской церкви крестный ходъ послѣ обѣдни. По прибытіи на мѣсто, поютъ общую панихиду о здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. Послѣ того, обходятъ все кладбище при пѣніи стиховъ: *плачу и рыдаю*, а потомъ *не рыдай Мене Мати*. — Нѣкто Корнилій Брагинъ въ 1619 г. построилъ въ Курскѣ *Божедомскій монастырь*, нынѣ упраздненный (40).

Въ трехъ верстахъ отъ Вязьмы, на скатѣ горы, при рѣчкѣ Русяткѣ, влѣво отъ большой Смоленской дороги, стоитъ дере-

---

(40) Исторія Росс. Іерархіи, т. III.

вянная старая часовня, извѣстная тамъ подъ именемъ *Убогаго дома*, гдѣ погребались самоубійцы и странники.

Существованіе и въ другихъ мѣстахъ Россіи подобныхъ кладбищъ свидѣтельствуетъ, что онѣ были въ ней издревле повсемѣстными.

Касательно Убогихъ домовъ замѣчателенъ также Указъ, данный во 2й день Іюля 1748 года Сенату Императрицею Елисаветою Петровною: „Понеже Нашъ Дворецъ въ Москвѣ на „Яузѣ рѣкѣ близъ Нѣмецкой Слободы имѣется, „въ которомъ Мы, въ наше присутствіе въ „Москвѣ, всегда пребываемъ, а въ Нѣмецкой „Слободѣ и близъ оной при церквахъ, кои „при самыхъ проѣзжихъ улицахъ имѣются, „кладбища мертвыхъ тѣлъ, особливо же въ „слободѣ въ *склепахъ незасыпанные землею*, „кои хотя прежде и дозволено было; но „тогда оная слобода была въ отдаленіи отъ „жилья въ краѣ къ пустымъ мѣстамъ и „нынѣ между Нашимъ Дворцемъ въ срединѣ „быть стала и для того погребенію мертвыхъ тѣлъ весьма тутъ быть не прилично „да и опасно; и того ради Повелѣваемъ: какъ „въ Нѣмецкой слободѣ, такъ и близъ оной „при церквахъ, кои на проѣзжихъ большихъ „улицахъ имѣются, отъ сего времени мертвыхъ не погребать и старыя всѣ могилы

„заровнять и склепы, незасыпанные, землею, „засыпать; а впредь тѣхъ приходовъ обывателямъ мертвыхъ своихъ погребать въ „полѣ и для того отвесть удобныя мѣста „за Мѣщанскою слободою, гдѣ имѣются *Убогіе домы* въ сторонѣ отъ проѣзжихъ большихъ дорогъ и въ отдаленіи отъ жилья, „по разсмотрѣнію, а для Русскихъ, гдѣ отведется, построить церковь небольшую „на Нашъ коштъ, чтобъ не въ полѣ, но при „церкви по Христіанской должности оные „погребены были.“ — При етой же Государынѣ въ 1744 году впущенъ былъ въ Сенатъ Главной Полиц. Канцеляріи Членъ *Молчановъ* и взнесъ оной Канцеляріи доношеніе, которымъ требовалъ, чтобъ „на *Убогомъ* „*домѣ*, который близь Марьиной рощи, для „погребенія мертвыхъ тѣлъ *анбаръ* исправить, за неимѣніемъ въ Полиціи на то дѣло „денегъ, отъ Губерніи Московской съ Духовною Дикастуніею. Указомъ Сената 22 Маія „того 1745 г. предписано: анбаръ построить „и впредь починивать Моск. Губернской Канцеляріи изъ неокладныхъ доходовъ той Губерніи“ (41).

---

(41) По указанію ученаго любителя отечественныхъ древностей, П. В. Шереметевскаго.

Но послѣ Московской чумы 1771 г. указами запрещено было повсюду вырывать для самоубійцъ и скоропостижно умершихъ годовыя ямы; съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожились и Божедомскіе сараи и прекращены крестные ходы на такія мѣста, на коихъ хоронили не только *убогихъ* — умершихъ внезапною смертію, убитыхъ, опальныхъ, казненыхъ, иногда самоубійцъ, но даже иногда онѣ служили воспитательными домами, гдѣ призираемы были Божедомами подкидыши. Но по тому отвращенію, какое издревле Рускіе имѣли къ иновѣрцамъ, почитаемымъ погаными, нечистыми, едва ли вполнѣ справедливо мнѣніе Карамзина, чтобы на Убогихъ домахъ *погребались тѣла всѣхъ иноземцевъ* (42): они имѣли особенное кладбище, коего остатки существуютъ донынѣ въ Марьиной рощѣ и близъ Донскаго монастыря. Иногда же хоронили тѣла чужестранцевъ на Убогихъ домахъ только при особенныхъ случаяхъ, какъ видно изъ Беровой лѣтописи (43) — и это было исключеніемъ изъ общаго правила. Въ царствованіе

---

(42) *Карамз.* И. Г. Р. т. VII.

(43) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. I. Спб. 1831, въ 8.

Анны Ивановны донесъ Св. Синоду 1730 г. Мая 22го Иродіонъ, Епископъ Черниговскій и Сѣверскаго Новгородка, что Мекленбургскаго корпуса начальники и подначальные, тѣла умирающихъ между ими Лютеровъ, Кальвиновъ и прочихъ иновѣрцевъ, не хотя погребать внѣ городовъ и селъ въ *опредѣленныхъ мѣстахъ*, самовольно хоронятъ при церквахъ и дѣлаютъ подъ сими *каменныя капища*. Указомъ предписано было капища сломать.

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ видно, что Убогіе домы въ Россіи были *постоянные* и *временные*; послѣдніе, какъ выше замѣчено, обыкновенно устроивались въ случаѣ мороваго повѣтрія, голода и нашествія враговъ, чтобы предохранить живущихъ отъ заразы, а тѣла усопшихъ отъ поруганія и чтобы исполнить долгъ Христіанскій преданіемъ оныхъ землѣ съ церковнымъ молитвословіемъ. Они собственно занимали средину между *погостомъ* или *кладбищемъ*, гдѣ погребались удостоившіеся Христіанской кончины, и *полемъ* и *лѣсомъ*, гдѣ хоронились отверженные Церковью; ибо наша Церковь самымъ мѣстомъ и обрядомъ погребенія усопшихъ постановила различіе,

назидательное для живущихъ. Въ учрежденіи ежегоднаго общаго поминовенія убогихъ видно материнское сердоболіе Церкви, молящейся за *поминающихъ убогихъ* (41), также благочестіе и Христіанское милосердіе Рускаго народа, у котораго существовалъ етотъ обычай столько вѣковъ.

---

(41) Въ пѣніе *Достойно* читается священникомъ въ молитвѣ: *καὶ μεμνημένων τῶν πενήτων.*

IV.

ВЬЮНИШНИК.

Такъ въ Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ называютъ субботу на Святой недѣлѣ. День етотъ празднуется въ честь молодыхъ супруговъ, обвѣнчавшихся въ теченіе прошедшаго года. Собравшись съ разсвѣтомъ въ концѣ деревни, молодежь идетъ къ ихъ дому, и, приближась къ нему, начинаетъ пѣть:

Какъ въ деревнѣ во Ильинской
У Ефима молодца,
Что стоялъ тутъ теремъ
Со крутымъ верхомъ,
Со косячатымъ окномъ.
Противъ краснаго крыльца,
Противъ косячатаго окна,
Выростало деревцо трехъ-угодливое.
Что во томъ ли терему
Дубовы столы стоятъ,
Дубовы столы стоятъ,
Бранны скатерти лежатъ;
На тѣхъ ли на столахъ,
Медвяны яствы стоятъ.

За тѣми ли столами
Князья, бояре сидятъ;
Медвяны яствы ѣдятъ,
Сахарныя питья пьютъ.
Се катайтеся, бояре,
Со высока терема,
Не сшибите деревца,
Трехъ-угодливаго.
Еще первая угода
Подъ корень деревца,
А другая-то угода —
Посередъ деревца,
А третья-то угода,
Подъ вершину деревца.
Подъ вершиной деревца
Соловей гнѣздо вьетъ,
Онъ и яицы несетъ,
Молодыхъ дѣтокъ ведетъ.
Посередъ деревца,
Пчелы ярыя шумятъ,
Много меду наносятъ.
Подъ корень деревца
Кровать нова тесова,
Перинушка пухова;
На той ли кроватушкѣ,
Ефимушка лежитъ,
Съ молодой своей женой
Со Оксиньюшкой душой.
А у нихъ въ головахъ

Звончаты гусли лежать.
И кому въ гусли играть,
Кому тѣшиться?
Играть въ ети гусли
Ефиму молодцу,
Ему тѣшить, утѣшать
Молоду свою жену,
Оксиньюшку душу.
Чѣмъ васъ молодцовъ
Станутъ жаловати?
Пивомъ, ендовой или стклянщой вина,
Или золотой казной?
Ничего намъ не подать,
Мы со двора пойдемъ,
Мы осердимся.
Три бѣды мы сокуримъ:
Первую бѣду:
Ворота мы растворимъ,
Коней пару уведемъ;
А другую-то бѣду:
Избы двери растворимъ,
Мы гостей ознобимъ.
Третью-то бѣду:
Во теремъ зайдемъ,
Мы заслонъ унесемъ,
Во печи остудимъ,
Гостей оголодимъ,
И васъ молодыхъ
На стыдъ наведемъ.

Пѣсня ета поется до тѣхъ поръ, пока молодые не подадутъ имъ въ окно вина и денегъ. Вино тотчасъ выпивается, а деньги беретъ старшій подъ сохраненіе. Послѣ етого поютъ слѣдующее благодареніе:

Еще здравствуй, молодой
Съ молодой своей женой,
И спасибо тебѣ, хозяинъ,
На жалованьи!

Припѣвъ.

Вьюнецъ молодецъ, молодая,
Вьюнецъ молодецъ — молодая,
Вьюнецъ молодецъ — молодая,
Вьюнецъ молодецъ — молодой!

Такимъ образомъ, обойдя молодыхъ въ своей и окрестныхъ деревняхъ, къ вечеру всѣ партіи собираются въ какое нибудь село, гдѣ есть питейный домъ, на собранныя деньги покупаютъ вина, пряниковъ и веселятся по-своему, то есть играютъ съ дѣвками въ хороводахъ, борются и дерутся на кулачкахъ (5).

---

(45) см. стр. 16 сей книги, и Энцикл. Лекс. т. XII.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Къ стр. 77. Въ числѣ книгъ ложныхъ писанія помѣщено: *Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана Царя мученъ.* см. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, изд. К. К. Москва, 1824, въ листъ, стр. 210.

Къ стр. 116. Въ селѣ *Туровскомъ*, близъ Галича, найденъ въ 1836 г. небольшой идолъ, вылитый изъ красной мѣди, мѣдная головка идола, мѣдный ножъ и изображеніе животнаго: сіи вещи теперь хранятся въ Обществѣ Исторіи и Др. Росс. По преданію, на горѣ надъ Галицкимъ озеромъ существовало капище Турово.

ПОПРАВКИ.

	Напечатано:	Читай:
стр. 48	Естовъ	Финновъ и Латышей Балтійскихъ.
— 99	tölte	tölta
— 176	школы,	школы

